

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«ОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО»

ФАКУЛЬТЕТ ПСИХОЛОГИИ

АКТИВНОСТЬ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЛИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ

**Материалы II Всероссийской научно-практической конференции
с международным участием, посвященной 300-летию г. Омска**

(Омск, 6–7 октября 2016 г.)

© ФГБОУ ВО «ОмГУ им. Ф.М. Достоевского», 2016

ISBN 978-5-7779-2051-5

2016

УДК 159.9
ББК 88.я43
П 863

Рекомендовано к изданию редакционно-издательским советом ОмГУ

Рецензенты:

канд. психол. наук, доцент *К.Г. Горбунов*; канд. психол. наук, доцент *Н.Н. Карловская*

Редакционная коллегия:

д-р психол. наук, профессор *Л.И. Дементий* (гл. редактор); канд. психол. наук, доцент *А.Ю. Маленова* (отв. редактор); канд. психол. наук, доцент *О.Ю. Гроголева*; канд. психол. наук, доцент *В.Е. Купченко*; зав. учебно-научной лабораторией *А.А. Маленов*

П 863 **Активность и ответственность личности в контексте жизнедеятельности**
[Электронный ресурс] : материалы II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 300-летию г. Омска (Омск, 6–7 октября 2016 г.) / [редкол.: Л. И. Дементий (гл. ред.), А. Ю. Маленова (отв. ред.) и др.]. – Электрон. текст. дан. – Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2016. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM) ; 12 см.

ISBN 978-5-7779-2051-5

Представлены статьи, посвященные наиболее актуальным методологическим, теоретическим, методическим проблемам изучения и проявления активности и ответственности личности в разных сферах жизнедеятельности: в профессиональной, образовательной, молодежной и семейной среде, медицинской и правовой сферах, в трудных жизненных ситуациях.

Для профессиональных психологов – исследователей и практиков, студентов факультетов психологии, педагогов, социальных работников.

УДК 159.9
ББК 88.я43

Авторы опубликованных материалов несут полную ответственность за точность приведенных цитат, собственных имен, соответствие ссылок оригиналу и прочие сведения. Положения редакционной коллегии и авторов материалов не всегда совпадают. Материалы печатаются в авторской редакции

Текстовое электронное издание
Самостоятельное электронное издание

Минимальные системные требования:

PC, Pentium и выше с частотой не ниже 500 MHz; ОЗУ 256 Mb;
Microsoft Windows 2000/XP/Vista/7; Adobe Acrobat Reader 4.0 и выше; CD-ROM; мышь.

© ФГБОУ ВО «ОмГУ им. Ф.М. Достоевского», 2016

MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE OF RUSSIAN FEDERATION

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
«DOSTOEVSKY OMSK STATE UNIVERSITY»

DEPARTMENT OF PSYCHOLOGY

ACTIVITY AND RESPONSIBILITY OF THE PERSONALITY IN THE CONTEXT OF LIFE ACTIVITY

**Materials II of the All-Russian scientific and practical conference
with the international participation devoted
to the 300 anniversary of Omsk**

(Omsk, 6–7 October 2016 г.)

© Dostoevsky Omsk State University, 2016

ISBN 978-5-7779-2051-5

Omsk

Omsk State University Publishing House

2016

UDC 159.9
LBC 88.я43
P 863

It is recommended to the edition publishing council of Dostoevsky Omsk State University

Reviewers:

candidate of psychological sciences, associate professor *K.G. Gorbunov*;
candidate of psychological sciences, associate professor *N.N. Karlovskaya*

Editorial board:

Dr. of psychological sciences, professor *L.I. Dementiy* (editor-in-chief);
candidate of psychological sciences, associate professor *A.Yu. Malenova* (managing editor);
candidate of psychological sciences, associate professor *O.Yu. Grogoleva*;
candidate of psychological sciences, associate professor *V.E. Kupchenko*;
manager educational and scientific laboratory. *A.A. Malenov*

P 863

Activity and responsibility of the personality in the context of life activity

[Electronic resource] : materials II of the All-Russian scientific and practical conference with the international participation devoted to the 300 anniversary of Omsk (Omsk, 6–7 October 2016 г.) / [editorial board: L. I. Dementiy (editor-in-chief), A. Yu. Malenova (managing editor) and others]. – Electronic text data. – Omsk : Omsk State University Press Publishing House, 2016. – 1 electronic optical disk (CD-ROM) ; 12 cm.

ISBN 978-5-7779-2051-5

Articles devoted to the most urgent methodological, theoretical, methodical problems of studying and manifestation of activity and responsibility are provided persons in different spheres of activity: among professional, educational, young and family people, medical and legal spheres, in difficult life situations.

For professional psychologists – researchers and practitioners, students of faculties of psychology, teachers, social workers.

UDC 159.9
LBC 88.я43

Text electronic publication
Independent electronic publication

Minimal sistem requirements:

PC, Pentium and higher with minimum 500 MHz fre.; 256 Mb RAM;
Microsoft Windows 2000/XP/Vista/7; Adobe Acrobat Reader 4.0 and higher; CD-ROM; mouse

Издается в авторской редакции.
Макет подготовлен в Издательстве ОмГУ

Технический редактор *Н.В. Москвичёва*
Программно-техническая реализация *Е.А. Малыгиной*

Дата выпуска: 09.12.2016.
1 электрон. опт. диск (CD-ROM); 12 см.
Тираж 10 копий. Объём 1,4 Мб.

Издательство
Омского государственного университета
им. Ф.М. Достоевского
644077, г. Омск, пр. Мира, 55а
тел.: 8 (3812) 67-32-55, 64-30-61, 64-13-07

НАВИГАЦИЯ ПО СБОРНИКУ: инструкция для читателей

1. Для быстрого перехода к нужной статье используйте интерактивное содержание сборника:

- нажмите кнопку «Закладки» (иконка имеет вид или) на боковой (левой) панели;
- в открывшейся панели, прокручивая Содержание, найдите название статьи;
- кликнув по названию статьи, перейдите к ее тексту.

2. Если боковая панель с кнопкой «Закладки» отсутствует, настройте ее следующим образом:

- если вы используете раннюю версию Adobe Reader, зайдите в меню «Просмотр», выберите «Панели навигации», нажмите кнопку «Закладки»;
- если вы используете последние версии Adobe Reader, зайдите в меню «Просмотр», выберите «Показать / Скрыть», далее – «Области навигации», в выпадающем меню нажмите «Закладки».

Далее действуйте в соответствии с указаниями п. 1.

СОДЕРЖАНИЕ

Секция «МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ, ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ АКТИВНОСТИ И ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ»

<i>Антилогова Л.Н.</i> Нравственная активность как форма социальной активности личности.....	11
<i>Левит Л.З.</i> Свобода и ответственность в современных условиях: разрешение противоречий.....	15
<i>Москвитина О.А.</i> Субъектность, активность и ответственность в ситуациях неопределённости...	21
<i>Мужичкова Ю.Е.</i> Эмоционально-ценностная основа социальной ответственности личности.....	25
<i>Осадчук О.Л.</i> Ответственность как критерий профессиональной надёжности.....	28
<i>Росийчук Т.А.</i> Субъектность/субъективность: (ре)концептуализация речевого развития личности.....	31
<i>Симонова И.А., Кружкова О.В.</i> Гражданская субъектность и историческая ответственность: проблема соотношения феноменов.....	35
<i>Скворцова Л.Л.</i> Социальная ответственность в структуре имплицитных концепций личностной зрелости.....	39
<i>Шадрин Н.С.</i> Уровни внутреннего мира человека: проблема связи понятий «ответственность», «саморегуляция» и «отчуждение личности».....	43

Секция «ОТВЕТСТВЕННОСТЬ И САМОРЕГУЛЯЦИЯ ЛИЧНОСТИ»

<i>Варлашкина Е.А.</i> Особенности личностной сферы женщин с разной степенью активности преобразования внешности.....	48
<i>Гордина О.В.</i> Неформальное образование взрослых как пространство самореализации.....	53
<i>Гроголева О.Ю., Гаркина А.А.</i> Влияние стратегий взаимодействия и перфекционизма родителей на перфекционизм и мотивацию достижения детей младшего школьного возраста.....	56
<i>Гроголева О.Ю., Орлова О.И.</i> Взаимосвязь самоактуализации личности с субъективным благополучием и опытом прощения.....	60
<i>Ковалева Ю.В.</i> Этнические особенности мотивации и ответственности студентов при совершении просоциальных поступков.....	64
<i>Колодина А.В.</i> Ответственное поведение и локус контроля родителей подростков как фактор реализации ими стиля детско-родительских отношений.....	67
<i>Купченко В.Е., Анфарович Е.В.</i> Взаимосвязь самоконтроля и психологического благополучия личности.....	72
<i>Лейффрид Н.В., Гаркина А.А.</i> Ценности и атрибутивный стиль лиц, совершивших насильственные и корыстные преступления.....	75
<i>Ушева Т.Ф.</i> Формирование ответственности студента как умения кооперативной рефлексии.....	78
<i>Фанталова Е.Б., Рожков Е.М.</i> Особенности мотивационно-личностной сферы у лиц с депрессивными расстройствами.....	82

Секция «АКТИВНОСТЬ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЛИЧНОСТИ В РАЗНЫХ СФЕРАХ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ»

<i>Аликина Е.Л.</i> Изучение социальных представлений о счастье как метод диагностики социализации учащихся.....	85
<i>Банщикова К.В., Деревцова Е.Н.</i> Психолого-педагогические условия формирования готовности воспитанников детского дома к выбору профессии.....	89
<i>Гроголева О.Ю., Дронова А.А.</i> Типология личности подростков, склонных к общению в социальных сетях.....	93
<i>Гусарова В.В., Кролевец О.П., Чернобровкина С.В.</i> Аtribuтивный стиль супругов как фактор удовлетворенности браком, ролевых ожиданий и притязаний в браке.....	96
<i>Дементий Л.И.</i> Особенности ответственности у спортсменов разных видов спорта.....	100
<i>Задорожная М.В., Деревцова Е.Н.</i> Формирование социально-правовой компетентности воспитанников детского дома.....	103
<i>Козловский П.В.</i> Усложнение процессуальной деятельности как форма освобождения от уголовной ответственности.....	107
<i>Колодина А.В., Крико Т.Д.</i> Взаимосвязь стиля семейного воспитания и стратегий поведения в конфликте у родителей подростков.....	111

<i>Маленова А.Ю., Королева К.В.</i> Взаимосвязь брачно-семейных установок с психологическим полом личности на разных этапах семейных отношений	114
<i>Нечитайло Я.С., Чернобровкина С.В.</i> Взаимосвязь типа корпоративной культуры с мотивацией труда и удовлетворенностью трудом у рабочих и инженерно-технических сотрудников	118
<i>Чернобровкина С.В.</i> Представление о взрослости у современных студентов.....	121

Секция «АКТИВНОСТЬ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЛИЧНОСТИ В ТРУДНЫХ ЖИЗНЕННЫХ СИТУАЦИЯХ»

<i>Бибнева Е.А., Крюкова Т.Л.</i> О механизмах совладания: как происходит выбор индивидуальных и диадических стратегий в начале совместной жизни партнеров.....	125
<i>Бубнова И.С.</i> Самооценка и самоотношение наркозависимой молодежи	129
<i>Гроголева О.Ю., Захарова И.Г.</i> Специфика опыта прощения и эмоциональных состояний личности пациентов с психосоматическими расстройствами	133
<i>Лейффрид Н.В., Камнева В.В.</i> Социальные представления о справедливости осужденных с разным уровнем ответственности и смысложизненных ориентаций	136
<i>Маленов А.А.</i> Проактивное совладание как проявление субъектности в период зрелости.....	139
<i>Маленова А.Ю., Малюга К.В.</i> Трудные жизненные ситуации подростков и способы совладания с ними	143
<i>Потапова Ю.В.</i> Ситуационные и дипозиционные предикторы активного копинга в ситуации сепарации с родителями в юношеском возрасте	146
<i>Хазова С.А., Коршиков Б.Н.</i> Когнитивные детерминанты превентивного копинга	149
<i>Шаргородская О.В.</i> Проблема открытости диагноза вич-инфекции как фактор совладания со стрессом болезни	152

Секция «ПРОБЛЕМА АКТИВНОСТИ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В ИССЛЕДОВАНИЯХ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ»

<i>Артемяева О.В.</i> Развитие субъектных качеств родителей в процессе формирования их педагогической культуры посредством андрагогического взаимодействия	155
<i>Грицкевич К.С.</i> Особенности развития ответственности в среднем подростковом возрасте	159
<i>Дианова Е.А.</i> Гендерные особенности социальных представлений о пожилых людях в юношеской среде	162
<i>Ермоленко А.Е.</i> Взаимосвязь коммуникативной компетентности сотрудников и социально-психологического климата коллектива	166
<i>Мантахаева А.А.</i> Критерии адаптированности студентов младших курсов высших учебных заведений	171
<i>Маркова Я.С.</i> Формирование делинквентного поведения у подростков: гендерный аспект	174
<i>Рычкова С.Г.</i> Характеристика условий развития творческих способностей у людей третьего возраста в процессе неформального образования	178
<i>Смирнова О.В.</i> Социально-психологическая адаптация воспитанников довузовского образовательного учреждения Министерства обороны РФ как фактор формирования ответственности будущего офицера	182
<i>Сухова В.В.</i> Эмпатия как фактор развития супружеских отношений	186
<i>Чередниченко Т.А.</i> Соотношение «индивидуального» и «коллективного» в структуре ценностей и копинг-поведения у старшего поколения	188

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	191
----------------------------------	-----

CONTENTS

Section «METHODODOLOGICAL, THEORETICAL AND METHODOLOGICAL PROBLEMS OF STUDYING OF ACTIVITY AND RESPONSIBILITY OF THE PERSONALITY»

<i>Antilogova L.N.</i> Moral activity as the form of social activity of the person.....	11
<i>Levit L.Z.</i> Individual freedom and responsibility nowadays: resolution of contradictions	15
<i>Moskvitina O.A.</i> Subjectivity, activity and responsibility in situations of uncertainty.....	21
<i>Muzhichkova Yu.E.</i> Emotionally-valuable bases of social responsibility of the individual	25
<i>Osadchuk O.L.</i> Responsibility as a criterion professional reliability	28
<i>Rosiychuk T.A.</i> Subjectivity/subjective: (re)conceptualization of speaking development of personality	31
<i>Simonova I.A., Kruzhkova O.V.</i> Civil subjectivity and historical responsibility: the problem of correlation of phenomena.....	35
<i>Skvortsova L.L.</i> Social responsibility in the structure of implicit concepts of personal maturity	39
<i>Shadrin N.S.</i> The levels of internal world of man: the problem of the connection of notions “responsibility”, “self-regulation” and “alienation of personality”	43

Section «RESPONSIBILITY AND SELF-CONTROL OF THE PERSONALITY»

<i>Varlashkina E.A.</i> Personal sphere features of women with different degrees of activity with transformation appearance.....	48
<i>Gordina O.V.</i> Nonformal adult education as a space of self-realization	53
<i>Grogoleva O.Yu., Garcina A.A.</i> The influence of interaction strategies and perfectionism of parents on perfectionism and achievement motivation of primary school age children	56
<i>Grogoleva O.Yu., Orlova O.I.</i> Relationship of self-actualization with subjective well-being of the individual and experience of forgiveness.....	60
<i>Kovaleva Y.V.</i> Ethnic peculiarities of motivation and responsibility of students when making prosocial actions	64
<i>Kolodina A.V.</i> Responsible behavior and locus of control of adolescent parents as the factor of realization of their style of parent-child relationships.....	67
<i>Kupchenko V.E., Anfarovich E.V.</i> Relationship self-control and psychological well-being person.....	72
<i>Leyfrid N.V., Garcina A.A.</i> Values and attributive style of the persons which made violent and crimes for profit.....	75
<i>Usheva T.F.</i> Formation of students responsibility as a skill of cooperative reflection	78
<i>Fantalova E.B., Rozhkov E.M.</i> Features of the motivational and personal sphere at persons with depressive disorders.....	82

Section «ACTIVITY AND RESPONSIBILITY OF THE PERSONALITY IN DIFFERENT SPHERES OF LIFE ACTIVITY»

<i>Alikina E.L.</i> Study of social representations about happiness as method of diagnosis of socialization of school students	85
<i>Banshchikova K.V., Derevtsova E.N.</i> Psychological and pedagogical conditions for preparing orphanage inmates to choose their profession.....	89
<i>Grogoleva O.Yu., Dronova A.A.</i> The typology of the person of teenagers who are prone to communication in social networks	93
<i>Gusarova V.V., Krolevets O.P., Chernobrovkina S.V.</i> Attributive style of spouses as the factor of satisfaction with marriage, role expectations and claims in marriage.....	96
<i>Dementiy L.I.</i> Features of responsibility at athletes of different types of sport.....	100
<i>Zadorozhnyaya M.V., Derevtsova E.N.</i> Forming of social and law competence of orphanage inmates.....	103
<i>Kozlovskiy P.V.</i> Complication of procedure as a form of exemption from criminal responsibility	107
<i>Kolodina A.V., Kriko T.D.</i> Relationship family education style and strategies behavior in the conflict of adolescents and their parents.....	111
<i>Malenova A.Yu., Koroleva K.V.</i> Interrelation of matrimonial installations with a psychological sex of the personality at different stages of the family relations	114
<i>Nechitailo Y.S., Chernobrovkina S.V.</i> Interrelation of a corporate culture's type with motivation of work and satisfaction with work by workers and engineering employees	118
<i>Chernobrovkina S.V.</i> Adulthood conception of modern students	121

Section «ACTIVITY AND RESPONSIBILITY OF THE PERSONALITY IN DIFFICULT LIFE SITUATIONS»

<i>Bebneva E.A., Kryukova T.L.</i> Coping mechanisms: how partners choose individual and dyadic coping-strategies at the beginning of cohabitation	125
<i>Bubnova I.S.</i> Self-esteem and self-attitude of young drug addicts	129
<i>Grogoleva O.Yu., Zacharova I.G.</i> The specifics of the experience of forgiveness and emotional states of the person of patients with psychosomatic disorders	133
<i>Leyfrid N.V., Kamneva V.V.</i> Social ideas of justice of convicts with different level of responsibility and vital orientations	136
<i>Malenov A.A.</i> Pro-active coping-behaviour as manifestation of subjectivity in the period of the maturity	139
<i>Malenova A.Yu., Malyuga K.V.</i> Difficult life situations of teenagers and ways of their overcoming	143
<i>Potapova Yu.V.</i> Situational and dispositional predictors of active coping in the situation of separation from parents in adolescence	146
<i>Hazova S.A., Korshikov B.N.</i> Cognitive determinants of the preventive coping	149
<i>Shargorodskai O.V.</i> The issue of openness of diagnosis of hiv infection as a factor of coping with stress illness	152

Section «PROBLEM OF ACTIVITY AND RESPONSIBILITY IN RESEARCHES OF YOUNG SCIENTISTS»

<i>Artemeva O.V.</i> The development of parents` subjective features in the process of formation their pedagogical culture with the andragogical interaction	155
<i>Gritskevich C.S.</i> Features of the development of responsibility on the average teenager	159
<i>Dianova E.A.</i> Gender features of social perceptions a of the elderly people in the youth environment	162
<i>Ermolenko A.E.</i> The relationship of communication competence of employees and socio-psychological climate of the team	166
<i>Mantakhaeva A.A.</i> Criterions of adaptedness first year students in universities	171
<i>Markova Ya.S.</i> Formation of delinkventny behaviour at teenagers: gender aspect	174
<i>Rychkova S.G.</i> The characteristic of conditions of development of creative abilities in people of the third age in the course of informal education	178
<i>Smirnova O.V.</i> Socio-psychological adaptation of pre-university educational institution Ministries of defence Russian Federation as the factor of responsibility development of a future military officer	182
<i>Sukhova V.V.</i> Empathy as the factor of development of the marital relationship	186
<i>Cherednichenko T.A.</i> Ratio "individual" and "collective" in structure of values and coping-behavior at the senior generation	188
INFORMATION AUTHORS	191

СЕКЦИЯ «МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ, ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ АКТИВНОСТИ И ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ»

УДК 316.621

НРАВСТВЕННАЯ АКТИВНОСТЬ КАК ФОРМА СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ ЛИЧНОСТИ

Л.Н. Антилогова

Омский государственный педагогический университет

В статье акцентируется внимание на такой форме социальной активности, как нравственная активность, дается определение данного феномена. Подчеркивается, что нравственная активность личности реализуется через ее ценностные ориентации, определяющие ее направленность, содержание, формы выражения, цели и средства нравственного самосовершенствования личности. На основе эмпирического исследования представлены доминирующие ценности современных студентов.

Ключевые слова: активность, нравственная активность, социальная активность, ценности, ценностные ориентации.

MORAL ACTIVITY AS THE FORM OF SOCIAL ACTIVITY OF THE PERSON

L.N. Antilogova

Omsk state pedagogical university

In article the attention is focused on such form of social activity as moral activity, is made definition of the given phenomenon. It is underlined, that moral activity of the person is realised through its valuable orientations defining its orientation, the maintenance, forms of expression, the purpose and means of moral self-improvement of the person. On the basis of empirical research dominating values of modern students are presented.

Key words: activity, moral activity, social activity, values, valuable orientations.

В настоящее время проблема активности личности находится в центре внимания исследователей, поскольку изменения в социальной и экономической жизни страны требуют сегодня не только профессионалов, но и людей мобильных, умеющих быстро перестраиваться, переквалифицироваться в новых условиях. Известно, что по своей социальной природе человек способен активно трудиться, изменять обстоятельства жизни, совершенствовать самого себя, действовать, творить. Последнее свойственно человеческому сознанию, которое не только отражает мир, но и творит его. Если окружающий мир не устраивает человека, он стремится своими действиями изменить его, ставя перед собой сознательные цели, определяя способ взаимодействия со средой. В процессе деятельности человек не только изменяет ок-

ружающую среду, но изменяется сам. Следовательно, становление личности в известной мере зависит от степени ее социальной активности, которая тесно связана с деятельной сущностью человека. Это в какой-то мере объясняется и самим значением слова «активность», которое происходит от латинского слова «activus», что означает деятельное состояние, способность организма реагировать на внешние раздражители. В процессе жизнедеятельности под влиянием объективных условий и субъективных факторов активность может менять свое содержание, направленность, формы; уровень ее развития зависит, с одной стороны, от уровня развития общества, а, с другой, от индивидуальных качеств личности, развития ее способностей, сознания, уровня образования. Применительно к личности мы говорим о социальной активности, которая может быть определена как системное качество человека, его способность взаимодействовать со средой, обусловленной последней. Она вытекает из потребностей и интересов человека, существует как внутренняя устремленность к соответствующим действиям и проявляется как зрелая самостоятельность, направленная на их удовлетворение путем преобразования различных областей действительности и самих себя [1]. В этом определении подчеркивается двойственная природа социальной активности: 1) как способность к сознательной деятельности, характеризующейся своими особенностями; 2) как черта, качество, особенность личности, находящая выражение в ее деятельности, поведении, поступках.

Мы полагаем, что социальная активность – это, с одной стороны, ведущее интегративное образование, определяющее, прежде всего, нравственную направленность личности, с другой – реализующее ее социально ценную деятельность.

Отсюда можно констатировать, что одной из значимых форм социальной активности является нравственная активность субъекта. Однако в научной литературе понятие «нравственная активность» встречается крайне редко, и сам термин практически не используется. Одним из исследователей данного феномена является Н.Д. Зотов, который в своей работе «Личность как субъект нравственной активности» пишет: «Нравственную активность можно рассматривать как специфическую активность сознания и воли, направленную на практическое осуществление моральных требований, исходящих от общества» [4, с. 128]. Характеризуя нравственно активную личность, Н.Д. Зотов отмечает, что «это личность, чаще всего совершающая нравственные действия, более устойчиво, чем другие, следующая требованиям долга, проверяющая идеалами добра свой жизненный путь» [4, с. 5]. Это утверждение правомерно, но с учетом того, что «другие», с которыми идет сравнение, сами по себе достаточно нравственны. Кроме того, здесь речь идет о зрелой личности, между тем, нравственная активность формируется длительно и поэтапно.

Применительно к дошкольному и младшему школьному возрасту следует говорить о формировании фундамента нравственности, когда усваивается общечеловеческий минимум моральных норм. Это также сензитивный период для формирования нравственных чувств, сила и глубина которых оказывает особое влияние на поведение ребенка, на его отношение к людям, к природе, к результатам человеческого труда, определяют меру нравственной активности.

В подростковом возрасте осуществляется переход на уровень осознания моральных требований, формирования представлений о нравственных ценностях, происходит развитие способности к нравственной оценке. Интенсивное общение выступает основой для «тренировки» нравственного поведения.

В ранней юности у человека формируются нравственные представления мировоззренческого уровня: о смысле жизни, о счастье, о человеке как высшей ценности, индивид становится способным осуществлять нравственный выбор.

Мы полагаем, что нравственную активность можно рассматривать в качестве одного из ведущих показателей развития нравственного сознания личности, поскольку зрелость по-

следней определяется нравственными поступками и действиями, нравственным поведением в целом, равнодушием отношением ко всему происходящему в жизни, что отражает уровень развития нравственного сознания.

Нравственную активность можно определить, на наш взгляд, как такое деятельное нравственное отношение человека к миру, к другим людям, в котором субъект выступает как активный носитель и «проводник» нравственных ценностей (норм, принципов, идеалов), способный к устойчивому нравственному поведению и самосовершенствованию, ответственно подходящий к принятию моральных решений, непримиримо относящийся к аморальным проявлениям, открыто выражающий свою нравственную позицию [1].

Нравственная активность находит отражение в ценностных ориентациях личности, которые определяют ее направленность, содержание, формы выражения, цели и средства нравственного самосовершенствования личности.

Осознание необходимости реализации в своем поведении определенной системы ценностей и тем самым осознание себя субъектом исторического процесса, творцом «должных» нравственных отношений становится источником самоуважения, достоинства и нравственной активности личности. На основе сложившихся ценностных ориентаций осуществляется саморегуляция деятельности, заключающаяся в способности человека сознательно решать стоящие перед ним задачи, осуществлять свободный выбор решений, утверждать своей деятельностью те или иные социально-нравственные ценности. Реализация ценностей в этом случае воспринимается индивидом как нравственный, гражданский, профессиональный и т.д. долг, уклонение от которого предотвращается, прежде всего, механизмом внутреннего самоконтроля, совестью.

Особенностью системы нравственных ценностей является то, что в ней отражается не только нынешнее состояние общества, но и прошлое, и желаемое будущее его состояния. Целевые ценности, идеалы проецируются на эту иерархию, вследствие чего происходит ее корректировка. Под воздействием конкретных исторических условий перестраивается система, иерархия ценностей.

Изменения в системе ценностей, а это, прежде всего, смена ведущей, основной ценностной ориентации, задающей нормативную определенность таким ценностно-мировоззренческим представлениям, как смысл жизни, назначение человека, нравственный идеал и др., играют роль «аксиологической пружины», передающей свою активность всем остальным звеньям системы.

Общественная потребность в новой системе ценностей появляется тогда, когда прежняя верховная ценностная ориентация не отвечает требованиям изменившейся исторической действительности, оказывается неспособной выполнять присущие ей функции, ценности не становятся убеждениями людей, последние в моральном выборе все реже апеллируют к ним, то есть происходит отчуждение индивидов от этих моральных ценностей, возникает ситуация ценностного вакуума, порождающая духовный цинизм, подрывающая взаимопонимание и интеграцию людей.

Новая ведущая ценностная ориентация, выступая альтернативой прежней, способна не только перестроить систему нравственных ценностей, но и изменить силу их мотивационного воздействия. Как отмечают отечественные психологи Ф.В. Бассин, А.Е. Шерозия, перестройка системы ценностных ориентаций, изменение субординации между ценностями свидетельствуют о глубоких преобразованиях в смысловой картине окружающего мира, изменении семантических характеристик различных его элементов. Итак, изменение в системе ценностей общества находит отражение в преобразовании данной системы личности [3].

Учитывая то, что в преобразовании системы ценностей общества немалую роль играет молодежь, мы попытались выявить доминирующие ценности и ценностные ориентации со-

временного студенчества, готовящегося к будущей профессиональной деятельности и определению жизненного пути.

Проведенное под руководством автора эмпирическое исследование магистрантом ОмГПУ Ю.В. Фаламеевой с использованием методик М. Рокича и Ш. Шварца, направленных на выявление ценностей и ценностных ориентаций, показало, что ценностные ориентации современных студентов дисгармоничны. Отдельные гуманистические ценности, например, «счастье других людей» занимает в иерархии ценностей низкую позицию. Студенты, видимо, считают данную ценность слишком абстрактной, мало затрагивающей их лично. В то же время высокий ранг занимает ценность «любовь и семья», что объясняется особенностью возраста, когда молодые люди находятся в активном поиске брачного партнера. Большая часть студентов в качестве важной для себя ценности выделяет здоровье, руководствуясь тем, что без него невозможен ни профессиональный рост, ни самореализация в различных жизненных сферах. Высокие ранги занимают такие ценности, как «самостоятельность», «гедонизм», «достижения» и «безопасность», что согласуется с возрастными особенностями студентов и в какой-то мере отражает систему ценностей современного общества. В то же время ценности, которые отражают нравственную направленность личности, в иерархии ценностей студентов занимают низкие ранги. Это такие ценности, как «нетерпимость к недостаткам», «доброта», «творчество», «традиции» [2]. Важно, видимо, в учебно-воспитательном процессе вуза практиковать чаще обращение к вопросам нравственного становления личности, определения цели и смысла жизни, ценностных ориентаций протраивания жизненного пути.

Итак, можно заключить, что ценностные ориентации, играя важную роль в формировании нравственной активности, обеспечивают общую направленность поведения личности, социально значимый выбор ею целей, ценностей, способов регуляции поведения, его форм и стиля.

1. Антилогова Л.Н. Психологические механизмы развития нравственного сознания личности: монография. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 1999. – 184 с.

2. Антилогова Л.Н., Фаламеева Ю.В. Особенности ценностных ориентаций студентов вузов разных направлений профессиональной подготовки (сравнительный анализ) // Психолого-педагогические исследования в Сибири: сб. тр. преподавателей и студентов факультета психологии и педагогики. – 2016. – № 1. – С. 27–29.

3. Бассин Ф.В. Шерозия А.Е. О проявлении активности бессознательного в художественном творчестве // Вопросы философии. – 1978. – № 2. – С. 60–69.

4. Зотов Н.Д. Личность как субъект нравственной активности. – Томск: Изд-во ТГУ, 1984. – 247 с.

5. Мордкович В.Г. Социальная активность личности // Социализм и личность / под ред. Л.М. Архангельского. – М.: Наука, 1979. – С. 152–171.

СВОБОДА И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ: РАЗРЕШЕНИЕ ПРОТИВОРЕЧИЙ

Л.З. Левит

Центр психологического здоровья и образования (Беларусь, г. Минск)

Отмечаются основные тенденции общественной жизни развитых стран, связанные с фрагментацией социального бытия и ростом индивидуализма. Использование авторской двусистемной многоуровневой концепции позволяет уменьшить остроту либо преодолеть большинство возникающих противоречий: между свободой и безопасностью, процессом и результатом, стремлением к самореализации и неспособностью ее достичь. На место «системному разрешению внешних противоречий» приходит «внутренняя межсистемная интеграция».

Ключевые слова: индивидуализм, ответственность, самореализация, свобода, смысл, счастье, эвдемонизм, эгоизм.

INDIVIDUAL FREEDOM AND RESPONSIBILITY NOWADAYS: RESOLUTION OF CONTRADICTIONS

L.Z. Levit

Center for Psychological Health and Education (Belarus, Minsk)

The article deals with the main social tendencies in the developed countries – the fragmentation of social existence and the rise of individualism. The author's dual system and multilevel conception enables to ease or overcome most of the existing contradictions: between freedom and security, between the process of activity and its result, between individual wish for self-realization and inability to reach it. Thus, the inner integration between the two systems replaces the former individual attempts of solution of the systemic contradictions created by the outer world.

Key words: individualism, responsibility, self-realization, freedom, meaning, happiness, eudaimonism, egoism.

Введение. Как отмечают философы, общество современных развитых государств вступило в полосу глобальной нестабильности и неуверенности, причем указанные явления выступают одним из следствий западного стремления к свободе. Груз индивидуальной ответственности – оборотной стороны свободы – становится трудно выносимым. С точки зрения З. Баумана, нахождение индивида в свободной стране предполагает совершение им поступков под свою полную ответственность. Экспериментирование и риск – именно этого требует от свободного человека нелегкая задача самоутверждения. В идеале каждый индивид должен в конце концов сделаться хозяином своей судьбы [1, с. 20]. Однако цели, к которым стремится современный человек, зачастую не достигаются из-за нехватки у него ресурсов [2, с. 5]. Если результат не оправдывает ожиданий, приходится винить самого себя. В отсутствие твердой почвы, где могло бы укорениться доверие, исчезает и мужество, так необходимое для рискованных решений, для принятия на себя ответственности и долгосрочных обязательств. Имеет место нарастающий разрыв между индивидуальностью как предназначением и индивидуальностью как практической способностью самоутверждения. Как следствие, даже на Западе свободу теперь чаще считают обузой, чем привилегией [1, с. 21].

Одновременно с этим полным ходом идет процесс эрозии общественных учреждений. То, что ранее расценивалось индивидом в качестве своего социального актива, постепенно

превращается в обязательство. Теперь почти никто не верит, что социальная активность может привести к созданию совершенного общества [1, с. 26]. В то же время, как отмечает У. Бек, со стороны государства имеет место нарастающее принуждение своих граждан к самостоятельному преодолению ими собственной неуверенности и чувства беспомощности, вызванных действиями самого государства Человека, с одной стороны, заставляют принять на себя весь груз ответственности, а с другой – ставят в зависимость от условий, которые ему не подвластны». [3, с. 36, 57]. Отныне каждый житель глобализированного общества вынужден тратить большую часть жизни на разрешение не им созданных системных противоречий: между свободой и безопасностью; между внутренним стремлением к цельности и определенности в противовес глубокой неопределенности, фрагментированности современного бытия; наконец, в противоречии между стремлением к продуктивной самореализации и внутренним бессилием от недостижения поставленных целей. Следует отметить, что данные тенденции постепенно укореняются и на постсоветском пространстве.

Возможно ли разрешение, либо для начала снижение давления со стороны указанных противоречий на современного человека, так или иначе ориентирующегося на идеалы личностной автономии? Ответ постараемся обосновать с помощью собственной двусистемной модели.

Личностно-ориентированная концепция счастья: краткое описание. В 2006–2012 гг. нами была разработана «Личностно-ориентированная концепция счастья» (ЛОКС), в которой самореализация индивида, достижение им осмысленной, полноценной жизни описываются через взаимодействие двух систем – «Личностной Уникальности» (ЛУ) и «Эгоизма» (ЭГ). Каждая система состоит из 4-х уровней, соответствующих (снизу вверх) «организму», «индивиду», «личности» и «индивидуальности». Одновременно с этим, каждый уровень соотносится с определенным этапом человеческого развития – от внутриутробного состояния до зрелой самореализации. Обе системы развиваются от уровня к уровню и, соответственно, меняется характер взаимодействия между соответствующими друг другу «по горизонтали» уровнями каждой из них, связанный с осуществлением тех или иных жизненных задач [4–10; 14; 15].

Вначале опишем систему «Личностная Уникальность». На первом, биологическом уровне (соответствующим периоду внутриутробного состояния) она представлена помещенной в скобки и в кавычки буквой «У» («Уникальность»), что подразумевает некий «природный дар», задатки, имеющиеся в индивиде от рождения. Наличие скобок вокруг «У» на первом уровне системы «ЛУ» подчеркивает ее отнесенность к одной из *предпосылок* будущей самореализации. На следующем, втором уровне (жизненном этапе, ассоциируемом с детством и юностью), задатки постепенно превращаются в способности (скобки вокруг «У» открываются), т. е. заложенные в индивида предпосылки начинают актуализироваться, хотя поначалу в достаточно незрелой форме. В данный период у юного человека обычно имеется ряд трудностей, связанных с недостаточной личностной зрелостью и ответственностью. Положение начинает исправляться в конце второго – начале третьего этапа, когда субъект приобретает мотивационно-личностные компоненты регуляции («Л»), позволяющие преодолевать препятствия «внутри» собственной деятельности и настойчиво стремиться к достижению связанных с ней целей. Наконец, на четвертом этапе (если таковой наступит) видим зрелую Личностную Уникальность, подлежащую реализации и определяющую жизненное предназначение человека, его судьбу [6; 14].

Разумеется, в широком смысле слова каждый новорожденный имеет определенные «задатки», некие «индивидуальные особенности». Мы же определяем Личностную Уникальность в более строгом и узком смысле – как способность к определенной, в значительной степени новаторской активности, в конечном итоге определяющей жизненное предназначение

ние человека. Иными словами, судить о наличии (Л)У, можно лишь по результатам деятельности субъекта, и не ранее.

Теперь опишем систему «Эгоизм» и ее развитие. Первый уровень составляет так называемый «Биологический» Эгоизм (БиоЭГ), родственный у человека и животных и отвечающий за выживание индивида. Это уровень организма, связанный с генетической полноценностью и нормальной работой систем жизнеобеспечения. В контексте самореализации нормально функционирующий БиоЭГ может ощущаться субъектом в качестве собственного здоровья, возможностей своего организма, состояния готовности к деятельности, отсутствия для нее телесных помех.

Второй уровень, так называемый «Базовый Эгоизм», частично представлен в сознании и чем-то аналогичен фрейдовскому Ид, «выступающему в качестве посредника между соматическими и психическими процессами в организме» [13, с. 113]. Данное понятие относится к уровню «индивид» и отвечает за самоутверждение человека, его желание скорейшей реализации собственных интересов и потребностей. В контексте стремления субъекта к счастью на втором уровне берет начало гедонистический эгоизм, связанный с получением «фундаментальных» удовольствий в процессе удовлетворения двух основных инстинктов – пищевого и полового. Прямолинейное самоутверждение индивида с помощью своего «Базового» Эгоизма может осуществляться и в весьма агрессивной форме.

Человек – существо не только индивидуальное, но и общественное, поэтому третий уровень (У-3) системы «ЭГ» представлен понятием «Разумного» Эгоизма (РЭГ). Подобно тому, как «Биологический» (и до некоторой степени «Базовый») Эгоизм способствуют приспособлению и самосохранению индивида в «природных» условиях, «Разумный» Эгоизм (соответствующий стандартным определениям личности как совокупности общественных отношений, психологическому носителю социальных свойств и т. д.) позволяет успешно адаптироваться к жизни в обществе, создавая возможности для социальной реализации индивида, достижению своих целей с учетом интересов других людей, умению сочетать свои потребности с требованиями группы.

Однако и социальный уровень (в более зрелом возрасте) способен оказывать тормозящее воздействие на дальнейшую индивидуально-творческую самореализацию. Примером может служить «успешный» киноактер, всю жизнь снимающийся в одном и том же амплуа. По мнению Н. Лумана, социальные системы в конечном итоге противоречат всякой индивидуальности [12, с. 285]. В современном мире они не говорят человеку, в чем заключается его уникальное предназначение, навязывая вместо этого конформное поведение. В противоположность этому модели самореализации определяют *высшую* форму жизни (четвертый уровень развития обеих систем ЛОКС) скорее на основе выхода за рамки общества. При этом акцент в идеальном существовании делается на твердом знании индивидом своей сокровенной сути (ЛУ в рамках нашей концепции), а не общепринятом представлении о «хорошем гражданине» [11, с. 135].

Четвертый уровень ЛОКС связан с высшими формами эгоизма (зрелого индивидуализма), когда субъект, пройдя три предыдущих этапа, принимает осознанное решение посвятить свою жизнь уникальной самореализации. Имеет место ограничение потенциально негативных (преимущественно гедонистических) сторон «низшего», «Базового» Эгоизма с его «принципом удовольствия», а также существенная переориентация «Разумного» Эгоизма на третьем уровне системы.

Третий и четвертый уровни системы «Эгоизм» находятся в диалектическом взаимодействии: на определенном этапе развития социализация необходима даже самому одаренному индивиду, поскольку тот должен в максимальной степени овладеть накопленными знаниями в избранном домене, включиться в соответствующие сферы человеческого общения и дея-

тельности. С другой стороны, истинная, уникальная самореализация предполагает в конечном итоге преодоление культурных стереотипов, выход за их рамки, внесение в культуру принципиально нового знания.

Подобно тому, как человеческая цивилизация, вышедшая из животного мира, постепенно отделилась от него (что может быть описано как переход к третьему уровню системы «ЭГ» в рамках ЛОКС), так и одаренный индивид на определенном этапе своего развития «отделяется» от своей былой вовлеченности в социальные взаимодействия ради дальнейшего развития и реализации уникального потенциала, определяемого системой «ЛУ».

Важность ЭГ-4 для талантливого человека в повседневной жизни заключается и в том, чтобы, помня о своем высшем предназначении, надлежащим образом распорядиться имеющимся потенциалом, а в случае необходимости – противостоять давлению со стороны окружающих и социума в целом.

Каждый из уровней системы «ЭГ» способен под управлением «Высшего» Эгоизма бороться с возникающими помехами для реализации ЛУ: проблемами со здоровьем на первом уровне, соблазнами краткосрочного гедонизма на втором, социальным давлением и собственным конформизмом на третьем уровне, специфическими трудностями уникальной самореализации на четвертом. Все это, собранное воедино, позволяет прокладывать аутентичный, сугубо индивидуальный жизненный путь – собственную судьбу.

Мы придерживаемся точки зрения, что индивиды не могут избежать собственного эгоизма, да им этого и не следует делать. Однако люди способны научиться совершать выбор в пользу его более «высоких», качественно иных форм, связанных с индивидуальной самореализацией, самовыражением и саморазвитием. Преобладающий у конкретного индивида уровень системы «ЭГ» стремится «организовать» для него соответствующий образ жизни и достичь соответствующую разновидность субъективного благополучия (счастья).

Предлагаемое решение. Изначально мы позиционировали ЛОКС как одну из теорий эвдемонической группы в современной позитивной психологии, изучающей человеческий потенциал и его реализацию в связи с достижением счастья. Однако в результате проделанного сравнительного анализа достаточно быстро выявились более широкие возможности концепции [7; 8; 10].

С нашей точки зрения, разрешение вышеуказанных противоречий возможно в случае поворота внимания субъекта вглубь себя – с целью обнаружения, всемерного развития и реализации своей Личностной Уникальности. Если последняя (в рамках эвдемонического подхода) объявляется высшей ценностью собственной жизни, то ее успешное воплощение способно приносить и наивысшее, «первосортное» счастье [6]. В своих предыдущих публикациях мы продемонстрировали связь компонентов четвертого уровня ЛОКС с понятиями смысла [4; 15], духовности [9], мудрости [10], субъективного благополучия в целом [5; 6; 14].

Теперь покажем, каким образом ЛОКС позволяет индивиду разрешать системные противоречия общества, в котором он находится. Антиномия свободы – безопасности отныне формулируется следующим образом: необходим лишь тот минимальный уровень безопасности, который позволяет субъекту иметь *внутреннюю* свободу. Во внешнем же мире демонстрируется умеренное поведение, касающееся разумного удовлетворения необходимых потребностей. Соответственно, неопределенности и фрагментированности социума теперь противостоит *внутренняя определенность* индивида, основанная на знании им своих глубинных приоритетов, связанных с «идеальной» частью личности. Наконец, *процесс* аутотелической (осуществляемой ради себя самой) активности, ведущей к ускоренному самосовершенствованию, становится более предпочтительным, нежели достижение «внешнего» *результата* с целью вызвать одобрение окружающих. Все это позволяет индивиду вести полноценную, собственную жизнь, осуществлять ее в соответствии со своим внутренним духом («дэймо-

ном»). Как следствие, ответственность за свои поступки (признание их общего соответствия своей ЛУ) становится не тягостной ношей, а поводом для гордости и самоуважения. Соответствующие методики (объединенные в рамках проводимого автором «Эвдемонического Тренинга»), были разработаны и успешно апробированы [6]. Если для творческой активности, по выражению А. Пейрефитта, нужна уверенность в себе, то указанное качество легче всего культивируется с помощью веры одаренного субъекта в свою «идеальную» часть – Личностную Уникальность.

Раскроем более подробно роль высшего уровня системы «Эгоизм» в реализации Личностной Уникальности субъекта. С одной стороны, мотивационные (для ЛУ) и защитные (в отношении угроз внешнего мира) функции человеческого эгоизма являются общепризнанными [6; 7]. С другой стороны, именно «Высший» Эгоизм, принадлежащий четвертому уровню ЛОКС, должен вступать в контакт с Личностной Уникальностью, поскольку рассматривает ее развитие и реализацию в качестве своей главной цели. Тем самым, врожденная энергия организма (ЭГ) встает на службу его «внутреннему сокровищу» (ЛУ). Наконец, понятие «эгоизм» (в его высшей форме) оказывается наиболее адекватным тем общественным тенденциям, которые были отмечены в начале статьи: начавшейся эрозии социального бытия, уменьшению роли государства и дальнейшему росту индивидуализма.

Отныне биография индивида, избравшего ЛУ в качестве приоритетной основы осуществления своего «жизненного проекта», не требует, по выражению У. Бека, «непрерывного разрешения системных противоречий» [3]. Она сама является результатом разрешенного противоречия между двумя системами ЛОКС, вследствие которого высший уровень системы «Эгоизм» объединяет свои усилия с Личностной Уникальностью как внутренним «сокровищем» субъекта, подразумевающим обнаружение, пребывание в контакте, всемерное развитие и реализацию.

Заключение. Таким образом, рамки двусистемной ЛОКС дают направление для разрешения субъектом основных противоречий, создаваемых тенденциями современного развития, что ведет к росту субъективного благополучия в целом.

-
1. Бауман З. Индивидуализированное общество. – М.: Логос, 2005. – 390 с.
 2. Бауман З. Свобода. – М.: Новое издательство, 2006. – 132 с.
 3. Бек У. Общество риска: На пути к другому модерну. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 383 с.
 4. Левит Л. З. Смысл и эгоизм: совместимы ли понятия? // Пятая Всероссийская научно-практическая конференция по экзистенциальной психологии: материалы сообщений. – М.: Смысл, 2013. – С. 90–93.
 5. Левит Л.З. Личностная Уникальность клиента как основа для терапии // Психология и психотехника. – 2013. – № 6. – С. 584–590.
 6. Левит Л.З. Индивидуальный потенциал и его реализация: двусистемная концепция: в 2 ч. – Минск: РИВШ, 2014. – Ч. 1. – 420 с.; Ч. 2. – 272 с.
 7. Левит Л.З. Личностно-ориентированная концепция счастья: интегративные возможности // Социальный психолог. – 2015. – Вып. 1 (29). – С. 30–42.
 8. Левит Л.З. Вершина развития индивида: обобщение в рамках новой модели // Педагогическое образование в России. – 2015. – № 5. – С. 49–67.
 9. Левит Л.З. Духовность как поиск, обнаружение и реализация внутреннего идеала // Акмеология (научно-практический журнал). – 2015. – № 3 (юбилейный выпуск). – С. 103–104.
 10. Левит Л.З. Обретение мудрости: выбор внутренних ценностей // Психологические проблемы смысла жизни и акме: материалы XX психологического симпозиума. – М., 2015. – С. 75–78.
 11. Мадди С.Р. Теории личности: сравнительный анализ. – СПб.: Речь, 2002. – 448 с.
 12. Прехт Р.Д. Я – это я? И если да, то насколько? – М.: АСТ, 2013. – 352 с.
 13. Хьелл Л., Зиглер Д., Теории личности. – 3-е изд. – СПб.: Питер, 2010. – 607 с.

14. *Levit L.Z.* Personal Uniqueness Therapy: Living with an Inner Ideal // American Journal of Applied Psychology. – 2014. – Vol. 3, № 1. – P. 1–7.
15. *Levit L.Z.* Meaning and Egoism: Are the Notions Compatible? // International Journal of Social Science Research. – 2014. – Vol. 2, № 1. – P. 102–112.

СУБЪЕКТНОСТЬ, АКТИВНОСТЬ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В СИТУАЦИЯХ НЕОПРЕДЕЛЁННОСТИ*

О.А. Москвитина

ФГБНУ «Психологический институт РАО»

В статье показано, что субъектность, активность и ответственность в ситуациях неопределённости проявляются по-разному в зависимости от ситуации. Наиболее значимой является ответственность субъекта, которая позволяет направлять или сдерживать его активность по преодолению ситуации неопределённости.

Ключевые слова: личность, общество, постмодерн, неопределённости, субъектность, ответственность, активность, стратегии совладания.

SUBJECTIVITY, ACTIVITY AND RESPONSIBILITY IN SITUATIONS OF UNCERTAINTY

O.A. Moskvitina

FSBSU "Psychological Institute of RAE"

The article shows that subjectivity, activity and responsibility in situations of uncertainty are manifested in different ways depending on the situation. The most important responsibility of the entity that is used to direct or to restrain his activity to overcome uncertainty.

Key words: personality, society, postmodernism, uncertainty, subjectivity, responsibility, activity, coping strategies.

Смена социального строя, произошедшая четверть века назад и повлекшая за собой изменение всего уклада жизни людей, длится до сих пор в виде постоянных кризисов разного масштаба [13]. Глобальные процессы, происходящие в мире и нашем обществе, находится под влиянием философской парадигмы постмодерна, который стремится не только преодолеть идею прогресса, но «и оценочные иерархии, бинарные оппозиции высокого и низкого» [10, 30]. Утрата этих оппозиций влечёт за собой и утрату стремления к достижениям, росту и развитию как общества в целом, так и его отдельных представителей. Достижение, затрата усилий и возможностей для перехода от низшего уровня к высшему, формирование и стремление к определённым идеалам становится обременительным и сомнительным занятием.

Л.В.Лесевицкий в своей статье «Образ человека будущего: переход к постмодерну» указывает, что личность по Ф.Фукуяме, является пассивным и самодовольным существом, которое не имеет сверхличностных мотиваций деятельности и лишена желания жертвовать собой ради великих идеалов прошлого: поиска истины и сущности явлений, поиска и утверждения смыслов, поиска и обретения своих границ. Мир становится хаотичным, непредсказуемым, неуправляемым, человек погружается в рамки стандартов общества потребления, лишается своего Я. Идеалы западноевропейской цивилизации – состояния сытости и довольства влекут за собой порабощение, самими собой и условиями, их обеспечивающими. Человек становится замкнутым на себе. Смыслы служения Отечеству, народу, близким людям обесцениваются и размываются [6].

* Исследование выполнено в рамках гранта РГНФ 15-06-10023 «Связи позиции субъекта учения и личностных особенностей учащихся в современном образовательном процессе».

Особенность современного человека – его убежденность в собственном выборе, неподверженном чужому влиянию. Убежденность в самостоятельности опирается на идеологию индивидуализма, утверждение независимости, мотивацию достижения, декларацию свободы и ответственности личности за свою жизнь. О.П.Макушина, исследуя проблему развития независимого поведения как реакции на неопределенность, указывала, что свобода неразрывно связана с ответственностью: человек ответственен за свою жизнь, за свои поступки, за успехи и неудачи, за придание смысла своей жизни [8].

Наряду со сменой идеологии коллективизма и деформацией традиционных взаимоотношений личности и общества, межличностных отношений, форм поддержки членов общества и их порицания, изменения коснулись социальных условий в сторону их ухудшения. Произошло расшатывание устоев традиционного общества, приведшее к атомизации человека. Все эти изменения привели к так называемому кризису отчуждения [7]. Чувство потерянности, неуверенности в завтрашнем дне. В результате множество людей испытывают чувство потерянности и неопределенности своего будущего.

Неопределенность как фактор существования человека многогранен. Так, О.П. Макушина указывает на то, что если животные обитают в устойчивых условиях среды и их поведение, жестко запрограммировано врожденными факторами, то человек, напротив, живет в неопределенной, слабоструктурированной среде, придающей его существованию неустойчивость и требующей гибкого, свободного поведения [8].

Становление проблемы определения характеристик ситуации неопределенности, началось в психологии мышления, где ситуация неопределенности рассматривалась как проблемная ситуация, которая вводит субъекта в противоречие и детерминирует его поисковую активность [4].

Е.Ю.Лихачёва предложила следующий анализ употребления понятия «неопределенность» в психологии: «... неопределенность имеет разные формы: как условие принятия решений в теории принятия решений; недостаток информации (Т.В. Корнилова); неопределенность как потеря идентичности, или кризис идентичности (Эриксон, Хорни); как страх перед Ничто (экзистенциализм); как состояние кризиса, переживание в предельных ситуациях (экзистенциальная психология, Василюк); как условие творчества (Роджерс, Хрящева); ролевая неопределенность (Эриксон)» [7].

Восприятие человеком ситуации неопределенности и переживание этого состояния может варьироваться от абсолютного подстраивания до неприятия. На это может повлиять фактор, который Е.Э. Кригер показала на примере труда учителя и связала с недостатком, противоречивостью, нечеткостью и избыточностью информации. По её мнению цель, средства достижения, программа действий в ситуации неопределенности являются динамичными, изменчивыми, зависящими от разных факторов, переменных, в т. ч. и противоречий, возникающих между субъективными параметрами личности [4].

А.М. Матюшкин и А.А. Понукали, исследуя проблемные ситуации в психологической подготовке специалиста в вузе, показали, что в «результате обнаружения препятствия, экстремальности условий и неочевидности пути к достижению цели происходит преобразование качества субъективных переживаний в ситуациях неопределенности. Ситуации неопределенности связаны не только с неуверенностью, а затрагивают разные эмоциональные состояния от интереса и любопытства до страха и тревоги, причем они могут меняться на протяжении всего решения задачи» [9, 77]. Авторы пришли к выводу о том, что в основе ситуации неопределенности находится проблемная ситуация, порождаемая дефицитом или избыточностью информации.

Е.Э. Кригер указывает, что ситуация неопределенности «может вызывать в сознании две разнонаправленные тенденции: с одной стороны, поиск смысла происходящего и разре-

шения возникающих в неопределенности задач, с другой – необходимость в дополнительных личностных, когнитивных и поведенческих ресурсах при невозможности найти необходимое решение» [4].

А.А. Федоров, проанализировав зарубежные и отечественные источники, выделил характеристики отношения личности к неопределённости: толерантность, когда есть много интерпретаций или интерпретаций нет вовсе; догматизм и открытость к опыту; потребность в когнитивной замкнутости; ориентация на неопределенность/определенность [12].

Анализируя источники, описывающие компоненты неопределённости О.Б. Короткова указывает когнитивный, эмоциональный и волевой. Причём, наряду с отрицательными эмоциями (отвращение, страх, ненависть, тревога), иногда неопределённость может доставлять позитивные эмоции. Воля связывается с субъективным контролем над ситуацией [3].

Длительное пребывание в ситуации неопределенности может, вызывать состояния напряжения, фрустрации стресса, отрицательно сказывается на здоровье человека, вызывая неврозы и провоцируя соматические заболевания. Способностью без напряжения переносить неопределённость – редкость. Человечество выработало внутренние и внешние способы преодоления негативных состояний в ситуациях неопределенности: механизмы личностной защиты и формы социального взаимодействия, например, ритуальные действия.

Т.Л. Крюкова в исследовании, посвященном культурным синдромам коллективизма и индивидуализма в контексте совладания со стрессом у россиян, выявила, что коллективизм и индивидуализм неоднозначно, но могут определять выбор способов совладания со стрессом. Так, коллективистические черты личности влияют на выбор субстиля социального отвлечение, обращение за помощью и интерпретацию результатов совладания как результата помощи других людей. Люди с высоким уровнем индивидуализма склонны уходить от решения или выбирать проблемно-ориентированный стиль совладания, но не склонны прибегать к помощи других и искать социальную поддержку [5].

Основываясь на исследовании Л. Анцыферовой, О.Б. Короткова выделила четыре обобщенные типы личности, различающиеся поведением в условиях неопределенности: тип «А» ориентирован на достижения, изменение окружающего мира, использование шансов и испытание своих возможностей; тип «В» ориентирован в основном на внутренние изменения своего «Я» и частично поведения; тип «С» характеризуется покорностью судьбе, когнитивная активность и деятельность выражены слабо; тип «D» – испытывает чувство тревоги, разочарования или апатии [3].

О.Б. Короткова обобщила факторы, влияющие на выбор стратегии поведения в ситуации неопределённости: способность к оценке ситуации, уверенность в контроле ситуации и возможности ее изменения; способность предсказывать развитие событий [3].

Важную роль в ситуации неопределённости играет активность личности, для которой она является источником, даёт мотивацию к исследовательской деятельности. Известно, что активное действие в ситуации неопределенности и позитивный опыт преодоления её повышают устойчивость к трудным ситуациям. Важной характеристикой активности в ситуации преодоления является её осознанность, которая неразрывно связана с понятием «ответственность».

В.Ф. Сафин рассматривает ответственность как личностное свойство – сплав мотивационно-аффективного, интеллектуально-когнитивного, деятельностно-поведенческого образований самоопределившейся личности – субъекта – социального деятеля, гражданина. Он указывает, на то, что быть ответственным означает признавать и защищать ценности своего окружения, содействовать реализации его целей. Ответственность с его точки зрения обеспечивает творческий подход к созданию себя как личности [11].

К.А. Абульханова-Славская вслед за Кольбергом и другими рассматривает ответственность как «форму внутреннего принятия необходимости и добровольность ее реализации» [1, 29]. Ответственная личность гарантирует самостоятельное достижение результата, невзирая на непредвиденные обстоятельства, трудности. Анализируя особенности социального мышления, проблемности и ответственности автор приходит к выводу о том, что последняя связана с предусмотрительностью, с гарантированием того, что обязательства будут выполнены.

Л.И. Дементий связывает понимание ответственности в связи с жизненной позицией и жизненными ценностями личности. Она указывает, что ответственная личность контролирует качество деятельности в соответствии с выработанными ею критериями трудности, «при которых она готова взять ответственность, но и организует связь, переходы между занятиями, жизненными задачами, гарантируя их решение» [2, 205]. Автором выявлены взаимосвязи ответственности и различных характеристик личности.

1. Абульханова-Славская К.А. Типология личности и гуманистический подход / Гуманистические проблемы психологической теории. – М.: Наука, 1995. – С. 27–48.

2. Дементий Л.И. Типология ответственности личности / Гуманистические проблемы психологической теории. – М.: Наука, 1995. – С. 204–213.

3. Короткова О.Б. Стратегия поведения человека в ситуации неопределенности: опыт исследования. – URL: http://www.rusnauka.com/17_APSN_2009/Psihologia/48267.doc.htm (дата обращения: 09.07.16).

4. Кригер Е.Э. Ситуации неопределенности и проблемные ситуации: общее и особенное // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 2. – URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=12030> (дата обращения: 09.07.16).

5. Крюкова Т.Л. Социокультурные синдромы коллективизм/индивидуализм как контекст совладания со стрессом у россиян // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. – 2013. – Т. 19. – С. 130–134.

6. Лесевицкий Л.В. Образ человека будущего: переход к постмодерну // Журнал Future Human Image. – 2014. – Вып. 2. – С. 180–202.

7. Лихачёва Е.Ю. Неопределенность как психологический феномен // Психология XXI века: тезисы междунар. науч.-практ. конф. студентов и аспирантов / под ред. В.Б. Чесноков. – СПб.: Изд-во Петербургского университета, 2002. – 536 с.

8. Макушина О.П. Развитие зависимого поведения как реакция на неопределенность / Человек в условиях неопределенности // Сборник м-лов Всерос. конференции (Новосибирск, 18–19 мая 2006 г.). – 2006. – С. 250–255.

9. Матюшкин А.М., Понукалин А.А. Проблемные ситуации в психологической подготовке специалиста в вузе // Вопросы психологии. – 1988. – № 2. – С. 76–82.

10. Рубцов А.В. Архитектоника постмодерна. Пространство // Вопросы философии. – 2012. – № 4. – С. 34–44.

11. Сафин В.Ф. Психология самоопределения личности: учебное пособие к спецкурсу. – Свердловск: Свердловск. гос. пед. ин-т, 1986. – 142 с.

12. Федоров А.А. Homo infinitus: человек, неопределенность и психологические конструкты / Человек в условиях неопределенности // Сборник материалов Всероссийской конференции (Новосибирск, 18–19 мая 2006 г.). – 2006. – С. 36–42.

13. Фурсов А.И. Холодный восточный ветер русской весны. – М.: Книжный мир, 2014. – 320 с.

ЭМОЦИОНАЛЬНО-ЦЕННОСТНАЯ ОСНОВА СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ

Ю.Е. Мужичкова

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

Статья посвящена анализу механизмов регуляции социального поведения человека. Базовой основой саморегуляции социального поведения выступают ценностные ориентации. Для регуляции социального поведения также важна степень выраженности и характер проявления социальной ответственности личности и эмоционального интеллекта, которые находятся в тесной взаимосвязи.

Ключевые слова: социальная ответственность личности, социальное поведение, эмоциональный интеллект, ценностные ориентации.

EMOTIONALLY-VALUABLE BASES OF SOCIAL RESPONSIBILITY OF THE INDIVIDUAL

Yu.E. Muzhichkova

Financial University under the Government of the Russian Federation

This article analyzes the regulation mechanisms of human social behavior. Value orientations are the basic foundation of self-regulation of social behavior act. The severity and nature of the manifestation of social responsibility of the individual and emotional intelligence are important for the regulation of social behavior as well.

Key words: social responsibility of the individual, social behavior, emotional intelligence, values.

В наши дни понятие ответственности несколько утратило свое социальное назначение и в большей степени стало восприниматься лишь как ответственность за последствия действий, которые противоречат общепринятым правилам и нормам поведения в обществе. То есть социальная ответственность и другие социальные чувства перестали являться приоритетными. Тем не менее, в наиболее значимых ситуациях, требующих проявления социальной активности личности, поведение начинает определяться системой ценностных ориентаций.

Помимо ценностных ориентаций, реализация социального поведения, так или иначе, предполагает вовлечение эмоциональной сферы. В первую очередь это относится к потребности распознать мотивы и интересы собеседника (соперника или партнера), что является значимым моментом для эффективного социального взаимодействия. Казалось бы, достаточно поставив себя на место другого человека, спрогнозировать его поведение. Но, если не учитывать конкретные личностные свойства противоположной стороны, трудно избежать ошибок. Поэтому все больше внимания уделяется такому понятию как эмоциональный интеллект.

Рувен Бар-Он, рассматривая структуру эмоционального интеллекта, сделал предположение о том, что в его состав входят как глубоко личные, так и межличностные способности, навыки и умения, которые в совокупности определяют поведение человека. К внутриличностной сфере относятся следующие характеристики: самоанализ, асертивность, независимость, самооценка (самоуважение), самоактуализация. К сфере межличностных отношений в данной модели относятся: эмпатия, социальная ответственность и межличностные отношения. Также выделяется сфера адаптивности, которая подразумевает способность проявлять

гибкость, реалистично и адекватно вести себя в различных ситуациях. Сфера управления стрессом включает умение противостоять стрессу и контролировать импульсивность. Сфера общего настроения определяется позитивным восприятием жизни и общей удовлетворенностью. Таким образом, социальная ответственность как способность к взаимовыгодному сотрудничеству (включая совесть, нравственность и заботу о ближнем) представлена в данной модели как неотъемлемая часть эмоционального интеллекта, обеспечивающая саморегуляцию социального поведения [3].

В процессе разработки собственной теоретической модели социальной ответственности, мы выявили особенности реализации социально-ответственного поведения. Было выявлено четыре вида социальной ответственности, а именно «Экстернальная социальная ответственность» – личная социальная ответственность, основанная на внешних факторах, способствующих повышению самооценки, формированию позитивного имиджа в глазах окружающих; «Интернальная социальная ответственность» – личная социальная ответственность, основанная на чувстве долга и моральных обязательствах; «Прагматическая социальная ответственность» – личная социальная ответственность, основанная на получении выгоды в результате социально-ответственного поведения; «Дистантная социальная ответственность» – позиция, при которой социально-ответственное поведение не рассматривается как важное и нужное, так как не может влиять на благополучие общества в целом .

В результате проведенных исследований было выявлено, что личная социальная ответственность взаимосвязана с ценностными ориентациями личности и ценностными ориентациями в профессиональной деятельности. Так, мотивы интернальной социальной ответственности, согласуются с ценностями безопасности, стабильности, потребностью в социальных гарантиях, стремлением приносить пользу людям, поддерживать хорошие отношения с окружающими. Экстернальная социальная ответственность, помимо стремления к установлению доброжелательных контактов, согласуется с отсутствием самостоятельности в принятии решений. Люди, которым свойственно рационально и самостоятельно подходить к планированию и решению задач в работе, так же рационально подходят и к вопросу о реализации социальной ответственности, оценивая насколько выгодные последствия будет иметь для них подобного рода деятельность, а не основываясь на чувстве долга и стремлении соответствовать социальным нормам (прагматический подход). Если новизна и разнообразие в работе имеют для человека большую ценность, а процесс борьбы или победа важнее, чем конкретная область деятельности, то реализация социальной ответственности, не представляется важной и нужной в силу того, что не является соревновательной, ее нельзя рассматривать с точки зрения ситуации «выигрыш-проигрыш». Люди, стремящиеся создавать новые организации, товары и услуги, строить собственный бизнес, стремящиеся к власти не верят в возможность честной и полноценной реализации социально-ответственных программ в обществе [1; 2].

Нами было проведено исследование взаимосвязи социальной ответственности и эмоционального интеллекта, результаты которого показали, что люди с высокой эмоциональной осведомленностью ориентированы на установление социальных контактов и формирование позитивного имиджа в глазах окружающих. Имеют потребность в социальных гарантиях, стремятся приносить пользу людям, поддерживать хорошие отношения с окружающими. Это согласуется с тем, что они лучше, чем другие чувствуют свое внутреннее состояние, что помогает им адекватно относиться к эмоциональным проявлениям окружающих людей. При этом развитая интернальная социальная ответственность определяется способностью понимать эмоции других людей, уметь сопереживать эмоциональную поддержку и быть готовым оказать поддержку. Также интернальная социальная ответственность связана со способностью управлять своим поведением за счет управления эмоциями, умением создать опреде-

ленный эмоциональный настрой на осуществление деятельности и умением оказывать воздействие на эмоциональное состояние других людей. Прагматическая социальная ответственность соотносится со способностью произвольно управлять своими эмоциями и, возможно, замедлять или блокировать развитие некоторых чувств, больше ориентироваться на практические цели и задачи, проявлять рациональность. Дистантная социальная ответственность согласуется с плохо развитой способностью проявлять эмпатию, низкой готовностью оказывать поддержку другим.

Основная функция ценностных ориентаций личности заключена в регуляции поведения как осознаваемого действия в социальных условиях. Для саморегуляции социального поведения также важна степень выраженности и характер проявления социальной ответственности личности и эмоциональный интеллект, которые находятся в тесной взаимосвязи. Разные формы проявления социальной ответственности согласуются со способностями человека к осознанию эмоций, пониманию того, что эмоции означают, способностями управлять эмоциями и развивать межличностные навыки и умения для успешной реализации социального поведения.

1. Анненкова Н.В., Буянова С.М., Гагарина М.А., Камнева Е.В., Коробанова Ж.В., Крылов А.Ю., Лебедев А.Н., Мужичкова Ю.Е., Полевая М.В. Психология социальной ответственности молодых российских менеджеров и предпринимателей в условиях инновационной экономики // Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации. – М., 2015.

2. Мужичкова Ю.Е. Взаимосвязь представлений о социальной ответственности бизнеса и ценностных ориентациях личности // Психологія економічного самовизначення особи і спільноти: матеріали I Міжнародного науково-практичного семінару. – 2013. – С. 92–95.

3. Bar-On R. The Bar-On model of emotional-social intelligence (ESI) // *Psicothema*. – 2006. 18. supl. 13–25.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КАК КРИТЕРИЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ НАДЕЖНОСТИ

О.Л. Осадчук

Омский государственный медицинский университет Минздрава России

Обоснована актуальность исследования профессиональной надежности человека. Описаны результаты экспериментального исследования связи ответственности с профессиональной надежностью педагогических работников.

Ключевые слова: профессиональная надежность, ответственность, психологический предиктор.

RESPONSIBILITY AS A CRITERION PROFESSIONAL RELIABILITY

O.L. Osadchuk

Omsk state medical University

The urgency of research of professional reliability of the person. Describes the results of an experimental study of the relations of responsibility with professional reliability of teachers.

Key words: professional reliability, responsibility, psychological predictor.

Социально-экономические и культурные преобразования, произошедшие в России на рубеже XX–XXI веков, выступили предпосылкой усиления научного интереса к профессиональной надежности человека.

Значительное число научных работ посвящено исследованию надежности как нравственного качества субъекта профессиональной деятельности. Так, Е.Ю. Стрижов считает надежность показателем нравственного развития работника, «характеризующим его способность строить свою трудовую деятельность в соответствии с социально одобренными нормами и требованиями профессиональной этики» [4, с. 86].

В.С. Безрукова дает определение надежности как положительному духовно-нравственному качеству личности, выражающему устойчивость и твердость нравственных основ ее поведения. «Надежный человек, – пишет она, – это человек ответственный, верный своему слову, твердый в убеждениях, способный постоять за себя и других» [1, с. 478].

Существование в усложненных условиях трудовой деятельности, характеризующихся высоким уровнем стрессогенности, требует от ее субъекта профессиональной надежности. Имеются работы, в которых изучается надежность операторов, моряков, военных специалистов и др. Проведенное нами в Омском государственном педагогическом университете исследование было посвящено профессиональной надежности педагога. Под профессиональной надежностью педагога нами понимается интегративное качество, отражающее единство личностных свойств, обуславливающее эффективность педагогической деятельности вопреки помехам ее осуществления (внешним и внутренним препятствиям) [2].

Показателями профессиональной надежности педагога выступают:

- 1) безотказность педагогических действий – решение педагогических задач без вынужденных остановок;
- 2) своевременность педагогических действий – решение педагогических задач в нужный момент;

3) осмысленность педагогических действий – осознанность выбора способов решения педагогических задач;

4) безошибочность педагогических действий – соответствие решения педагогических задач принятым в обществе в настоящее время нормативам и стандартам в сфере образования.

Показатели профессиональной надежности участвующих в исследовании педагогических работников определялись экспертами посредством наблюдения, беседы, анализа продуктов деятельности, оценки решения кейсов. В роли экспертов выступали преподаватели Омского государственного педагогического университета.

Была разработана карта оценки профессиональной надежности педагога, в которой каждый из четырех вышеуказанных критериев представлен качественно (описательной характеристикой) и количественно (шкалой с интервалом в 1–3 балла). Высокому уровню профессиональной надежности педагога соответствует сумма по всем четырем критериям 12–9 баллов, среднему уровню – 8–5 баллов, низкому уровню – 4 балла и менее. Педагог с высоким уровнем профессиональной надежности адекватно оценивает трудности, возникающие в педагогической деятельности, самостоятельно и конструктивно разрешает их в нужный момент в соответствии со своими ценностями, интеллектуальными, эмоциональными и волевыми ресурсами.

Результаты опроса педагогических работников показали, что осуществляющие повышение квалификации педагогические работники со стажем практической работы 5–15 лет связывают профессиональную надежность педагога:

- со стабильным качеством деятельности (27 %);
- с безошибочностью действий (24 %);
- с ответственностью за выполнение своих профессиональных обязанностей (14 %);
- с безотказностью в работе (13 %);
- со своевременностью реализации педагогических функций (12 %);
- с экономичностью использования внутренних ресурсов (10 %).

В исследовании осуществлялся поиск личностных детерминант профессиональной надежности педагога, в частности, проверялась гипотеза о ее связи с ответственностью. Ответственность, в соответствии с концепцией В.П. Прядеина, рассматривается нами как личностное качество, определяющее «гарантирование субъектом достижения результата собственными силами на основе самостоятельно принятого решения, осознанного долга и совести» [3, с. 86]. Оценка ответственности производилась с помощью теста В.П. Прядеина «Экспресс-диагностика ответственности» (ЭДО).

Было выявлено, что почти треть участвующих в исследовании педагогических работников, выступая в качестве организатора взаимодействия участников образовательного процесса, проявляют ситуативную ответственность.

Проведенный регрессионный анализ обнаружил, что педагогические работники с высокой профессиональной надежностью (48 % участников исследования) отличаются высокими показателями ответственности. В то же время педагогические работники со средней и низкой профессиональной надежностью (52 % участников исследования) характеризуются, соответственно, средними и низкими показателями ответственности. Были обнаружены наиболее сильные связи ответственности с безотказностью педагогических действий ($r = 0,43$) и осмысленностью педагогических действий ($r = 0,38$).

Таким образом, была обнаружена зависимость: профессиональная надежность педагога тем выше, чем выше его ответственность. Полученные в исследовании результаты позволили отнести ответственность к психологическим предикторам профессиональной надежности педагога, т. е. параметрам прогнозирования вероятности ее поддержания.

-
1. *Безрукова В.С.* Основы духовной культуры (энциклопедический словарь педагога). – Екатеринбург: Изд-во УрГПУ, 2000. – 937 с.
 2. *Осадчук О.Л.* Профессиональная надежность педагога: Теоретико-методологический анализ. – Омск: Полиграфический центр КАН, 2007. – 304 с.
 3. *Прядеин В.П.* Ответственность как предмет психологического исследования. – Екатеринбург: Изд-во УрГПУ, 2007. – 209 с.
 4. *Стрижов Е.Ю.* Моральные и универсальные ценности в системе нравственной надежности личности // Вестник ТГПУ. – 2009. – № 1(79). – С. 86.

СУБЪЕКТНОСТЬ / СУБЪЕКТИВНОСТЬ: (РЕ)КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ РЕЧЕВОГО РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ

Т.А. Росийчук

Институт психологии им. Г.С. Костюка НАПНУ (Украина, г. Киев)

Теоретическая эволюция Л.С. Выготского свидетельствует о значении феноменологии для понимания психологами природы субъективного. Руководствуясь «феноменологическими» открытиями Выготского, мы обсуждаем возможность разработки концепции речевого развития на основе главных событийных моментов в развитии субъектности.

Ключевые слова: феноменология, жизненный мир, субъективность, субъектность, переживание, социальная ситуация развития, событийность речевого развития личности.

SUBJECTIVITY / SUBJECTIVE: (RE)CONCEPTUALIZATION OF SPEAKING DEVELOPMENT OF PERSONALITY

T.A. Rosiychuk

G.S. Kostyuk Institute of psychology of NAPS (Ukrain, Kiev)

L.S. Vygotsky's theoretical evolution indicates the meaning of phenomenology for psychologists to understand the nature of subjective. Guided by his "phenomenological" discoveries, we discuss an opportunity to elaborate the speaking development concept on the basis of the main eventness moments in the development of subjectivity

Key words: phenomenology, lifeworld, subjectivity, subjectivity, experience, social situation of development, eventness of the personal development of speaking.

Преамбула: В истории отечественной психологической мысли главные качества субъекта – субъектность и/или субъективность не были в фокусе внимания или рассматривались весьма абстрактно, ведь большая часть темы субъективного оказалась прописана «по ведомству» идеализма. Субъект определялся главным образом через общественно заданную предметную деятельность (А.Н. Леонтьев) и свою противопоставленность объекту в гносеологических схемах (С.Л. Рубинштейн). И все же закономерное обращение современной психологии к онтологии субъективного не происходит «с чистого листа», но возвращает нас к интереснейшим коллизиям отечественной психологической науки, когда та самоопределялась как *новая наука* в условиях мирового философского и психологического политеоретизма. Всякое обращение к теме субъективного является в нашем случае прежде всего возвращением к богатейшему философско-психологическому источнику идей, а уже во вторую очередь, – стремлением продолжать и развивать эту тему на ниве психологии. Прежде чем обратиться к перипетиям становления темы субъективности в нашей психологии, предварительно «настроим» терминологический аппарат. Мы считаем необходимым различать понятия субъектности и субъективности, чтобы в дальнейшем применить их к изучению сферы речевого развития личности. Для наших замыслов целесообразно считать субъектность универсальным свойством человека, реализуемым в различных формах субъективности. Соответственно, субъектность по-разному проявляет себя в ходе культуро- или онтогенеза. Через рождение и разворачивание все новых (типических) форм субъективности субъектность выступает как

развивающееся качество, причем развивающееся как «система в системе», – и за счет усилий самого субъекта в рамках определенной культуры, и ввиду культурной эволюции всего человечества. Понимание того, что речевое развитие составляет особое единство с развитием субъектности, – выявляемой через речевые практики оформления/формирования личностью своего субъективного опыта (типические формы субъективности), на наш взгляд, требует систематической концептуализации и в то же время ре-концептуализации наработанных в психологии речи и психолингвистике представлений.

1. Эволюция Л.С. Выготского в психологии: от идеала объективной науки – к феноменологической концепции возрастного развития.

Та историческая коллизия, которую мы подразумевали как осевую для понимания отношения к проблеме субъективного в истории отечественной психологии, касается события выстраивания Л.С. Выготским позиций новой (общей) психологии в работе 1926 г. «Исторический смысл психологического кризиса». Едва ли не главным оппонентом для Выготского оказался Э. Гуссерль, создатель феноменологии, для которой тема человеческой субъективности была краеугольным камнем. Упомянутая работа Выготского и появившийся почти десятилетие спустя «Кризис европейских наук» Гуссерля принципиально разнонаправлены [2; 4]. Выготский движим пафосом научности, стремлением направить психологию на нужды практики, чтобы новая наука вошла в *mainstream* успешно развивающихся естественных наук с четким методологическим фарватером. У Гуссерля в его «Кризисе» нет и следа подобного энтузиазма относительно текущего развития науки. Напротив, квинтэссенция его работы состоит в критике наукоцентризма европейской культуры как главного дегуманизирующего фактора человеческой цивилизации. В обращении к субъективности как предваряющему условию всякой мысли, в том числе научной, Гуссерль видел источник преобразования и гуманизации наук (и особо – психологии). Возможна ли была в таком случае связь между этими столь разными видениями задач психологии? Мы отвечаем на этот вопрос утвердительно. Хотя ученый всегда считал себя марксистом, эволюция его взглядов привела его в конце жизни к такой концепции возрастного развития, которая представляет собой, с нашей точки зрения, замечательный образец феноменологического сущностного анализа. Развитие личности от архаического «Пра-мы» к самостоятельному, способному к саморазвитию «Я» было представлено Выготским как «драма развития», история переживаний личности, в которых она находит себя как социальное, мыслящее и духовное существо [3]. Значит ли это, что Выготский поменял свое отношение к феноменологии? Выполняя заявленную им программу построения новой психологии [2], ученый в конце концов предстал перед лицом проблемы субъективности, которая составляла суть феноменологии Э. Гуссерля, с самого начала входившего в его оппонентный круг. Идеалистическая дескриптивная наука для новой психологии не могла иметь значения. Психология, согласно раннему Выготскому, должна была направлять свои усилия на исследование реальных, объективных психологических фактов (как каузальная и естественная наука). Отметим важную деталь: Выготский особо настаивал на соблюдении терминологической «чистоты», поскольку бездумно заимствованные понятия других наук искажают философский смысл исходных установок теории [2]. Но в конце жизненного пути Л.С. Выготского его теория личности исходит уже не только из действия объективной причинности, но и из причинности идеальной, производимой самим субъектом. Припомним, что в работах 1933–1934 гг., посвященных проблеме возраста, он вдруг использует категорию переживания («нездешнюю» для материалистической психологии), которую определяет как единицу изучения единства личности и среды [3]. Личностные переживания оказываются таким субъективным моментом, который «искажает» объективную ситуацию, но без него понимание сути психологического развития оказывается невозможным. Привычные рамки противопоставления материального и идеального оказываются слишком узкими,

и ученый, как следует из текстов этого периода, уже не отмежевывается безапелляционно от проблематики феноменологии, но явно находится в диалоге с ней, прислушивается к ней, прибегает к ее терминологии, (кроме переживания, «всегда предметного», он вспоминает и акты сознания, имея в виду их интенциональность ([3, с. 382]). В интерпретации М.Г. Ярошевского, научные искания Выготского в этот период были вполне самостоятельными, поскольку ни объективный подход, ни описательная феноменология не устраивали ученого [5]. Однако, эти поиски, видимо, помимо желания самого Выготского, вели его по той же дороге, по которой несколько позже прошел и Гуссерль. Последний гуманизировал феноменологию введением в ее строй концепции жизненного мира как смыслового каркаса бытия человека, на котором зиждется его субъективность (имеется в виду все тот же «Кризис европейских наук» 1935 г. [4]). Сквозь призму концепции жизненного мира социальная ситуация развития Выготского предстает как его психологический аналог. Во всяком случае, оба концепта одинаковы по функциям, задавая горизонт сознания личности, которая обнаруживает и собирает себя как целое через переживание окружающего мира и своих отношений с другими людьми. Подчеркнем, что Гуссерль использовал это понятие для выявления экзистенциального начала человека уже после смерти Выготского, в 1935 г. В чем же смысл этой метаморфозы Выготского? В упомянутой работе 1926 г. он использовал «зеркальную метафору», суть которой в том, что наука должна изучать не «отражения в зеркале», то есть призраки, «искажения» бытия, но само бытие и те световые процессы, которые приводят к отражению предмета в зеркале. Т. е. в психологии между объективным и субъективным необходимо выбрать реальное, – ибо «субъективное есть кажущееся, а потому – его нет» [2, с. 167]. Учитывая это, полагаем, что в поздней концепции возрастного развития личности для Выготского «субъективное» – уже столь же реально, как и два ряда объективных процессов, которые должны были, по идее, заменить собою эту странную, все искажающую субъективность. Сам Выготский в ходе работы над этой концепцией записал для себя, что «психология гуманизируется» [5]. В концепции развития личности категория переживания возникает неслучайно, и заимствуется она именно у тех, от кого еще не так давно он категорически дистанцировался. Переживание определяется Выготским по-своему, как единица изучения личности, которая дает возможность рассматривать ее в единстве с ее социальным бытием (вроде жизненного мира в развитии). Так что здесь Выготский фактически опровергает раннюю версию самого себя, а его представления об объективности значительно меняются. Личность в ее социальной ситуации развития – это экзистенциальное измерение развития, которое оказывается наивысшим уровнем рассмотрения, обнимающим все другие его объективные составляющие. Это, скажем, неожиданно обнаружившаяся заинтересованность самого субъекта в своем развитии, вдруг заявившего о себе как главная и основная причина собственного развития (суть психологической причинности). Так Выготский осуществил свое феноменологическое открытие, предвосхитив путь развития феноменологии (к тому же он как будто заранее конкретизировал еще не проявленный концепт жизненного мира на материале психологического развития!). Но этот переход психологии в другое, личностное измерение остался, к сожалению, недооцененным психологами. Здесь был осуществлен скачок в принципиально другой тип причинности психологической науки, введение в нее нового понимания субъективного, новых принципов его изучения. Эти ориентиры помогают нам наметить пути для (пере-)осмысления субъектного характера речевого развития в онтогенезе.

2. Субъектность речевого развития и его событийный характер.

Открытый Выготским тип психологической причинности (т.е. самодетерминация), по нашему мнению, все еще не реализован в изучении речевого развития. «Квант» развития речи равен прежде всего «кванту» развития субъектности, а не формированию механизмов речи самих по себе, усвоению новых речевых функций или навыков. К тому же речевое разви-

тие принято рассматривать в фатальном отрыве от взаимодействия личности со сферой произведений культуры, где она собственно и находит типичные культурные формы проявления субъективности, в соотнесении с которыми она имеет возможность самоопределяться (В.С. Библер [1]). Исходя из этого мы предлагаем рассмотреть речевое развитие как событийное по характеру в связи с основными событиями в развитии субъектности, с ее основными преобразованиями, представленными разнообразием форм субъективности. Отметим, что современные исследования субъективности детей сосредоточены главным образом в сфере изучения развития модели психического и таких феноменов как появление воображаемого друга или компаньона, или общей склонности детей к так называемой «нормальной диссоциации», за которой стоит временная подвижность границ между реальностью и воображаемым. За этими феноменами определенно скрываются сдвиги в развитии субъектности и происходит поиск новых форм проявления субъективного опыта, что находит выражение в новообразованиях речевой практики. Скажем, появление модели психического у ребенка 3-4 лет проявляется в том, что он становится способным к обману, то есть его речевая практика строится исходя из определенного понимания Другого и определенного отношения к нему (форма субъективности). 5-летний ребенок способен поразить родителей появлением воображаемого друга, за которым стоит новый уровень субъектности, новое отношение к другому и самому себе, что в практике речи выражается в возникновении и бурном развитии детского нарратива. С этих позиций иначе видится и феномен внутренней речи, которая нуждается в ре-концептуализации, исходя в том числе и из феноменологических языковых штудий, которые принимали в расчет уровень сложнейших субъектных отношений и преобразований, стоящий за речью (имеем в виду прежде всего философов феноменологического круга – М. Бахтина, Г. Шпета, А. Лосева и др.).

1. Библер В.С. От наукоучения – к логике культуры. – М.: Изд-во политической литературы, 1991. – 414 с.

2. Выготский Л.С. Исторический смысл психологического кризиса // Психология развития человека. – М.: Изд-во Смысл; Эксмо, 2005. – С. 41–190.

3. Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6 т. – М.: Педагогика, 1984. – Т. 4. – 433 с.

4. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология: пер.с нем. Д.В. Складнев. – СПб.: Изд-во «Владимир Даль», 2004. – 399 с.

5. Ярошевский М.Г. Переживание и драма развития личности (последнее слово Л.С. Выготского) // Вопросы философии. – 1993. – № 3. – С. 82–91.

ГРАЖДАНСКАЯ СУБЪЕКТНОСТЬ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ: ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ФЕНОМЕНОВ

И.А. Симонова, О.В. Кружкова

Уральский государственный педагогический университет

В статье обсуждается соотношение феноменов гражданской субъектности и исторической ответственности. Показано, что историческая ответственность является одним из инструментальных факторов формирования гражданской субъектности.

Ключевые слова: субъект, субъектность, гражданская субъектность, ответственность, историческая ответственность.

CIVIL SUBJECTIVITY AND HISTORICAL RESPONSIBILITY: THE PROBLEM OF CORRELATION OF PHENOMENA

I.A. Simonova, O.V. Kruzhkova

Ural State Pedagogical University

The relationship phenomena civil subjectivity and historical responsibility is discussed in the article. It is shown that historical responsibility is one of the instrumental factors in the formation of civil subjectivity.

Key words: subject, subjectivity, civil subjectivity, responsibility, historical responsibility.

Проблематика активизации общественности в разрезе гражданских инициатив занимает, пожалуй, лидирующие позиции в ряду современных социогуманитарных дискуссий последних лет. Особое внимание привлечено к активизации гражданского потенциала населения России, особенно в условиях снижения доверия к официальным институтам власти. В указанном контексте механизмам общественной мобилизации следует, очевидно, уделять особенное внимание вопросам: как начинает работать идентичность человека-гражданина? Какие факторы заставляют вовлекаться в заботу об общественном благе в государственном масштабе? Что стимулирует к активному участию в текущей и будущей жизни окружающего общества?

Исследования феномена гражданской субъектности – это наиболее прозорливая попытка ответить на сложные вопросы, связанные с причинами общественной апатии или активности. Несмотря на достаточно широкий круг публикаций, связанных с понятием гражданской субъектности, оно остается до конца не проясненным. Следует оговориться, что само понятие субъектности в научных разработках отечественных авторов получило достаточно широкое обоснование (А.В. Брушлинский, Е.А. Сергиенко, К.С. Абульханова, Л.И. Анцыферова и др.), в том числе и в части гражданской направленности. Ориентируясь на научные разработки А.В. Алексеева, Т.А. Альховой, Н.А. Гавриловой, Л.С. Превозчиковой, А. Конурова, К. Будылина, Е.А. Чернова и пр., можно заключить, что сама идея гражданской субъектно-

* Исследование выполнено при поддержке совета по грантам президента РФ (МК-5814.2015.6) «Феномен исторической ответственности в современном общественном сознании»; выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 16-33-01057 «Социальный серфинг: форсайт гражданской субъектности российской молодежи».

сти, прежде всего, заключается в ориентации на активность в отношении общественных феноменов, в желании выразить свое автономное мнение в вопросах устройства социального порядка, в знании основ легитимных механизмов реализации гражданских процедур. К сожалению, анализ отечественных источников не предлагает развернутого определения гражданской субъектности в его социальном измерении.

Как отмечает Е.А. Сергиенко, «субъект деятельности» возникает вместе с выделением Я и приобретением индивидуально-личностного опыта целенаправленной стратегически планируемой деятельности [5]. Таким образом, субъект гражданской активности осознает себя гражданином своей страны, ставит перед собой общественно-полезные цели, имеет опыт воплощения собственной активности на пользу общественных интересов. В то же время феномен гражданской субъектности предполагает не только обращение к активностной и деятельностной стороне субъекта, но и к феномену ответственности как особому социальному и моральному отношению личности к обществу, которое характеризуется выполнением своего нравственного долга и правовых норм [4]. Ориентируясь на данное понимание сущности гражданской субъектности и на анализ структуры субъектности, предложенной в работе Л.С. Перевозчиковой [3], мы выделим следующие составляющие данного феномена:

- 1) идентификация с общностью и ее интересами (самоопределение);
- 2) целеполагание;
- 3) наличие методологического комплекса (инструменты анализа и практики, базовая концепция);
- 4) готовность к деятельности;
- 5) ответственность.

Обратим внимание на последний элемент. Согласно третьей статье Конституции РФ: «Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ» [1]. Это нехитрое, но важнейшее положение предписывает каждому гражданину участие, а значит и принятие ответственности за все, что может произойти в государстве. Очевидные границы государства на самом деле предполагают широчайший перечень линеек ответственности, которые касаются организации многообразных форм и аспектов социальной жизни.

Особое место в этом ряду занимает идея исторической ответственности, предполагающая серьезный учет эффектов прошлого при конструировании современного социального пространства. Более того, наличие сформированной позиции и деятельной ориентации в отношении знаковых событий прошлого становится негласным требованием, когда речь идет об оценке гражданственности субъекта. В России яркими примерами тому может служить высокий уровень интереса к общественной и индивидуальной активности граждан вокруг таких исторических конструктов как «Великая Победа», «сталинские репрессии», «перестройка». Сама по себе, историческая ответственность должна быть понята как интергенерационное отношение, возникающее на индивидуальном и/или коллективном уровне, которое позволяет субъекту (не важно, коллективному или единичному) идентифицировать себя в контексте некоторого случившегося события как носителя одной из функций: удержания ситуации, спровоцированной событием; устранения последствий, компенсации изменений от события; предотвращения повторения события. Таким образом, осознанная прямая или косвенная причастность к событию оказывается стимулирующей составляющей при конструировании субъектности и задает вектор актуальной деятельности человека или группы в общественном пространстве.

Гражданская субъектность – это направленность личности на поддержание определенного общественного порядка, предполагающая с одной стороны автономность, самостоятельность принятия решений по вопросам его функционирования (волевая составляющая), с дру-

гой стороны – ориентацию на системы правил, принципов, основополагающих законов, легитимизирующих деятельность субъекта в конкретном социуме. Так, субъект реализует уместные практики, ориентированные на «ту самую» общность, вписанные в существующий социальный порядок, т. е. исторически обусловленные. При этом динамику реальной деятельности обеспечивает позиция ответственности за то состояние, которое складывается, в том числе, в результате серии ключевых исторических событий. Историческая ответственность выступает как конституирующая составляющая, предоставляющая обоснование, даже своего рода причину, по которой активность обязательно должна быть, а иначе урок прошлого не будет усвоен. Прошлое определяет будущее, однако субъектность (и в этом ее основная особенность) заставляет ориентироваться на выбор, а не на исполнение. Социально-философское измерение понятия «гражданская субъектность» предполагает его понимание через акт построения события с ориентацией на интересы социума, но не обязательно действия субъекта здесь будут стандартны, поскольку субъект ориентируется и на то пока еще неясное будущее, которое будет ожидать социальную общность. Само понятие – «правильный гражданин» расплывается, не имеет четко очерченной дефиниции, как не имеет и общепризнанной экспонат – группы, не существует обряда инициации, инструктажа использования и прочего четкого перечня практик, которые мог бы перенять индивид. Потому гражданская субъектность, в определенном смысле, обрекает индивида на акт социального творчества. В событии гражданская субъектность выражена как направленность на практики действия, узаконенные временем (поддержание общего порядка, правил общежития, норм поведения и пр.), но также как готовность выходить для этого за рамки автоматического действия в экстраординарной ситуации.

При этом, гражданская субъектность – явление всегда коллективное, поскольку предполагает связь субъекта с единомышленниками, его включенность в сеть, где он знает, что теоретически его действиям и волевой направленности существует аналог. Человек, которого можно назвать носителем гражданской субъектности поступает так, как «должен поступить каждый настоящий гражданин», но может физически не знать других содействующих акторов, однако допускает их существование и поддержку, а также допускает наличие свода нормативов, которые включают его в общественное поле. Здесь историческая ответственность также может иметь огромное значение, поскольку, указывая на общее событийное основание, усиливает связь между людьми разных поколений, далеких друг от друга по демографическим характеристикам. Отметим, что ключевым моментом оказывается осознанность, которая предполагает и сознательную поддержку коллективной практики, связанную с принятием основного тезиса – «Я помню прошлое, потому как гражданин я должен...». Социальность ситуации в ее современном смысле создает обстоятельство потребности автономно принять решение, самомотивироваться, и действовать, «нащупывая» неясный общий набор практик, предполагающих, прежде всего, социальные отношения ответственности. Итогом становится нелегкое стремление к общественному консенсусу, где с одной стороны имперский интерес истории, с другой – порядок множественности в сосуществовании, и они должны найти свой редкий хрупкий баланс. Парадоксально: гражданин должен быть соотнесен с государством. Государство – это технология, история часть этой технологии. Но гражданская субъектность заставляет взглянуть на технологии, оценить их, детехнологизирует человека.

Гражданская субъектность выстраивает отношение индивида и государства «нетехнологично», индивид не видит завершенности организации, ощущает ответственность, потому в ситуациях, нерегламентированных конкретными правилами может не ориентироваться всецело на конституированные механизмы, таким образом, оказывается перед выбором вариантов действия в отношении достижения государственного благоденствия. Гражданская субъектность обеспечивает нетождественность предписываемых и реализуемых механизмов

гражданской активности человека. Это политизирует сам феномен гражданской ответственности, поскольку создает вариативность ситуации. По мысли А.С. Макарычева «коммуникация в рамках однородного пространства, не терпящего различий, не может быть названа политической» [2], гражданская субъектность как раз создает неоднородность социального пространства. Как правило, в государстве гражданская субъектность ассоциирована с какой-либо группой интересов, потому внутреннее содержание социального поля государства весьма разнородно, и предполагает, что соотносить идею группы придется с разными группами и их идеями. В этом заключена ценность гражданской субъектности.

В основании гражданской субъектности, очевидно, лежит ответственность за состояние социального пространства в разрезе совокупности комплекта конкретных общностей. А историческая ответственность выступает как один из инструментальных факторов формирования гражданской субъектности в современном российском обществе. Практика стимуляции исторической ответственности как одного из оснований развития гражданской субъектности представляется перспективным направлением, однако существует риск несовпадения интенции гражданской субъектности и интересов государства, поскольку субъектность обеспечивает социальный плюрализм, а всякое историческое событие имеет несколько фокусов прочтения.

1. Конституция Российской Федерации. – URL: <http://www.constitution.ru/> (дата обращения: 30.06.2016).

2. *Макарычев А.С.* Суверенитет, власть и политическая субъектность: две линии критической теории // Политическая экспертиза: Политэкс. – 2010. – № 4. – Т. 6. – С. 22–52.

3. *Перевозчикова Л.С.* Субъектность как экзистенциальное и социальное качество личности (гуманистическая парадигма) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2007. – № 5 (49). – С. 308–313.

4. *Радикова Т.И.* Воспитание ответственности как социально-значимого качества у подростков средствами учебной деятельности: дис. ... канд. пед. наук. – Ижевск, 2007.

5. *Сергиенко Е.А.* Континуально-генетический принцип становления субъекта // Субъектный подход в психологии / под ред. А.Л. Журавлева, В.В. Знакова, З.И. Рябикина, Е.А. Сергиенко. – М.: Ин-т психологии РАН, 2009. – С. 50–66.

СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В СТРУКТУРЕ ИМПЛИЦИТНЫХ КОНЦЕПЦИЙ ЛИЧНОСТНОЙ ЗРЕЛОСТИ

Л.Л. Скворцова

Белорусский государственный университет

В статье представлены результаты исследования имплицитных концепций личностной зрелости в юности и ранней взрослости. Выявлена роль социальной ответственности в содержании и структуре обыденных представлений о личностной зрелости. Обозначены направления дальнейших исследований данной проблемы.

Ключевые слова: социальная ответственность, имплицитные концепции, личностная зрелость, обыденное сознание.

SOCIAL RESPONSIBILITY IN THE STRUCTURE OF IMPLICIT CONCEPTS OF PERSONAL MATURITY

L.L. Skvortsova

Belarusian State University

The article presents the results of a study of implicit concepts of personal maturity in adolescence and early adulthood. The role of social responsibility in the content and structure of conventional notions of personal maturity was revealed. Future directions in studying this problem have been identified.

Key words: social responsibility, implicit concepts, personal maturity, ordinary consciousness.

Современный этап развития общества характеризуется огромным количеством возможностей, которые предоставляются человеку практически во всех сферах жизни, что делает особо значимой проблему осуществления свободного выбора и несения в связи с этим ответственности за последствия своих поступков. В условиях информационного общества и глобальной экономики наблюдаются существенные изменения представлений о социальной ответственности личности. Осознание того, что, не смотря на огромное многообразие культур и форм жизни, мы являемся взаимосвязанным мировым сообществом с общей судьбой, приводит к необходимости утверждения принципов устойчивого развития, основанных на уважении к природе, универсальным правам человека, экономической справедливости и культуре мира.

Динамичные социально-экономические, научно-технические преобразования и информационное воздействие вносят изменения в содержание обыденного сознания личности и, в частности, те представления, которые призваны объяснять новые реалии жизни на обыденном уровне, вписать их в систему имеющихся категорий и дать им оценку. Данные представления, или имплицитные концепции личности, являются инструментом познания социального мира, выполняют адаптационную функцию, способствуя сохранению сложившейся картины мира, а также оказывают значимое влияние на формирование нравственных эталонов. Как полагает В.Ф. Петренко, имплицитная картина мира, присущая субъекту, приобретает самостоятельный онтологический статус, влияя на его реальный жизненный выбор тех или иных поступков, на все поведение в целом [7].

В связи с вышеизложенным, изучение имплицитных концепций личностной зрелости в юности и ранней взрослости представляет значительный интерес, так как позволяет выявить, насколько социальный запрос на формирование зрелой, социально ответственной личности находит отклик в картине мира современного молодого человека.

В большинстве современных работ авторы рассматривают социально ответственное поведение, как склонность придерживаться общепринятых в данном обществе социальных норм, исполнять ролевые обязанности и давать отчет за свои действия. Социальная ответственность также заключается в определенной степени добровольного отклика на социальные проблемы в соответствии с социальными ценностями, особенностями субкультуры и моральными обязанностями.

Теоретические предпосылки, способствующие современному пониманию термина «социально-ответственное поведение», можно встретить в классических работах зарубежных и отечественных персонологов. В частности, с позиции Адлера, наша жизнь ценна только в той степени, в какой мы способствуем повышению ценности жизни других людей. Для нормального ощущения себя в этом мире необходимо по-настоящему беспокоиться о других и обладать социально-позитивным стремлением к превосходству, которое включает в себя стремление к благополучию всех людей. Такие люди, хотя и понимают, что не все в этом мире правильно устроено, берут на себя задачу улучшения участи человечества [2].

«Расширение чувства Я», выделенное Г.Олпортом как один из критериев личностной зрелости, также отражает сущность социальной ответственности, поскольку подразумевает участие и подлинную увлеченность в некоторых значимых сферах человеческих дел: работа, хобби, семейные, социальные, общественные отношения [5].

По мнению Э. Фромма, люди соотносятся с окружающим миром в основном по двум направлениям: через ассимиляцию – приобретение и использование вещей (непродуктивный путь) и через социализацию – познание себя и других (продуктивный путь). Продуктивный характер и «биофилия» представляет собой конечную цель в развитии человека. Фромм определял биофилию с помощью таких качеств, как забота, ответственность, уважение и знание, а продуктивный тип личности как независимый, честный, спокойный, любящий, творческий и совершающий социально-полезные поступки [9].

Согласно С.Л. Рубинштейну, человеческое бытие в этом мире отличает именно способность, «выходя за пределы своего собственного одиночного существования, отдавать себе отчет в своем отношении к миру, к другим людям, подчинять свою жизнь обязанностям, нести ответственность за все содеянное и все упущенное, ставить перед собою задачи и, не ограничиваясь приспособлением к наличным условиям жизни, изменять мир» [8].

Становление исследований социальной ответственности в современной отечественной психологической науке происходит в русле социальной психологии личности. Психологическое осмысление термина «социальная ответственность» встречается в работах современных исследователей К.А. Абульхановой-Славской, В.С. Агеева, Н.В. Ананьевой, А.В. Брушлинского, Л.И. Дементий, И.А. Панарина А.В. Чудновского и др.

Определяя ответственность, как свойство субъекта жизнедеятельности, Л.И. Дементий, считает ее ресурсом личности, благодаря которому человек может соотносить и соизмерять свои способности и возможности с требованиями внешней среды, общества и других людей. Кроме этого в ее работах подчеркивается проактивный характер ответственности, как способности во времени и во взаимодействии с внешним миром изменять и совершенствовать его [3].

Социальная ответственность может быть рассмотрена как важный показатель личностной зрелости, что подчеркивается целым рядом исследований. Так, К.А. Абульханова – Славская отмечает, что личностная зрелость, проявляется в умении соединять свои индиви-

дуальные особенности, статусные, возрастные возможности, собственные притязания с требованиями общества, окружающих. При этом зрелость позволяет человеку не только создавать свой верный социальный образ, но и осуществлять многообразные социальные роли, оставаясь самим собой [1].

Исследователи подчеркивают, что наиболее благоприятные условия для формирования социальной ответственности создаются в юности, когда возникают основы для первого профессионального самоопределения, самостоятельности [1]. И.А. Панарин указывает на то, что действие психологических механизмов социализации личности обеспечивает присвоение юношами и девушками различных социальных представлений, установок и стереотипов проявления социальной ответственности, существующих как в ближайшем микросоциальном окружении, так и в более широкой социальной общности [6].

В рамках исследования вопроса о роли социальной ответственности в структуре имплицитных представлений о личностной зрелости целесообразно рассмотреть некоторые результаты первого этапа эмпирического исследования имплицитных концепций личностной зрелости, проведенного нами.

В качестве метода сбора первичных данных использовался метод анкетирования. Была разработана авторская анкета, направленная на выявление представлений о личностной зрелости. В качестве участников выступили студенты Гродненского государственного университета имени Янки Купалы – всего 205 человек в возрасте от 17 до 23 лет. Основным критерием отбора респондентов послужил возраст и отсутствие специальных знаний о проблеме личностной зрелости.

Содержательные особенности представлений о личностной зрелости были выявлены с помощью контент-анализа и частотного анализа. Для выявления структуры обыденных представлений о личностной зрелости был использован методологический аппарат теории социальных представлений С. Московичи и его последователей. Обработка данных проводилась при помощи методики прототипического анализа П. Вержеса, которая позволяет не только выделить структуру СП, но и прогнозировать ее возможную динамику, поскольку ассоциации из зоны потенциального изменения являются возможным источником трансформации представлений в данной группе [4; 10].

В содержании имплицитных концепций личностной зрелости были обнаружены следующие значимые характеристики (в скобках приведена частота встречаемости): автономия и самостоятельность (54 %), ответственность (40 %), осмысленность (32 %), жизнестойкость и стрессоустойчивость (21,6 %), коммуникативная компетентность (21 %), рефлексивные процессы и способности личности (17 %), способности к саморазвитию (14 %), межличностная толерантность и эмпатия (16 %) , нравственные характеристики и качества личности, такие как гуманность, честность, доброта, верность своему слову, надежность (8,9 %), а также качества, характеризующие просоциальную направленность личности (8,7 %).

Таким образом, анализ содержания обыденных представлений демонстрирует, что ответственность наряду с автономией является важнейшей характеристикой зрелой личности, существенно превышающая по частоте другие ответы. Она описывается как ответственность за свои слова и поступки, за себя и других, а также прогнозирование последствий собственных решений и поведения . Что касается социальной ответственности, то, несмотря на то, что в явном виде эта категория не представлена, в содержании обыденного сознания обнаружены ее признаки, выделенные в научных концепциях.

Прототипический анализ П. Вержеса показал, что элементами ядра представлений о личностной зрелости являются ответственность, наличие жизненного опыта, образованность, мудрость, рассудительность, самостоятельность, наличие собственной точки зрения, а также поведение, адекватное ситуации. В зоне потенциальных изменений находятся высокий ста-

тус, успешность, материальная обеспеченность, серьезность. Ассоциации, активированные СМИ – целеустремленность, уравновешенность. Во второй периферической системе, или собственно периферии находятся такие элементы как принятие сложных решений, осознанность, уверенность, независимость, способность к саморазвитию, толерантность, общительность, сочувствие, понимание.

Следует отметить тот факт, что в ядре социальных представлений отсутствуют нравственные характеристики, а также характеристики, отражающие отношение к другим людям, которые составляют собственно периферию. А поскольку в зоне потенциальных изменений содержатся такие характеристики, как высокий социальный статус и материальная обеспеченность, то существует вероятность, что данные ассоциации в скором времени могут стать ядерной частью социальных представлений, укрепив в обыденном сознании молодых людей индивидуалистскую и материалистическую направленность.

Дальнейшая работа будет вестись в направлении более детального изучения содержания и структуры представлений о личностной зрелости, а также выявления роли и значения имплицитных концепций личностной зрелости в регуляции социально ответственного поведения. Все это позволит разработать практические рекомендации по формированию социально-ответственного поведения личности в образовательном процессе.

-
1. *Абульханова-Славская К.А.* Стратегии жизни. – М.: Мысль, 1991. – 299 с.
 2. *Адлер А.* Очерки по индивидуальной психологии / пер. с нем. – М.: Когито-Центр, 2002. – 220 с.
 3. *Дементий Л.И.* Ответственность как ресурс личности: монография. – М.: Информ-Знание, 2005. – 188 с.
 4. *Московичи С.* Социальные представления: исторический взгляд: Методологические и теоретические проблемы психологии // Психологический журнал. – 1995. – Т. 16. – № 2. – С. 3–14.
 5. *Олпорт Г.* Становление личности: избранные труды. – М.: Смысл, 2002. – 462 с.
 6. *Панарин И.А.* Социальная ответственность как социально-психологический феномен // Ученые записки Российского государственного социального университета. – 2009. – № 10. – С. 166–169.
 7. *Петренко В.Ф.* Психосемантика сознания. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988. – 208 с.
 8. *Рубинштейн С.Л.* Бытие и сознание. – СПб.: Питер, 2012. – 288 с.
 9. *Фромм Э.* Человек для себя. – М.: Астрель, 2012. – 314 с.
 10. *Verges P.* L'évocation de l'argent: une méthode pour la définition du noyau central d'une représentation // Bulletin de Psychologie. – 1992. – V. XLV. – № 405. – P. 203–209.

УРОВНИ ВНУТРЕННЕГО МИРА ЧЕЛОВЕКА: ПРОБЛЕМА СВЯЗИ ПОНЯТИЙ «ОТВЕТСТВЕННОСТЬ», «САМОРЕГУЛЯЦИЯ» И «ОТЧУЖДЕНИЕ ЛИЧНОСТИ»

Н.С. Шадрин

Павлодарский государственный педагогический институт (Казахстан, г. Павлодар)

Рассматривается психологическая структура мира человека. Выделяются его уровни (мир индивида, мир субъекта и мир личности) и его базовые детерминанты (мотив, образ, общение и деятельность). На этой основе предлагаются некоторые новации в понимании ответственности, саморегуляции и отчуждения личности.

Ключевые слова: мир человека, детерминанты психики, мотив, образ, общение, деятельность, уровни регуляции, саморегуляция, отчуждение.

THE LEVELS OF INTERNAL WORLD OF MAN: THE PROBLEM OF THE CONNECTION OF NOTIONS “RESPONSIBILITY”, “SELF-REGULATION” AND “ALIENATION OF PERSONALITY”

N.S. Shadrin

Pavlodar State Pedagogical Institute (Kazakhstan, Pavlodar)

Psychological structure of the world of man is shown in the article. His levels (world of individual, world of subject and world of personality) and his base determinations (motif, edge, communication and activity) are found. On this base some innovations on the comprehension of responsibility, self-regulation and alienation of personality are suggested.

Key words: the world of man, determinations of the psyche, motif, edge, communication, activity, the levels of regulation, self-regulation, alienation

Представление философов о «смерти человека» в современном мире, мыслимом как тотальность «мертвых душ» и рутинных, бессмысленных дел, представляется отчасти преувеличением, хотя и отражает реалии современных социумов и повседневной жизни индивидов. Выражения «психическая смерть», «мертвое сознание», «фантомное сознание» (по аналогии с «фантомной конечностью»), предложенные Г.С. Абрамовой, являются довольно емкими и содержательными, но они не означают *полную остановку* всей психической или сознательной жизни человека *на всех ее уровнях*, что было бы нелепым. И без анализа феномена отчуждения (как процесса, затрагивающего несколько уровней жизненной активности человека), указанные проявления «психической смерти» или «душевной мертвечины» личности повисают в воздухе.

Отдельный человек не может «умереть» внутренне-психологически, если он при этом не умер на одном уровне регулируемой его «Я» и его психикой активности, продолжая в то же время жить и как бы «возродиться» (пускай в ущербном, редуцированном виде, подобно тому, как возрождается к жизни «зомби») на другом, более низком уровне своей активности.

Потеря подлинно личностной («самостной», ответственной) регуляции жизненной (социальной) активности человека (производящая впечатление «психической смерти») в контексте механизмов отчуждения выглядит так, что *субъектная и/или индивидуальная* регуляция его ба-

зовых психологических детерминант (мотивы, образы, формы общения и деятельности) *сохраняется*, хотя они и «захватываются» и направляются *внешними* социальными силами, структурами или другими людьми. Полнокровный субъект деятельности низводится до уровня исполнителя (чьих-то решений), при этом часто приводятся в действие *мотивы-стимулы* (типа физиологических потребностей) индивидуального, телесно-биологического уровня, позволяющие манипулировать человеком. Влиятельный «другой» может изменить и характер представлений человека, т. е. его *образов* мира, намеренно «заузить» его *общение* и т. д.

С излагаемых позиций, обращение к разным уровням регуляции психической (а тем самым и жизненной) активности человека и ее базовых детерминант, что отчасти совпадает с феноменом само-регуляции, и к изучению редукционистских проявлений на уровне этих регуляций открывает перспективы сопряженного понимания таких феноменов, как «саморегуляция», «психическая смерть», «ответственность», «отчуждение личности» и т. д.

Признавая большую значимость феномена ответственности в анализе *наиболее важных* черт личности (еще Франкл говорил, что надо соорудить «статую ответственности», которая была бы не ниже статуи свободы), мы вынуждены отметить, что при рассмотрении таких вопросов, как «ответственность и саморегуляция личности», «ответственность и экзистенциальные проблемы личности», «субъектные качества личности» наблюдаются моменты недостаточной широты охвата и даже некоторого искажения картины жизненной активности человека.

И здесь мы сталкиваемся с *проблемой различий* (и взаимопереходов) *личностной, субъектной и индивидуальной регуляции психики* (так или иначе сопровождающей жизненные события человека). Надо констатировать, что эта проблема пока не только не решена, но даже толком не поставлена! В целом наблюдается путаница и самих понятий «индивид», «субъект» и «личность», названная В.П. Зинченко «блужданием в трех соснах».

Согласно идеям Б.Г. Ананьева и его последователей, всякая психология есть, прежде всего, *психология человека*. Однако сам человек – это в первую очередь не «психика», а *особое существо*.

В первую очередь *существом*, а не «психикой», выступает и сама *личность*, а также человек как *субъект* деятельности и как телесно-биологических *индивид* (все они есть ипостаси человека).

Известно, например, что личность – это не только психологическое образование, но также и социальное и «онтологическое» (включенность существования личности в Бытие, прежде всего, социальное).

Отталкиваясь от идеи «необходимости психического» К.А. Абульхановой-Славской, акцентировавшей важность понятия «субъекта жизнедеятельности» для психологии, мы рассматриваем отдельного человека как *особый «субъект жизни»* (разумеется, индивидуальной), *разными уровнями* которого выступают *индивид*, *субъект* (деятельности) и *личность*. Такие подходы видны уже у Б.Г. Ананьева, а также у Н.А. Логиновой, В.И. Кабрина и др.

1. *Человек как индивид. Индивид – человек как целое систем организма, совместное (интегральное) функционирование которых обеспечивает оптимальное реагирование на среду и реализацию жизни человека на этом уровне (поддержание гомеостаза и т. д.). По А.Н. Леонтьеву, «индивид как целостность – это продукт биологической эволюции, в ходе которой происходит не только процесс дифференциации функций, но также и их интеграции, их взаимного “слаживания”... Индивид – это прежде всего генотипическое образование», фиксирующее факт принадлежности к человеческому роду. Но это не только новорожденный, ибо «его формирование продолжается, как известно, и в онтогенезе...» [1, с. 173–174].*

В качествах индивида нас интересуют не просто анатомия и физиология отдельных систем организма, а лишь те свойства и механизмы человеческой активности, которые вы-

ражают «самостоятельную силу реакции» (А.Н. Леонтьев) на различные факторы среды, обеспечивающей дальнейшее протекание жизни человека. «Речь идет о возникающих сплывах врожденных и приобретенных реакций, об изменении предметного содержания потребностей, о формирующихся доминантах поведения» [1, с. 174].

Индивидуальные механизмы реагирования связаны с работой трех блоков мозга (особенно блока активации), знакомство с которыми происходит при изучении общей психологии, с системой образов-сигналов, несущих информацию о состоянии внутренней среды организма (ощущение голода, боли, дискомфорта и т. д.), о перспективах сохранения безопасности человека в изменчивой окружающей среде, что может стать основой соответствующего поведения. При этом значимы не только первосигнальные, но, в отдельных аспектах, и второсигнальные раздражители. Так, возглас «Пожар!», исходящий от другого, может вызвать бурные стрессовые изменения в организме и нервной системе, особые формы защитного поведения и пр.

2. Человек как субъект деятельности. Это человек как носитель и «реализатор» различных форм деятельности (внешней или внутренней), как деятельное существо, преобразующее окружающие предметы с помощью других предметов, орудий труда, созданных человеческой цивилизацией. В понятии субъекта выступает активно-деятельная сторона сущности человека, а в понятии индивида – природно-потенциальная сторона этой сущности (сущность как потенция, как возможность и т. д.).

3. Человек как личность. Если субъект – это носитель деятельности, то личность – это, прежде всего, определенная форма активно-деятельного существования (что по смути верно ухватил экзистенциализм!). Личность – это форма активно-деятельного существования, устремленная к различным формам совместного социального бытия, «присутствующая» по отношению к ним и социальному бытию в целом, способная ответственно решать его проблемы и задачи. Психологически личность характеризуется определенной мерой ответственности, наличием осознанной позиции по отношению к миру (А.Г. Асмолов). Социальный статус, социальная роль и функция – скорее социологические характеристики личности, это как бы платформа для проявления ее ответственной, «соучастной» позиции в какой-то сфере жизни. Особой формой сопричастности личности делам социума, социального бытия выступает «миссия», не сводимая к роли (А.Н. Леонтьев).

В указанных ипостасях человека (индивид, субъект и личность) он должен обладать определенной мерой «совладения» собственной жизнью (во всей ее многогранности и многоуровневости) – иначе психическое предстанет перед нами лишь как мир отдельных психических актов (проявлений) и их детерминаций, бессмысленных с точки зрения общего направления разворачивания индивидуальной жизни на всех ее уровнях.

С этих позиций внутренний мир человека в целом (предмет психологии по В.Д. Шадрикову, В.А. Мазилу, Н.С. Шадрину и другим авторам) представим как единство трех взаимосвязанных уровней миров (мир индивида, мир субъекта и мир личности, по В.И. Кабрину [2]). Причем на уровне мира личности и субъекта базовые психологические детерминанты (мотивы, образы и т. д.) имеют социокультурную природу, на уровне же индивида они завязаны на биотическую и абиотическую среду обитания человека и на сложившиеся в филогенезе и частично в онтогенезе механизмы реагирования на нее.

Помимо вычленения особенностей четырех базовых детерминант психического на каждом из трех уровней субъекта жизни, важнейшей задачей психологии является выявление отличительных особенностей личностной, субъектной и индивидуальной регуляции этих детерминант, о чем речь шла выше. В целом личностная регуляция детерминант внутреннего мира человека выступает, по-видимому, как смысловая (личностно-смысловая) и волевая ре-

гуляция, а **субъектная** – как *произвольная и непроизвольная* (во многом непроизвольный характер имеет и **индивидуальная** регуляция).

Что касается феномена **индивидуальности**, то он связан с тем, что человек в ходе жизни в каком-то своем, *индивидуальном* стиле переходит то на субъектно-деятельный, то на личностный, то на более низкий индивидуальный уровень активности и т. д. Индивидуальность есть та сторона человека, которая регулирует некое «стилевое единство» личностного, субъектного и индивидуального уровня его психической (и жизненной) активности, причем это единство должно быть более или менее *гармоничным* (внутренняя гармония – ведущее свойство индивидуальности) и одновременно обеспечивать полную *самореализацию* человеческого существа вовне (экстериоризация).

Что же касается таких аспектов индивидуальности, как темперамент, способности и т. д., то они характеризуют не индивидуальность в целом, а лишь устойчивые свойства человека, представленные на разных срезах (уровнях) индивидуальности. Так, природные задатки, свойства нервной системы и темперамент реализуются на уровне мира индивида; способности, частично талант, – на уровне мира субъекта (деятельности), характер же – на уровне мира личности. Впрочем, характер отчасти занимает «межуровневное» положение и в некоторой степени тяготеет также и к деятельностному уровню (А.Г. Асмолов в этом плане говорит об деятельностно-инструментальной роли характера), а значит и к субъектному; а, к примеру, ценности и ценностные смыслы личности (если они сформировались у человека), релевантны уже ее *ядру*. Анализ всех этих проблем частично осуществлен в наших работах [3].

Редукция личностной, ответственной регуляции к чисто субъектной регуляции (в том числе к регуляции исполнительской активности, направляемой внешним агентом отчуждения) является не только механизмом *личностного отчуждения*. Она проясняет, каким образом комбинированное действие базовых психологических детерминант при реализации действий и поступков человека может по существу уже не регулироваться личностью (распад ее само-регуляции), а происходить под «зомбирующим» влиянием авторитарной личности в условиях соответствующих социально-психологических атмосфер (проявления клановости в малых группах и т. д.).

Личностному существованию присуща одна особенность – *потенция выхода* (на уровне личностных смыслов повседневной активности и т. д.) к *глобальному Бытию* – в первую очередь социальному, – тогда как субъект соотносительна лишь *объекту* (А.С. Арсеньев, Н.С. Шадрин). А существование человека как телесно-биологического индивида (пусть и «усложненного») с его интегральными механизмами реагирования на среду, поддержания гомеостаза и т.д. не релевантно тотальности бытия по определению!

Говоря в терминах экзистенциализма, *существование личности* обладает свойством **экзистенциальности** (потенция выхода локализованного, «фактического» существования человека к Бытию!). Но, на наш взгляд, ему присуща также **ко-экзистенциальность**. Под ней понимается способность личности *сопрягать* мир своего существования с миром другого (вспомним *интегративную функцию* психики, по В.А. Ганзену) *в контексте все более широких совместных социокультурных миров*. (Стабилизация существования на уровне ограниченных по своим масштабам, замкнутых групповых миров – *еще одна грань отчуждения*, на которой мы здесь не можем останавливаться.) Поэтому можно обращаться не только к экзистенциальным, но и к *ко-экзистенциальным* аспектам ответственности, ибо *человек ответствен и перед теми, с кем он со-существует хотя бы опосредствовано!*

Учитывая объем статьи, хотелось бы чуть конкретизировать понятие ко-экзистенциальности. Она выражается в феномене «соприсутствия» человека по отношению к миру другого, во «взаимном проникновении» двух личностных миров и т. д. Можно говорить и о таких аспектах ко-экзистенциальности, как «простраивание мостиков» со-понимания и со-действия

между двумя личностными мирами (и двумя формами личностного существования!) *на длительную жизненную перспективу* (а не просто в связи с текущими задачами деятельности, что происходит при реализации интерактивной формы общения на субъектном уровне).

1. *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. – М.: Политиздат, 1975. – 304 с.

2. *Кабрин В.И.* Антропологическая судьба субъекта // *Методология и история психологии.* – 2010. – № 1. – С. 52–69.

3. *Шадрин Н.С.* Потерянный и возвращенный мир: Об отчуждении личности и путях его преодоления: монография. – Омск: Изд-во ОмГТУ, 2014. – 124 с.

**СЕКЦИЯ
«ОТВЕТСТВЕННОСТЬ И САМОРЕГУЛЯЦИЯ ЛИЧНОСТИ»**

УДК 159.923.2

**ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТНОЙ СФЕРЫ ЖЕНЩИН
С РАЗНОЙ СТЕПЕНЬЮ АКТИВНОСТИ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ВНЕШНОСТИ**

Е.А. Варлашкина

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

Проблема высокой активности преобразования внешнего облика у современных женщин является актуальной для психологической теории и практики. Обращение женщин к разнообразным практикам преобразования внешности предполагает осознанную, целенаправленную активность личности, указывая на перспективу реализации субъектного подхода в изучении обозначенной проблемы. Приводятся результаты исследования особенностей личностных черт, регулирующих степень активности личности (перфекционизм, временная перспектива, психологическое благополучие), у женщин, отличающихся использованием способов преобразования внешнего облика.

Ключевые слова: внешний облик, степень преобразовательной активности, субъектный подход, личностная сфера, перфекционизм, временная перспектива, психологическое благополучие (удовлетворенность жизнью).

**PERSONAL SPHERE FEATURES OF WOMEN
WITH DIFFERENT DEGREES OF ACTIVITY WITH TRANSFORMATION APPEARANCE**

E.A. Varlashkina

Dostoevsky Omsk State University

The problem of high activity in the transformation of appearance of modern women is relevant to psychological theory and practice. Treatment of women to a variety of practices transform of appearance suggests a conscious, purposeful activity of the person, pointing to the prospect of the implementation of the subject approach in the study of the designated problem. The article presents the results of studies of the personality traits that govern the degree of activity of the person (perfectionism, time perspective, psychological well-being), in women, using different ways to transform appearance.

Key words: appearance, degree of transformative activity, subject approach, personal sphere, perfectionism, time perspective, psychological well-being (life satisfaction).

Повышенное внимание женщин к собственной внешности является одной из актуальных проблем современного общества, несет потенциальную угрозу психическому и физическому здоровью человека. Ученые указывают, что сегодня неудовлетворенность внешностью приобретает масштабы эпидемии [6]. Во многих исследованиях подчеркивается, что телесное бытие выступает актуальной, нередко напряженной темой индивидуальной жизни со-

временных женщин, в большей степени подверженных социокультурному влиянию идеалов красоты. Особенностью современной социокультурной среды является то, что одобряемые обществом образы идеальной внешности транслируют не только содержание привлекательного образа физического Я, лишённого признаков утраты молодости, но и соответствующие способы достижения идеалов красоты, отличающиеся глубиной и качеством преобразования внешности. Социальные психологи подчеркивают, что сегодня в науке наблюдается тенденция употреблять понятие «преобразование внешнего облика» тогда, когда речь идет об осознанном изменении внешнего облика женщинами [3; 4]. Безусловно, в таких условиях социокультурной среды современная женщина нуждается в адресной помощи со стороны психологической науки, а понимание причин преобразовательной активности изменения внешнего облика женщинами является перспективным направлением исследований в области психологии внешности.

В психологической науке разработка данной проблемы представлена работами авторов в области медицинской, гендерной, возрастной, социальной психологии. Исследователями признается высокая роль влияния гендерных стереотипов, возрастных изменений и социокультурных факторов на степень преобразовательной активности ухода за внешностью и удовлетворенность образом физического Я. Однако, В.А. Лабунская говорит о недостаточности возрастного подхода в объяснении выбора степени преобразовательной активности при уходе за внешностью, который не учитывает в какой степени внешность становится «смысловым центром» личности [3]. Кроме того, ученый подчеркивает актуальность реализации субъектного подхода изучения проблемы, отмечая что: 1) внешний облик – это объективная и субъективная реальность; 2) влияние социокультурных факторов не является исчерпывающим объяснением реализации стремления изменять свой внешний облик. Любая активность субъекта не может объясняться исключительно внешними детерминантами, поскольку обусловлена внутренним миром личности, индивидуальной историей ее формирования, развития; 3) субъектность, детерминирующая направленность, интенсивность преобразовательной активности личности является фактором, обуславливающим разновидности преобразования внешнего облика [3; 4].

Таким образом, анализ научной литературы показал, что в изучении обозначенной проблемы не учитывается фактор самодетерминации личности в оформлении и преобразовании своего образа физического Я. Из работ специалистов следует, что личностными механизмами такой самодетерминации могут выступать такие личностные черты как перфекционизм, временная перспектива, психологическое благополучие (удовлетворенность жизнью) [1; 2; 5; 7]. Поэтому изучение данных особенностей личности у женщин, различающихся степенью преобразовательной активности ухода за внешностью, предопределило цель настоящего исследования.

Теоретическую основу нашего исследования составляют следующие основания: Внешний облик, образ физического Я человека – образ своего внешнего вида. Преобразование внешнего облика предполагает цель – развитие индивидуальности и оказание влияния на события своей жизни, предполагающими опорой на субъектность личности – переосмысление своей жизни в контексте прошлого, настоящего и будущего [3]. Перфекционизм, временная перспектива, психологическое благополучие являются личностными чертами, определяющие активность личности в широком классе жизненных ситуаций [1; 2; 5; 7].

В качестве методического инструментария применялись следующие методики: «Многомерная шкала перфекционизма» П. Хьюитта и Г. Флетта (адаптация И.И. Грачевой) [1]; «Временная перспектива личности» Ф. Зимбардо (адаптация А. Сырцовой, Е.Т. Соколовой, О.В. Митиной) [7]; «Шкалы психологического благополучия» К. Рифф (адаптация Л.А. Пергаменщика, Н.Н. Лепешинского) [5].

Для статистической обработки полученных данных были использованы:

- методы первичной описательной статистики (среднее арифметическое значение, стандартное отклонение);
- критерии различий (t-Стьюдента, U-Манна–Уитни, H-Краскала-Уоллеса).

Выборка исследования представлена 120 женщинами в возрасте от 22 до 55 лет (период физической зрелости). Испытуемые были дифференцированы на 3 группы (по 40 человек) по степени преобразовательной активности ухода за внешностью. В 1 группе (низкая степень преобразовательной активности) испытуемые обращаются к нерегулярным самостоятельным практикам преобразования внешнего облика. Во 2 группе (средняя степень преобразовательной активности) испытуемые занимаются самостоятельным уходом, регулярно занимаются спортом, следуют диетам, посещают салоны красоты и косметолога. В 3 группе (высокая степень преобразовательной активности) испытуемые в отличие от 2 группы обращаются к услугам эстетической хирургии. Исследование проводилось на базе ООО «Центр пластической хирургии доктора Пуценко» (г. Омск).

Полученные показатели по шкалам применяемых методик исследования перфекционизма, временной перспективы и психологического благополучия соответствуют нормативным значениям. Однако межгрупповое сравнение позволило определить ряд особенностей личностной сферы женщин, отличающихся степенью преобразовательной активности в оформлении и конструировании внешнего облика.

В 1 группе испытуемых (низкая степень преобразовательной активности) выявлены высокий показатель по шкале «автономия» ($U = 596$ при $p \leq 0,05$), средние значения по шкалам «социально предписанный перфекционизм» (56,05 баллов; $t = 3,23$ при $p \leq 0,05$; $t = -4,09$ при $p \leq 0,001$), «негативное прошлое» (2,83 баллов; $H = 11,04$, $p \leq 0,01$), а также заниженные показатели по шкалам «гедонистическое настоящее» (3,18 баллов; $H = 6,69$ при $p \leq 0,05$), «управление окружением» (56,83 баллов; $U = 571$ при $p \leq 0,05$), «самопринятие» ($U = 580$ при $p \leq 0,05$).

Полученные результаты свидетельствуют о том, что женщин с низкой степенью преобразовательной активности формирования внешнего облика отличает:

- независимость от социального окружения;
- целеустремленность и ответственность в принятии решений;
- предпочтение стабильности над беспечностью;
- адекватный уровень субъективной оценки счастья;
- самостоятельность и независимость в принятии решений;
- способность противостоять попыткам общества действовать определенным образом;
- наличие трудностей в организации повседневной деятельности;
- низкое самопринятие.

В контексте нашего исследования, выявленные особенности, возможно, свидетельствуют о том, что женщины с низкой степенью преобразовательной активности конструирования внешнего облика в меньшей степени подвержены влиянию образов идеальной внешности и способов их достижения, транслируемых обществом и культурой, мотивируя их на незначительный уход за собой. Удовлетворенность жизнью в прошлом и оптимизм в настоящем, вероятно, может свидетельствовать о том, что повышение внешней привлекательности не является для них ресурсом повышения удовлетворенности жизнью, а образ физического Я обладает одинаковой значимостью наряду с другими жизненными ценностями женщин. Но вместе с тем, мы полагаем, что женщинам данной группы трудно объективно оценить состояние своего внешнего облика и контролировать возрастные изменения внешности, они не чувствуют себя уверенными и готовыми к более активным практикам преобразования внешнего облика. Поэтому при уходе за внешностью полагаются на себя и предпочитают дейст-

воватъ самостоятельно, с минимальной степенью преобразовательной активности поддержания внешней привлекательности.

Испытуемых 2 группы (средняя степень преобразовательной активности) отличают высокие значения по шкалам «положительные отношения с другими» (62,53 баллов; $t = 2,37$ при $p \leq 0,05$), «управление окружением» (59,98 баллов; $U = 571$ при $p \leq 0,05$), «самопринятие» (58,83 баллов; $U = 580$ при $p \leq 0,05$), средний показатель шкалы «гедонистическое настоящее» (3,25 баллов; $H = 6,69$ при $p \leq 0,05$) и низкие значения по шкалам «социально предписанный перфекционизм» (47,75 баллов; $H = 13,94$ при $p \leq 0,001$; $t = 3,23$ при $p \leq 0,05$), «негативное прошлое» (2,48 баллов; $H = 11,04$ при $p \leq 0,01$), «автономия» (55,83 баллов; $U = 596$ при $p \leq 0,05$).

Мы полагаем, что женщины со средней степенью преобразовательной активности формирования образа физического Я эффективны в деятельности и активно используют предоставляющиеся возможности, они позитивно относятся к себе, доверяют мнению окружающих, в принятии важных решений полагаются на мнение значимых других, не считают, что общество предъявляет к ним очень высокие требования, которым они должны соответствовать, имеют оптимистичный взгляд на жизненные события в прошлом, осознанно и целенаправленно относятся к событиям своей жизни в настоящем, предпочитая стабильность. Вероятно, женщины данной группы не только отчетливо осознают надвигающиеся возрастные изменения внешнего облика, дифференцируют компоненты образа физического Я, нуждающиеся в коррекции, но и понимают ограниченность самостоятельного ухода за собой, не позволяющего поддерживать привлекательность внешнего вида на достаточном уровне. Их готовность активно преобразовывать внешний облик – изыскивать возможности для коррекции внешности (физические, временные, финансовые) свидетельствует о высокой личностной значимости образа физического Я. Очевидно, что для них внешний облик является значимым ресурсом управления своей жизнедеятельностью, поэтому в принятии решений по его коррекции женщины доверяют мнению специалистов, компетентных в поддержании их индивидуальности на достаточном уровне. Возможно, что обозначенными выше особенностями проявления личности определяется средний уровень преобразовательной активности коррекции внешнего облика женщинами, а отказ от услуг эстетической хирургии может свидетельствовать об осознанности выбора способов ухода за внешностью, удовлетворенности достигнутыми результатами ухода за собой.

Отличительными особенностями 3 группы испытуемых (высокая степень преобразовательной активности) являются высокие значения по шкалам «перфекционизм, ориентированный на других» (55,73 баллов; $t = 2,23$ при $p \leq 0,05$), «социально предписанный перфекционизм» (58,15 баллов; $H = 13,94$ при $p \leq 0,001$; $t = -4,09$ при $p \leq 0,001$), «негативное прошлое» (2,95 баллов; $H = 11,04$ при $p \leq 0,01$; $U = 460,5$ при $p \leq 0,001$), «будущее» (3,79 баллов; $U = 595$ при $p \leq 0,05$), «гедонистическое настоящее» (3,43 баллов; $H = 6,69$ при $p \leq 0,05$; $U = 542,5$ при $p \leq 0,05$), низкие показатели по шкале «положительные отношения с другими» (58,35 баллов; $t = 2,37$ при $p \leq 0,05$) и тенденция к низкому самопринятию (55,3 баллов; $t = 1,78$ при $p = 0,06$).

С нашей точки зрения, при высокой степени преобразовательной активности ухода за внешностью личность испытуемых характеризуется:

- зависимостью от мнений и требований социальной среды;
- нереалистичными ожиданиями по отношению к другим людям;
- негативными оценками событий прошлой жизни, неудовлетворенностью жизнью в целом;
- ориентацией на получение удовольствия и наслаждения в настоящем, склонностью к принятию рискованных решений;

- активностью, надеждами на положительные перемены в будущей жизни;
- трудностями в межличностном общении;
- тенденцией к низкому самопринятию.

Соответственно, мы полагаем, что женщины данной группы являются наиболее чувствительными к влиянию не только социально одобряемых образов идеальной внешности, но и способам достижения желаемого результата, характеризующихся глубиной и качеством преобразования внешнего облика (услуги эстетической хирургии). Вероятно, неудовлетворенность жизнью, склонность к риску, готовность активно действовать для достижений жизненных планов в будущем свидетельствует высокой личностной значимости образа физического Я, выраженном желании поддержать свою индивидуальность. Необратимость изменения внешнего облика после эстетической хирургии может свидетельствовать об осознанном желании женщин исключить возможность повтора или возврата к прошлой жизни. В преобразовании внешности они видят ресурс изменения своего бытия и своей личности (В.А. Лабунская).

Таким образом, проведенное исследование показало, что группы женщины с разной степенью преобразовательной активности ухода за внешностью отличает уровень выраженности отдельных компонентов перфекционизма, временной перспективы, психологического благополучия. Возможно, что данными особенностями личности определяется сила влияния на степень преобразовательной активности коррекции внешнего облика и уровень удовлетворенности образом физического Я у женщин. Выявленная закономерность указывает на перспективу исследования данных личностных черт в качестве возможных личностных предикторов удовлетворенности образом физического Я у женщин с разной степенью преобразовательной активности коррекции внешнего облика.

1. *Грачева И.И.* Адаптация методики «Многомерная шкала перфекционизма» П. Хьюитта, И.Г. Флетта // Психологический журнал. – 2006. – Т. 27. – № 6. – С. 73–89.

2. *Иванченко Г.В.* Идея совершенства в психологии и культуре. – М.: Смысл, 2007. – 255 с.

3. *Лабунская В.А.* «Видимый» человек как социально-психологический феномен // Социальная психология и общество. – 2010. – № 1. – С. 26–39.

4. *Лабунская В.А., Наровская Я.Б.* Типы преобразования внешнего облика как отражение направленности преобразовательной активности субъекта в социальном общении // Мир психологии. – 2006. – № 4. – С. 96–104.

5. *Пергаменцик Л.А., Лепешинский Н.Н.* Опросник «Шкалы психологического благополучия» К. Рифф: процесс и результаты адаптации // Психологическая диагностика. – 2007. – № 3. – С. 73–96.

6. *Рамси Н., Харкорт Д.* Психология внешности. – СПб.: Питер, 2009. – 256 с.

7. *Сырцова А., Соколова Е.Т., Митина О.В.* Адаптация опросника временной перспективы личности Ф.Зимбардо // Психологический журнал. – 2008. – Т. 29. – № 3. – С. 101–109.

НЕФОРМАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ВЗРОСЛЫХ КАК ПРОСТРАНСТВО САМОРЕАЛИЗАЦИИ

О.В. Гордина

Педагогический институт Иркутского государственного университета

Исследуется неформальное образование взрослых как социально-педагогический феномен, наблюдаемый в реальной практике. В фокусе внимания находятся народные школы для пожилых людей, созданные в России на базе вузов. В качестве эффективной социальной технологии организации неформального образования взрослых рассматривается сетевое взаимодействие.

Ключевые слова: непрерывное образование; неформальное образование взрослых; сетевое взаимодействие; Высшая народная школа для пожилых людей.

NONFORMAL ADULT EDUCATION AS A SPACE OF SELF-REALIZATION

O.V. Gordina

Pedagogical institute of the Irkutsk State University

In the article the author nonformal adult education as a social and pedagogical phenomenon in practice. The focus is the FHS for aged persons functioning at Russian Universities. Network interaction is considered as an efficient social technology in nonformal adult education.

Key words: lifelong education, nonformal adult education, network interaction, Folk high school for aged persons.

Пространством для непрерывной самореализации взрослого человека, создающим условия для его активного социального функционирования, может стать неформальное образование. Остановимся подробнее на этом феномене. Сегодня не вызывает возражений тезис о том, что образование не имеет временных и пространственных рамок. Это процесс, который, протекая в условиях разных институциональных форм (образовательные учреждения во всем их многообразии), тем не менее, на них не замыкается. В современном понимании, признанном и поддержанном европейским сообществом, границы образования значительно расширены, оно рассматривается как процесс изменения установок, моделей поведения личности, осуществляемый под воздействием социальной практики, в течение всей жизни человека.

В современных условиях миссией образования становится создание условий для формирования и дальнейшего развития жизненной активности человека не зависимо от его возраста. Образование должно быть непрерывным как сама жизнь, сопровождать человека на всех возрастных этапах, поскольку оно во многом определяет и даже предопределяет качественные характеристики жизни. Существенно, что образованность, уровень образования современной социологией образования рассматриваются как составляющие жизненных сил человека и общества. Следует обратить внимание на то, что образование способно сочетать в себе решение как прагматических, так и духовных, личностных задач. Чем бескорыстнее относится человек к образованию, чем значительнее для него сам процесс познания, тем выше его ценность. Как отмечает С.Г. Вершловский, анализируя феномен непрерывного образования, подлинно непрерывным оно становится только тогда, когда приобретает для человека личностный смысл, т. е. становится ценностью. [1]. Такова позиция обучающегося в пространстве неформального образования взрослых.

Отметим, что неформальное образование являет собой пространство добровольческого взаимодействия людей в целях удовлетворения их потребности в новых, актуальных для них знаниях, потребности в общении и личностном развитии. Здесь нет стандартов, сертификатов, влияющих на карьерный рост. Здесь царят свобода выбора и высокая учебная мотивация. Как правило, неформальное образование благодаря своей гибкости носит опережающий характер и позволяет человеку идти в ногу со временем.

Анализ феномена неформального образования взрослых в социальном, педагогическом аспектах, а также с позиций жизнотворчества позволяет определить неформальное образование взрослых как осознанный, высоко мотивированный процесс познания, оптимально отвечающий запросам обучающихся, основанный на собственном конструировании учебной деятельности, ориентированный на культуросообразование и культуросозидание в условиях активного социального взаимодействия. Отметим, что этот процесс способствует становлению личности взрослого обучающегося и как субъекта жизнотворчества.

Социальная практика создает разнообразные модели объединения людей для общественной деятельности. Устойчивой тенденцией последнего десятилетия является создание общественных организаций, Центров образования, занимающихся неформальным образованием взрослых. Как правило, эта образовательная деятельность носит циклический характер и предполагает проведение краткосрочных курсов, семинаров, тренингов. В этой ситуации ставятся и решаются задачи сугубо прагматического характера. Как это принято в образовании взрослых, продукт деятельности должен быть осязаем. Новые знания должны быть применимы в реальной практике (профессиональной, социальной, личностной...). Важнейшей задачей является большой охват слушателей, и здесь речь идет о постоянно меняющейся временной учебной группе. Очевидно, что в этой ситуации реализуется рыночный подход к образованию. Процесс познания опирается на образовательные услуги. Эти услуги обычно платные и они не доступны подавляющему числу взрослого населения, особенно людям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации: безработным, мигрантам, пенсионерам. Между тем, это именно та категория взрослого населения, которая особенно нуждается в устойчивых социальных контактах, в получении знаний, дающих новый шанс в жизни, и располагает для этого большим запасом личного времени.

На фоне этих проблем и предложений, продиктованных вызовами нашего времени, особое место занимают Высшие народные школы (ВНШ), которые с трудом, но укрепляют свои позиции в российском образовательном пространстве. Они являют собой целостную образовательную модель, прошедшую испытание временем и хорошо зарекомендовавшую себя как в России, так и в ряде европейских стран [2].

Высшая народная школа как самобытная модель андрагогического взаимодействия, ориентированная на саморазвитие личности взрослого человека, наряду с решением узко прагматических задач (например, овладеть компьютерной, правовой, экономической грамотностью и др.), ориентируется, прежде всего, на сам процесс познания как непреходящую ценность. Здесь доминирует не рыночный, а человекотворческий подход к образованию взрослых.

В течение 7 лет на базе Педагогического института Иркутского государственного университета работает Высшая народная школа для людей пенсионного возраста. Это волонтерский проект преподавателей и студентов данного вуза, пользующейся особым вниманием и любовью иркутян. Школа предоставляет своим слушателям в течение учебного года еженедельные поточные лекции ведущих преподавателей вузов, деятелей культуры и искусства. В ВНШ создана сеть кружков, клубов по интересам, студий, секций. Диапазон интересов людей, пришедших в школу, задает вектор её развития и определяет содержание учебного процесса.

Одним из любимых вопросов, задаваемых организаторами Высшей народной школы Иркутска своим слушателям в конце учебного года, является: «Как вы понимаете само на-

звание школы: почему «высшая», почему «народная», почему «школа»? Размышления на эту тему и ответы на эти, казалось бы, простые вопросы, позволяют уловить суть этого явления и оценить глубину процессов, происходящих в личностном мире школяров пенсионного возраста. Позволим себе процитировать некоторые ответы. Вот, например, как объяснялось почему школа «высшая»:

– *Высшая, потому, что это получение самых новых, современных знаний, зачастую по тем направлениям, с которыми мы были совсем не знакомы в прошедший период жизни...*

– *Это непрерывное образование для тех, кто давным-давно получил высшее профессиональное образование, но здесь границы расширяются. ВНШ – это школа жизни в новых условиях...*

– *Высшая, потому, что здесь можно не только получать знания от преподавателей, но и делиться своими...*

– *Высшая, потому, что здесь все возвышенное: и обучение, и общение, и понимание и еще много всего....*

Высшая – все выше и выше.... Предела развитию народной школы нет....

Как видим, у каждого своя Высшая народная школа-близкая, родная, значимая, дающая человеку именно то, что ему сегодня нужно. Как это возможно, чтобы такие разные грани были присущи одному и тому же явлению? Здесь все дело именно в специфике неформального образования, его гибкости, вариативности, способности создать условия для того, чтобы ученик мог сам стать учителем и этот обмен ролями возможен и очень продуктивен.

Отвечая на вопрос о том, почему школа называется народной наши слушатели сходятся во мнениях, акцентируя внимание на её доступности, поскольку в ВНШ принимаются все желающие и обучение является бесплатным.

– *Народная, потому, что доступная....*

– *потому, что инициатива снизу....*

– *многие, вышедшие из народа получают здесь знания, которых не могли получить раньше...*

– *потому, что здесь знания получают представители разных слоев населения....*

Человеколюбие в современной интерпретации – это вера в возможности человека и создание условий для его непрерывного продвижения по пути самосовершенствования, пути, которому нет конца. Например, для пожилого человека доступ к новым знаниям, к конструктивному партнерскому, дружескому общению с представителями разных поколений в условиях ВНШ – это новый шанс изменить жизнь и путь к активному долголетию.

Думается, сегодня стратегической задачей является теоретическое осмысление деятельности данных институциональных форм образования взрослых как социально-педагогических феноменов, наблюдаемых в жизненной практике и определение перспектив их развития в контексте формирования обучающихся сообществ в современной России.

1. *Вершиловский С.Г.* Непрерывное образование: историко-теоретический анализ феномена: монография. – СПб.: СПб АППО, 2008. – 155 с.

2. *Гордина О.В.* Народная школа: ретроспектива, экстраполяция в современное социальное пространство Сибири: монография. – Иркутск: ФГБОУ ВПО «ВСГАО», 2014. – 152 с.

3. *Гордин А.И.* Некоторые подходы к раскрытию сущности понятия «ценностное самоопределение взрослого человека» // Образование и общество. – 2009. – № 2 (55). – С. 54–57.

4. *Литвинова Н.П.* Тенденции и перспективы развития Высших народных школ // Человек и образование. – 2010. – № 4. – С. 15–19.

5. *Шадрина Т.В.* Андрагогические подходы к обучению будущих специалистов сферы профессионального образования // Современное образование: традиции и инновации. – 2015. – № 1. – С. 23–29.

ВЛИЯНИЕ СТРАТЕГИЙ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И ПЕРФЕКЦИОНИЗМА РОДИТЕЛЕЙ НА ПЕРФЕКЦИОНИЗМ И МОТИВАЦИЮ ДОСТИЖЕНИЯ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

О.Ю. Гроголева, А.А. Гаркина

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

Представлен анализ влияния стратегий взаимодействия и перфекционизма родителей на перфекционизм и мотивацию достижения младших школьников. Было обнаружено влияние на перфекционизм и мотивацию достижения младших школьников таких стратегий воспитания матерей как «контроль», «эмоциональная близость», «тревожность», а также «удовлетворенность отношениями с ребенком». Кроме того, выявлено влияние параметров перфекционизма матерей – «поляризованное мышление» и «селектирование информации о собственных ошибках».

Ключевые слова: перфекционизм, мотивация достижения, стратегии родительского взаимодействия, младший школьный возраст.

THE INFLUENCE OF INTERACTION STRATEGIES AND PERFECTIONISM OF PARENTS ON PERFECTIONISM AND ACHIEVEMENT MOTIVATION OF PRIMARY SCHOOL AGE CHILDREN

O.Yu. Grogoleva, A.A. Garcia

Dostoevskiy Omsk State University

The article presents the analysis of the influence of interaction strategies and perfectionism of parents on perfectionism and achievement motivation of primary school age children. The influence on perfectionism and achievement motivation of children such mothers' upbringing strategies as "control", "emotional intimacy", "anxiety" and "satisfaction of relations with a child" has been found. Such parameters of perfectionism of parents as "polarized thinking" and "selecting information about their own mistakes" are revealed as well.

Key words: perfectionism, achievement motivation, interaction strategies of parents, primary school age

Стремление к самосовершенствованию и достижению успеха являются ведущими стимулами личностного развития, которые позиционируются современным обществом как значимые личностные ценности. Однако крайние формы этого процесса создают риск проявления психологических проблем, что отражается на возникновении патологического перфекционизма личности. Современная личность, фактически, лавирует между стремлением к достижению и невротическими тенденциями, которые с этим стремлением связаны.

И первый, и второй аспекты закладываются в детском возрасте. Их изучение возможно посредством анализа двух психологических конструктов: мотивации достижения успеха и перфекционизма, которые связаны с предъявлением высоких стандартов к своей деятельности и личности. Но если перфекционизм связывают с завышением стандартов, предъявлением чрезмерных требований, и, как следствие, различными нарушениями (депрессивные и тревожные расстройства, нарушение пищевого поведения и т. п.) [2], то мотивация достижения не несет в себе негативной смысловой нагрузки, связанной с личностной деструкцией.

Объединенный анализ этих конструктов оправдан еще и тем, что обе личностные особенности формируются в ходе внутрисемейного взаимодействия. Перфекционизм как личностное качество представляет собой согласно определению М. Холлендер «повседневную практику предъявления к себе требований более высокого качества выполнения деятельности, чем того требуют обстоятельства» (цит. по: [3, с. 158]). Соответственно, в детском возрасте перфекционизм характеризует поведение ребенка по отношению к повседневным обязанностям, в том числе, связанных со школой и может проявляться в чрезмерном усердии, негативных реакциях на допущенные ошибки, стремлении к постоянному одобрению со стороны значимых взрослых.

В качестве основных признаков, разводящих перфекционизм и мотивацию достижения можно выделить, во-первых, то, что целью перфекциониста в любой ситуации становится стремление к высочайшему стандарту, в то время как мотивация достижения ставит во главу угла целеполагание, которое связано с пересмотром и корректировкой целей. Во-вторых, перфекционизм как психологический феномен основывается на достижении состояния идеальности, в то время как мотивация достижения акцентирует внимание на действии как основном структурном элементе достижения.

Основной целью нашего исследования является анализ влияния стиля воспитания в семье, в целом, и родительского перфекционизма на проявление у ребенка перфекционистских тенденций и мотивации достижения.

Теоретическая гипотеза исследования – стиль воспитания и уровень перфекционизма родителей оказывают влияние на уровень перфекционизма и мотивацию достижения в младшем школьном возрасте.

Выборочную совокупность составили 56 учащихся 3 класса в возрасте 10–11 лет и их родители. Таким образом, общее количество выборки составило 112 человек. Поскольку для младшего школьного возраста характерна большая зависимость от отношений с матерью, опрос проводился только среди матерей.

В качестве психодиагностического инструментария выступили следующие методики:

1. The child and Adolescent Perfectionism Scale (CAPS) (G. Flett, P. Hewitt) (авторский перевод) – детско-подростковая шкала перфекционизма.

2. Экспериментальная ситуация, направленная на выявление мотивации достижения в младшем школьном возрасте. Для изучения реально действующих мотивов достижения нами использовалась методика, предполагающая создание пяти ситуаций столкновения мотивов (М.В. Матюхина, Т.Ф. Иванова).

3. «Опросник для изучения взаимодействия родителей с детьми (ВРР)» И.М. Марковской.

4. «Опросник перфекционизма» (Н.Г. Гаранян, А.Б. Холмогорова). Основными методами статистической обработки результатов исследования являлись: критерий Z-Колмогорова-Смирнова, однофакторный дисперсионный анализ (ANOVA). Возможность применения однофакторного дисперсионного анализа подтверждена соответствием требований по наличию нормального распределения данных в выборке, а также соответствием критерию Ливена ($p \geq 0,05$) по каждому показателю.

Анализ влияния характеристик стиля воспитания и перфекционизма матери на перфекционизм и мотивацию достижения ребенка проводилось с привлечением результатов указанных ранее методик. При этом особенности детско-родительских стратегий взаимодействия анализировались и с точки зрения ребенка, и с точки зрения родителя.

Тип отношения родителя к ребенку, рассмотренный с позиции ребенка, обнаруживает целый ряд влияний на перфекционизм младшего школьника, а также влияние одной воспитательной стратегии на мотивацию достижения.

Так обнаружено, что степень контроля со стороны родителя оказывает прямое влияние на перфекционизм ребенка ($F = 5,27, p \leq 0,01$). Высокий уровень контроля со стороны родителя может приводить к тому, что у ребенка будут развиваться перфекционистские черты личности, что, возможно, связано не столько с контролем как таковым, сколько с заложенным в него стремлением к достижению результата.

Неожиданным для нас стало выявленное прямое влияние эмоциональной близости с родителем на перфекционизм ребенка ($F = 14,43 p \leq 0,001$). При этом такие исследователи как М. Фрост, П. Хьюитт и Г. Флетт и др., указывают на эмоциональную дистанцию в отношениях как фактор формирования перфекционизма [2; 4]. Возможно, здесь проявляется ситуация воспитания по принципу «кумира семье», в которой чрезмерная эмоциональность и близость отношений ребенка и матери становится фактором психологической незрелости, инфантильности ребенка, а также его нежеланием отказываться от роли «кумира».

Следующей стратегией, оказывающей прямое влияние на перфекционизм ребенка, является тревожность родителя за ребенка ($F = 5,24, p \leq 0,05$). Полученный результат соответствует представленным С.В. Воликовой результатам изучения детского перфекционизма [1].

Авторитетность родителя для ребенка оказывает обратное влияние на мотивацию достижения младшего школьника ($F = 2,76, p \leq 0,05$). Проведенный анализ мотивации достижения младших школьников показал высокую значимость для них поддержки взрослых, при этом, выраженный авторитет взрослого снижает уровень мотивации достижения, возможно, потому, что связан с подчинением ему и отказом от собственных приоритетов в работе.

Совокупность выявленных параметров влияния достаточно сложна для интерпретации. Возможно, в данном случае стоит говорить не о влиянии стиля воспитания как такового, а о преломлении этого стиля через личностные особенности ребенка. В этом случае, факторами развития перфекционизма у ребенка можно считать чрезмерное внимание к нему со стороны взрослого. Это же чрезмерное внимание, если оно проявляется авторитетным для ребенка родителем, снижает уровень мотивации достижения, делая его, фактически, зависимым от мнения взрослого, его оценки и одобрения.

Анализ влияния типа детско-родительских отношений на основе ответов родителя, не показал такого количества и качества воздействия.

Основным фактором, оказывающим влияние и на уровень перфекционизма ребенка ($F = 6,67, p \leq 0,01$), и на развитие мотивации достижения ($F = 3,57, p \leq 0,05$), стала степень удовлетворенности отношениями с ребенком. При повышении уровня удовлетворенности повышается перфекционизм младшего школьника, но также усиливается мотивация достижения.

Возможно, данный результат связан с зависимостью ребенка от родительских ожиданий, и если эти ожидания завышены – развивается перфекционизм. Если же удовлетворенность рассматривается как результат включенности в учебную или иную деятельность – развивается мотивация достижения.

Проведенная статистическая обработка показала, что уровень перфекционизма матери не влияет напрямую на перфекционизм и мотивацию достижения ребенка. В качестве факторов влияния выделяются такие компоненты перфекционизма:

– Параметр «поляризованное мышление – «все или ничего» оказывает прямое влияние на перфекционизм ребенка ($F = 3,15, p \leq 0,05$). Поляризованное мышление предполагает специфическое отношение к ошибкам или малейшим недоработкам как к полному провалу. Соответственно, если такое отношение к результатам деятельности транслируется родителем, у ребенка закрепляется аналогичное восприятие результата.

– Компонент «селектирование информации о собственных неудачах и ошибках» оказывает влияние на перфекционизм ребенка ($F = 3,4, p \leq 0,05$), но характер этого влияния нелинейный. Повышение уровня перфекционизма у ребенка связано как с низким, так и с высо-

ким значением этого показателя. При среднем уровне выраженности селективного отношения к ошибкам перфекционизм младших школьников снижается. Фактически, этот результат указывает на то, что именно выраженный перфекционизм родителя может рассматриваться как фактор формирования детского перфекционизма. Сложнее определить, в связи с чем, само отсутствие селективного отношения к неудачам со стороны родителя способно усиливать перфекционизм ребенка. Можно предположить, что в этом случае требования переносятся на ребенка и анализируются именно его ошибки, то есть родитель проявляет перфекционизм, ориентированный на других.

– Компонент «высокие стандарты деятельности при ориентации на полюс «самых успешных» оказывает влияние на мотивацию достижения ребенка ($F = 5,94, p \leq 0,01$), но характер этого влияния нелинейный. Повышение уровня мотивации достижения у ребенка связано как с низким, так и с высоким значением этого показателя. При среднем уровне выраженности максимизации стандартов деятельности мотивация достижения у младших школьников снижается. Характер выявленного влияния мы можем связать с тем, что отсутствие ориентации на успех у родителя предполагает его удовлетворенность любыми достижениями ребенка, что отражается на снижении уровня мотивации достижения.

Таким образом, предположение о влиянии перфекционизма родителей на перфекционизм и мотивацию достижения ребенка подтвердилось. Полученные результаты позволяют задуматься о том, что перфекционизм родителя может приводить к формированию детского перфекционизма даже если эмоциональная холодность и чрезмерная критика не проявляются по отношению к ребенку.

1. *Воликова С.В.* Современные исследования детского перфекционизма // Социальная и клиническая психиатрия. – 2012. – № 2. – С. 94–99.

2. *Новгородцева Е.Ф.* К вопросу о диагностике перфекционизма в юности. URL: <http://ovv.esrae.ru/pdf/2014/5/1037.pdf> (дата обращения: 20.03.2016).

3. *Ясная В.А., Ениколопов С.Н.* Перфекционизм: история изучения и современное состояние проблемы // Вопросы психологии. – 2007. – № 4. – С. 157–169.

4. *Hewitt P., Flett G.* Perfectionism in the Self and Social context: conceptualization, assesment and association with psychopathology // J-l of Personality and Social Psychology. – 1991. – V. 60. – № 3. – P. 456–470.

ВЗАИМОСВЯЗЬ САМОАКТУАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ С СУБЪЕКТИВНЫМ БЛАГОПОЛУЧИЕМ И ОПЫТОМ ПРОЩЕНИЯ

О.Ю. Гроголева, О.И. Орлова

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

Представлены результаты исследования взаимосвязи самоактуализации, субъективного благополучия личности и её опыта прощения в ситуациях затруднённого межличностного общения. Выявлено, что наибольшая трудность в процессе общения возникает в ситуациях словесного оскорбления со стороны родственников. В ходе проведенного исследования были обнаружены значимые корреляции между всеми изучаемыми феноменами.

Ключевые слова: самоактуализация, субъективное благополучие личности, прощение, затрудненное общение.

RELATIONSHIP OF SELF-ACTUALIZATION WITH SUBJECTIVE WELL-BEING OF THE INDIVIDUAL AND EXPERIENCE OF FORGIVENESS

O.Yu. Grogoleva, O.I. Orlova

Dostoevskiy Omsk State University

As the title implies the article describes findings on the relationship of self-actualization, subjective well-being of the individual and experience of forgiveness in situations that make interpersonal communication difficult. It was found that the greatest difficulty in the communication process occurs in situations of verbal abuse by relatives. In the course of the study significant correlations between all of the phenomena were discovered.

Key words: self-actualization, subjective well-being of the person, forgiveness, difficulty communicating.

Проблема смысла деятельности и жизни, а также развития личностных качеств во все времена являлась актуальной. Современная жизнь предъявляет человеку высокие требования и далеко не у всех получается им соответствовать, а если и получается, то порой не исключая появления стрессов, различных болезней, накопления негативных эмоций, а также ощущения неблагополучия своей жизни в целом. Поэтому, на наш взгляд, изучение механизмов и компонентов субъективного благополучия позволит продвинуться в решении проблемы повышения качества жизни, а также улучшения здоровья и психического благополучия личности. Д.А. Леонтьев определяет субъективное благополучие, как некую общую оценку своей жизни, включающую в себя рациональные и эмоциональные компоненты. Субъективное благополучие связано с понятиями «счастье» и «качество жизни» [2].

Изучение феномена самоактуализации необходимо для понимания нормы (даже сверхнормы) человеческого существования. Самоактуализирующийся человек – своего рода образец того, к чему нужно стремиться. По А. Маслоу, самоактуализация – это полное использование своего личного потенциала, способностей и талантов [3, с. 187]. Нам представляется, что в целом самоактуализирующиеся личности ощущают более высокий уровень благополучия своей жизни. Следовательно, стремление к самоактуализации ведет к все более позитивной оценке человеком разных сфер своей жизни.

Также самоактуализирующиеся личности отличаются более полным восприятием реальности, принятием себя и других какими они есть. Поэтому одной из гипотез исследования

стало предположение о существовании связи между самоактуализацией и уровнем прощения. В рамках данного исследования прощение рассматривается нами как феномен межличностного общения. Р. Энрайт и коллеги понимают прощение как добровольный отказ от чувства обиды. При этом прощающий старается отвечать обидчику, «основываясь на нравственном принципе добродетели, который может включать сострадание, великодушие и духовную любовь» (цит. по: [1, с. 161]). Если такая связь действительно есть, то это означает, что самоактуализируясь, человек в какой-то мере учится прощению, основанному на уважении и любви, и наоборот: учась прощать, отказываясь от мести, человек духовно совершенствуется, а, следовательно, развивается по пути самоактуализации. То же самое можно сказать и в отношении самоактуализации и благополучия.

Попытка проследить связи между признаками самоактуализирующейся личности, её навыками общения и состоянием благополучия, как индикатора эмоциональной зрелости, определила интерес к данной теме исследования.

Целью исследования стало выявление взаимосвязи самоактуализации личности с субъективным благополучием и опытом прощения.

Исходя из цели, мы выделили следующие задачи: исследовать уровень самоактуализации, определить уровень прощения у испытуемых в ситуациях затруднённого или нарушенного межличностного общения, выявить степень субъективного благополучия и исследовать взаимосвязь между самоактуализацией, благополучием личности и её уровнем прощения.

Общую выборочную совокупность составило 40 человек. Из них 31 испытуемый женского пола и 9 испытуемых мужского пола от 41 до 60 лет, имеющих высшее образование.

В качестве психодиагностического инструментария выступили следующие методики: «Самоактуализационный тест (САТ)» в адаптации Ю.Е. Алесиной, Л.Я. Гозмана, М.В. Загика, М.В. Кроз; «Шкала психологического благополучия» К. Рифф в адаптации Н. Н. Лепешинского и «Шкала решения проблем межличностных отношений» (Interpersonal Relationship Resolution Scale) Т. Хэргрейва (используется с письменного разрешения автора, находится в процессе адаптации, перевод О.Ю. Грогoleвой). Метод первичной описательной статистики (среднее арифметическое), метод проверки нормального распределения (метод Колмогорова-Смирнова), корреляционный анализ (метод линейной корреляции Пирсона и метод ранговой корреляции Спирмена) производились при помощи программы SPSS.

В рамках данной статьи будет рассмотрено решение задачи на выявление взаимосвязи между изучаемыми феноменами. Предваряя описание основных результатов, отметим некоторые эмпирические данные, полученные при исследовании прощения. Так, при обозначении конкретной ситуации и человека, когда-либо причинившего боль и страдание, испытуемые чаще всего указывали «словесное оскорбление» (в качестве ситуации) и «родственника» (в качестве человека, причинившего боль). Это можно объяснить тем, что словесное оскорбление, как ситуация затруднённого общения, встречается чаще всего, а родственники заставляют нас испытывать более сильные и, следовательно, запоминающиеся эмоции.

Взаимосвязь самоактуализации личности и прощения.

Самоактуализация положительно коррелирует с такими шкалами прощения, как «инсайт» ($r_s = 0,497$; $p \leq 0,001$) и «понимание» ($r_s = 0,497$; $p \leq 0,001$). Отрицательная корреляция обнаружена со шкалой «гнева» ($r_s = 0,497$; $p \leq 0,001$). Шкала «инсайт» оценивает способность человека понимать модели поведения и механизмы, при помощи которых был нанесён вред межличностным отношениям. Понимание определяет способность испытуемого рационально оценить развитие отношений. Таким образом, можно говорить о том, что чем выше самоактуализация, тем лучше человек понимает обстоятельства случившегося, причины своего страдания, знает как предотвратить в будущем отношения, приносящие негативные последствия, а также менее склонен проявлять негодование и гнев.

Особый интерес представляет анализ выявленных корреляций по отдельным шкалам методики Э. Шострома. Со шкалой «инсайт» коррелируют такие шкалы самоактуализационного теста, как: «ориентация во времени» (способность субъекта жить настоящим) ($r_s = 0,497$; $p \leq 0,001$); «поддержка» (независимость поведения) ($r_s = 0,355$; $p \leq 0,05$); «гибкость поведения» (способность быстро и адекватно реагировать на ситуацию) ($r_s = 0,38$; $p \leq 0,05$); «сензитивность» (на сколько человек хорошо осознает свои чувства) ($r_s = 0,347$; $p \leq 0,05$); «самоуважение» ($r_s = 0,388$; $p \leq 0,05$); «самопринятие» ($r_s = 0,422$; $p \leq 0,005$) и «креативность» ($r_s = 0,329$; $p \leq 0,05$). Таким образом, чем лучше человек понимает причины и механизмы изменения межличностных отношений, тем больше он способен быстро и адекватно реагировать на изменяющуюся ситуацию, быть менее подверженным внешнему влиянию, осознавать свои чувства, принимать себя и раскрываться. Мы предполагаем, что такая связь вполне закономерна, так как самоактуализирующиеся люди в целом обладают более точным восприятием реальности. Это качество проявляется, по А. Маслоу, в способности обнаруживать фальшь и нечестность, также верно судить о других людях [3, с. 191]. Следовательно, такие люди легко осознают, как возникли те или иные отношения и как предотвратить/сохранить подобные отношения в будущем.

Со шкалой «понимание» коррелируют следующие шкалы самоактуализационного теста: «ориентация во времени» ($r_s = 0,357$; $p \leq 0,05$); «поддержка» ($r_s = 0,436$; $p \leq 0,01$) и «спонтанность» ($r_s = 0,326$; $p \leq 0,05$). Это означает, что человек, способный правильно, без защит, оценивать свои отношения с другими людьми, не боится открыто проявлять свои чувства, какими бы они ни были, а также им сложнее манипулировать. Самоактуализирующиеся люди честны с другими и прежде всего с собой, это сильные личности, поэтому они не боятся брать на себя ответственность: если они в чем-то виноваты, то признают это.

Взаимосвязь самоактуализации и благополучия.

Было обнаружено, что самоактуализация положительно коррелирует с общим показателем благополучия личности ($r = 0,44$; $p \leq 0,01$), а также с такими шкалами методики К. Рифф, как: «автономия» ($r = 0,414$; $p \leq 0,01$), «управление средой» ($r = 0,362$; $p \leq 0,05$) и «самопринятие» ($r = 0,502$; $p \leq 0,001$). Таким образом, самоактуализирующийся человек более независим, самостоятелен, он эффективно взаимодействует с окружающими, не упускает предоставленных ему возможностей, а также отличается положительным отношением к себе и самопринятием. Полученные результаты подтверждают теорию А. Маслоу о самоактуализации, а вышеупомянутые шкалы методики К. Рифф совпадают с такими выделенными А. Маслоу характеристиками самоактуализирующихся людей, как автономия, спонтанность и принятие себя.

Взаимосвязь благополучия и прощения.

Положительная значимая взаимосвязь обнаружена между общим показателем субъективного благополучия и шкалой «инсайт» при изучении прощения ($r_s = 0,357$; $p \leq 0,05$). Это означает, что чем лучше личность может понимать причины каких-то негативных ситуаций в жизни и в будущем эффективно предотвращать эти негативные ситуации, тем выше уровень благополучия личности. Также благополучие личности отрицательно связано с показателями по шкале «гнев» ($r_s = -0,39$; $p \leq 0,05$). Выявленная корреляция позволяет говорить о том, что человек, не выражающий открыто свой гнев в негативных ситуациях, склонен оценивать свою жизнь более позитивно.

Также мы рассмотрели группы испытуемых с высокими и низкими результатами по методике, направленной на исследование прощения. Исходя из результатов, группа респондентов, обладающих низким уровнем «инсайта» (т. е. не понимание механизмов, при помощи которых был нанесен вред межличностным отношениям), имеет и низкий уровень субъективного благополучия и самоактуализации, а группа опрашиваемых, обладающих высоким

уровнем по той же шкале инсайта, имеет и высокий уровень самоактуализации. Такие же закономерности были выявлены со шкалой прощения «понимание» и «гнев».

Таким образом, гипотезы о том, что самоактуализация, благополучие личности и прощение положительно связаны, подтвердились. Следовательно, можно предполагать, что человек, развивающийся в направлении самоактуализации, позитивнее оценивает происходящие жизненные ситуации, совершенствуется в понимании и принятии людей такими, какие они есть, в итоге, повышая качество жизни и приближаясь к высшему уровню психологического здоровья.

1. *Гассин Э.* Обряд прощения: психологическое, социальное и духовное становления человека // Московский психотерапевтический журнал. – 2006. – № 3.

2. *Леонтьев Д.А.* Субъективное благополучие и качество жизни: подходы, критерии и индикаторы / исследовательский проект НИУ ВШЭ, 2011. – URL: <http://www.hse.ru/org/projects/47266005> (дата обращения: 11.04.2016).

3. *Маслоу А.* Мотивация и личность. – СПб.: Питер, 2008, – 352 с.

ЭТНИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МОТИВАЦИИ И ОТВЕТСТВЕННОСТИ СТУДЕНТОВ ПРИ СОВЕРШЕНИИ ПРОСОЦИАЛЬНЫХ ПОСТУПКОВ

Ю.В. Ковалева

Смоленский государственный университет

Статья посвящена изучению ощущения ответственности за свершение просоциальных поступков, а также его мотивации. Выделяются три группы мотивов просоциального поведения: альтруистические, эгоистические, социально-нормативные. Рассматривается мотивация просоциального поведения у представителей этносов с различной культурной дистанцией.

Ключевые слова: просоциальное поведение, мотивация, ответственность, азербайджанцы, белорусы, русские.

ETHNIC PECULIARITIES OF MOTIVATION AND RESPONSIBILITY OF STUDENTS WHEN MAKING PROSOCIAL ACTIONS

Y.V. Kovaleva

Smolensk State University

The article is devoted to studying feelings of responsibility for the doing of prosocial acts, but also his motivation. There are three groups of motives for prosocial behaviors: altruistic, egoistic, social-normative. Describes the motivation of prosocial behaviour among representatives of ethnic groups with different cultural distance.

Key words: prosocial behavior, motivation, responsibility, Azerbaijanis, Byelorussians, Russians.

Одним из главных в психологическом исследовании поведения является вопрос о мотивах, лежащих в его основе. Применительно к просоциальному поведению используется термин «просоциальная мотивация», под которой понимается целостная система побудительных процессов, направленных на благо других людей или общества в целом, обладающих социальными последствиями, классифицируемыми как социально полезные действия [1].

За оказанием помощи могут стоять различные мотивы, которые можно классифицировать в соответствии с их моральной ценностью на альтруистические и эгоистические (Д. Бэтсон, Г. Гинтес, Д. Миллер, Е.Е. Насиновская), а также, мотивы социально-нормативного типа, предполагающие свершение шаблонно-стереотипных актов помощи и обусловленных внешними социальными требованиями и ожиданиями [7]. На данном основании при проведении исследования мы придерживались представления о существовании таких типов просоциальной мотивации, как личностная, предполагающая альтруистическое и эгоистическое оказание помощи, и социально-нормативная.

Рассмотрим проблему просоциального поведения с позиции переживания ответственности его совершения. Под ответственностью в психологии понимается «осуществляемый в различных формах контроль над деятельностью субъекта с точки зрения выполнения им принятых норм и правил» [5]. Ответственность личности перед обществом характеризуется сознательным соблюдением моральных принципов и норм и формируется в процессе совместной деятельности в результате интериоризации социальных ценностей, норм и правил.

Вместе с тем различают внешние формы контроля (подотчетность, наказуемость и т. д.) и внутренние (чувство ответственности, чувство долга) за проявление/непроявление ответственности в деятельности.

На основе различных подходов к рассмотрению сущности феномена ответственности за совершение или несвершение определенных поступков, может различаться и их мотивация. Так, с позиции В.А. Горбачевой, К. Муздыбаева, А.Л. Слободского ответственность – склонность личности придерживаться в своем поведении общепринятых в обществе социальных норм, исполнять ролевые обязанности. В контексте просоциального поведения речь может идти о совершении поступков, руководствуясь выделенными нами социально-нормативными мотивами, основанными на необходимости выполнения общественных требований и предписаний. При понимании ответственности как степени добровольного отклика на социальные проблемы, речь идет о совершении просоциальных поступков руководствуясь сопереживанием нуждающемуся (П.А. Корчемный), в данном случае речь будет идти о выделенных нами альтруистических мотивах просоциального поведения [4].

Очевидно, что данные подходы не являются взаимоисключающими и дополняют друг друга, а выделенная нами классификация мотивов не претендует на статус исчерпывающей.

В нашем исследовании приняли участие 234 студента вузов г. Смоленска в возрасте от 18 до 26 лет, из них: 79 человек – представители этнической группы «азербайджанцы», 70 человек – «белорусы» и 85 человек – «русские». Национальность респондентов устанавливалась путем самоопределения. Выбор в качестве объектов исследования представителей указанных национальностей обусловлен интересом к изучению особенностей проявления просоциального поведения у представителей этносов, как с близкой, так и с более далекой культурной дистанцией.

Анализ данных, отображающих мотивацию просоциального поведения представителей трех исследуемых этносов, позволяет сделать вывод о том, что в той или иной мере в системе мотивации наших испытуемых присутствуют все названные группы мотивов: личностные (как альтруистические, так и эгоистические) и социально-нормативные.

Среди наиболее значимых при оказании помощи для всех респондентов оказались *Мотив бескорыстного оказания помощи*, *Мотив сочувствия*, *Мотив следования норме взаимности (оказание помощи взамен на полученную ранее)* и следование *Мотиву получения помощи в дальнейшем*. Приведенные данные демонстрируют, что ощущение ответственности оказать поддержку нуждающемуся является преимущественным для представителей всех рассматриваемых этносов по сравнению с достижением личных выгод от совершаемых поступков.

Кроме того, были получены статистически значимые различия степени выраженности рассматриваемых нами мотивов между представителями азербайджанского, белорусского и русского этносов.

Так представители азербайджанского этноса указали, что наиболее часто (по сравнению с представителями других рассматриваемых нами этносов) следуют альтруистическому *Мотиву бескорыстной помощи*, эгоистическому *Мотиву получения помощи в подобной ситуации*, и реже всего – эгоистическому *Мотиву получения благодарности*. Указанные особенности объясняются нами присущим азербайджанскому народу коллективизмом, а значит преданностью своей группе, заботе о каждом ее представителе без надежды на вознаграждение – с одной стороны, с другой стороны – выполнение социальных норм в отношении других людей, в надежде выполнения этих норм в отношении себя [2]. Более частое, по сравнению с остальными, оказание помощи азербайджанцами, побуждаемое *Мотивом оказания помощи следуя религиозным убеждениям (нормам)*, может быть связано повышающимся в последнее время среди молодежи кавказских народов уровнем религиозности [6].

Для представителей белорусского этноса (по сравнению с представителями азербайджанского и русского) наиболее значимым оказалось следование эгоистическим *Мотивам повышения своей оценки в глазах окружающих и устранения душевного дискомфорта*, что отражает совершение просоциальных поступков респондентами не только из ощущения своей ответственности сделать это, но и желание реализовать свои интересы. Наиболее частое, по сравнению с другими исследуемыми, следование белорусами социально-нормативному *Мотиву выполнения нормы взаимности (оказания помощи взамен на полученную ранее)* может свойственным для белорусского общества коллективизмом, следованием традициям совместного выживания, взаимопомощи [3].

По сравнению с представителями азербайджанского и белорусского этносов, более значимым для русских оказалось следование *Мотиву получения благодарности* за оказанную помощь. Принимая во внимание теорию разумного альтруизма/эгоизма при изучении просоциального поведения, можно сделать вывод о том, что эгоизм может служить интересам общества, если человек преследует в поступках свои интересы, но понимает их «разумно». Сохраняя эгоистическую основу поведения, человек должен учитывать интересы других индивидов, совершать поступки, направленные к общей пользе.

Приведенные данные демонстрируют, что совершение просоциальных поступков во многом обусловлено склонностью личности придерживаться в своем поведении общепринятых в обществе социальных норм либо добровольным откликом на социальные проблемы, то есть ощущением своей ответственности оказать нуждающемуся помощь. Вместе с тем имеет место быть просоциальное поведение, имеющее под собой основу в виде удовлетворения собственных интересов, получения выгоды.

Этнические особенности просоциального поведения обусловлены доминирующими для представителей рассматриваемых этносов ценностями: коллективистскими, где интересы всего общества или группы, членом которой является индивид важнее, чем его собственные интересы; и индивидуалистическими, с преимущественной ценностью интересов отдельного человека.

1. *Брессо Т.И.* Социокультурные детерминанты просоциальной мотивации студентов социально-экономических профессий: дис. ... канд. психол. наук. – М., 2013. – 172 с.

2. *Керимов Э.* Этнопсихологический портрет азербайджанцев // *Археолог. Журнал археолога.* – URL: <http://arxeoloq.az/?p=843>.

3. *Кириенко В.В.* Менталитет современных белорусов: монография. – Гомель: ГГТУ им. П.О. Сухого, 2005. – 225 с.

4. *Корчемный П.А.* Военная психологи: учебник для студентов вузов / под общ. ред. д-ра психол. наук, проф. Е.Б. Перельгина. – М.: Изд-во ОВЛ, 2005. – 320 с.

5. Краткий психологический словарь / сост. Л.А. Карпенко; под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. – М.: Политиздат, 1985. – 431 с.

6. Народы Дагестана / отв. ред. С.А. Арутюнов, А.И. Османов, Г.А. Сергеева. – М.: Наука, 2002. – 588 с.

7. *Насиновская Е.Е.* Альтруистический императив // *Современная психология мотивации* / под ред. Д.А. Леонтьева. – М.: Смысл, 2002. – С. 152–171.

ОТВЕТСТВЕННОЕ ПОВЕДЕНИЕ И ЛОКУС КОНТРОЛЯ РОДИТЕЛЕЙ ПОДРОСТКОВ КАК ФАКТОР РЕАЛИЗАЦИИ ИМИ СТИЛЯ ДЕТСКО-РОДИТЕЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ

А.В. Колодина

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

Представлены результаты исследования характеристик ответственного поведения и локуса контроля родителей подростков, а также стилей детско-родительских отношений в их семьях. Исследование позволило установить, что ответственное отношение родителей к трудностям и обещаниям родителей, высокий уровень их интернальности определяют эмоциональную близость и принятие в детско-родительских отношениях с подростками.

Ключевые слова: ответственность, локус контроля, детско-родительские отношения, подростки.

RESPONSIBLE BEHAVIOR AND LOCUS OF CONTROL OF ADOLESCENT PARENTS AS THE FACTOR OF REALIZATION OF THEIR STYLE OF PARENT-CHILD RELATIONSHIPS

A.V. Kolodina

Dostoyevsky Omsk state University

This article presents the results of a study of the characteristics of responsible behavior and locus of control of teenager parents, as well as styles of parent-child relationship in their families. The study has allowed to establish that the responsible attitude of parents to the challenges and promises parents a high level of internality have defined emotional intimacy and acceptance in parent-child relationships with adolescents.

Key words: responsibility, locus of control, parent-child relations, adolescents.

Семья – это одна из значимых сфер жизнедеятельности личности, в которой зарождаются её ценности и усваиваются модели поведения. Роль родителя требует от человека личностной зрелости, способности брать ответственность за свои поступки, слова, взаимоотношения. В частности, Ю.С. Захарова указывает на то, что важнейшим компонентом готовности к родительству является «готовность принять на себя ответственность за жизнь и благополучие другого человека (ребенка), а также сформированность всех сторон личности, предполагающих выполнение возложенных обязанностей и принятых обязательств» [4, с. 5].

Анализ категории «ответственность» представлен в философских, социальных и психологических науках: в этических концепциях (Ж. Пиаже, Л. Колберг), в контексте изучения локуса контроля (Дж. Роттер, Дж. Атkinson, Д. Мак-Клелланд, Х. Уиткин), психолого-педагогическом аспекте (К.А. Климова, Л.С. Славина, В.А. Горбачева), социально-психологическом ракурсе (В.С. Агеев, К. Муздыбаев, Т.Н. Сидорова) и ролевом подходе (Н. Головкин, А.Ф. Плахотный, С.Ф. Анисимов), а также в контексте жизнедеятельности личности (Ш. Бюлер, С.Л. Рубинштейн, К.А. Абульханова, Л.И. Дементий). В настоящем исследовании, в качестве рабочего определения, нами было использовано определение ответственности Л.И. Дементий, которая характеризует ответственность как «свойство личности как субъекта жизнедеятельности, проявляющееся в ее способности соотносить необходимое и желаемое социально требуемым и личностно-оптимальным способом» [2, с. 12].

Следовательно, ответственность является процессом осознания человеком своей способности выступать причиной изменений в окружающем мире и в собственной жизни, а также сознательным управлением этой способностью. Умение сознательно выстраивать собственную жизнь и прогнозировать последствия тех или иных действий является залогом успешного осуществления человеком всех социальных функций, в том числе, и родительских.

Ж. Пиаже в своих трудах разделяет ответственность на внешнюю и внутреннюю. К первой он относит требования окружающего социального мира, которые выступают для человека в качестве долга. Автор отмечает, что внешняя ответственность является первичной в процессе формирования личности ребенка. При этом она и в дальнейшем никуда не исчезает, продолжая регулировать поведение уже взрослых людей [3].

Однако для того, чтобы требования жизни не воспринимались как навязанные, не вызвали внутреннего сопротивления при их исполнении, важна добровольность в принятии этих требований, а значит субъективная активность по отношению к должному – субъективная ответственность. Такая ответственность предполагает, что человек оценивает внешние требования, соотносит их со своими ресурсами и только после этого принимает решение о принятии ответственности. Согласно нашим представлениям, именно по наличию развитой внутренней ответственности можно судить о степени готовности супругов брать на себя родительские обязанности [2].

Л.И. Дементий выделяет следующие условия оптимального взаимодействия личности с действительностью на личностном и социальном уровнях: во-первых, ситуация свободного выбора (личность сама соотносит желаемое и необходимое); во-вторых, личностные предпосылки для реализации ответственности, активности (личность вырабатывает собственное личностное обеспечение жизнедеятельности и определяет ее индивидуальный контур) [2].

Отечественные и зарубежные исследователи семьи признают, что ответственность необходима на всех этапах семейных отношений: создания семьи, построения взаимодействий в процессе семейной жизни, при рождении и воспитании ребенка, и даже, при разводе. К. Вишек, анализируя причины супружеской неверности и разрушения семьи, называет в качестве одной из них безответственность личности. И, напротив, при выделении типа личности, который является благоприятным для развития отношений, в ряду важнейших его качеств подчеркивается именно наличие ответственности и обязательности [10].

Л.И. Дементий особо подчеркивает роль ответственности при воспитании ребенка. Согласно ее точке зрения, ответственность родителя должна проявляться не только в процессе самого воспитания, но и при его зачатии и рождении. «Безответственное отношение к будущему или родившемуся ребенку, – пишет автор, – однозначно отрицательно сказывается на его развитии» [2, с. 200]. От уровня ответственности супругов зависит также и уровень их конфликтности. В семьях с оптимальным типом ответственности уровень конфликтности снижен и конфликты носят в большинстве случаев конструктивный характер, преобладает высокая удовлетворенность браком и гармоничное распределение ролей [1; 2].

Э.Г. Эйдемиллер, при изучении специфики детско-родительских отношений в семьях, уделял особое внимание проблеме локуса контроля родителей и его влияния на детско-родительскую сферу [11].

Согласно определению Дж. Роттер, локус контроля – это «личностная характеристика, отражающая предрасположенность и склонность индивида атрибутировать ответственность за успехи и неудачи своей активности либо внешним обстоятельствам» [8, с. 3]. В результате проведенных им исследований, исследований было установлено, что интернальность и экстернальность являются устойчивыми свойствами личности, слабо поддающимися коррективке, несмотря на то, что окончательно они формируются в процессе социализации [8].

Э.Г. Эйдемиллер при изучении локуса контроля родителей, установил, что интерналы при равных условиях более эффективно справляются с трудностями, нежели экстерналы. В случае интернального локуса контроля родители верят, что от их усилий зависит дальнейшая жизнь ребенка, они стараются понимать ее и направлять. Семья с экстернальным локусом контроля напротив «плывет по течению» [11]. Позитивную роль интернальности при построении семейных отношений отмечает также А.С. Спиваковская: по ее мнению, интернальный локус контроля является одним из законов гармонии супружеских отношений. Она указывает, что принятие на себя ответственности супругами выполняет функцию упорядочивания форм поведения в семье, а также противостоит импульсивным эмоциональным отношениям [9].

Следовательно, категория ответственности и локуса контроля супругов выступают в качестве одних из центральных для понимания особенностей реализации детско-родительских и супружеских отношений. В настоящей работе мы базировались на определении детско-родительских отношений И.М. Марковской, которая трактует их как «наиболее характерные способы отношений родителей к ребенку, применяющих определенные средства и методы педагогического воздействия, которые выражаются в своеобразной манере словесного обращения и взаимодействия» [6, с. 94]. Фокус нашего исследовательского интереса был сосредоточен на изучении стиля детско-родительских отношений в семьях подростков, в виду того, что воспитание подростка является довольно не простым этапом в жизнедеятельности любой семьи, родителю требуется большое количества терпения, мудрости и ответственности, чтобы совладать со своими эмоциями, протестами ребенка и конфликтами. Именно в данный период, с нашей точки зрения, активно проявляют себя такие личностные качества родителя как ответственность и локус контроля, предопределяя стратегии и стили его взаимодействия со своим ребенком-подростком.

Представленное исследование было направлено на изучении специфики ответственного поведения родителей и их локуса контроля, а также их связи с реализуемым стилем детско-родительских взаимоотношений с подростками.

Эмпирические задачи исследования включали: анализ типов детско-родительских отношений в семьях подростков; изучение характеристик ответственного поведения и локуса контроля родителей; определение связи характеристик ответственного поведения и локуса контроля родителей с реализуемым ими стилем детско-родительских отношений.

В исследовании приняли участие 72 родителя подростков в возрасте от 33 до 42 лет, в выборку были включены матери и отцы, поскольку в исследовательские задачи не входил учет гендерного контекста, результаты родителей обрабатывались совместно. Возраст детей обследуемых родителей составил от 12 до 15 лет (6–9 класс, подростковый возраст, согласно периодизации Д.Б. Эльконина [12]).

Для решения исследовательских задач был применен метод тестирования с использованием следующего диагностического инструментария: опросник для изучения взаимодействия родителей с детьми И.П. Марковской (методика ВРР) [6]; методика «Исследование локуса контроля личности» Е.Г. Ксенофонтовой [5]; опросник «Ответственное поведение» Л.И. Деметий [3]. Для обработки полученных данных использовались первичные описательные статистики, частотный и множественный регрессионный анализ [7].

Результаты исследования: При изучении стилей детско-родительских отношений в семьях подростков, мы установили, что ведущими компонентами во взаимодействии родителей с подростками являются «удовлетворенность отношениями с ребенком», «контроль», «принятие» и «последовательность». Самый низкий балл выявлен по показателю «строгости» в воспитании. Выявленные показатели свидетельствуют о том, что родители положительно оценивают своего ребенка, не отмечают каких-либо серьезных проблем во взаимодействии и считают, что их отношения с детьми складываются благополучно.

Признавая формирующуюся самостоятельность подростков и развитие у них чувства взрослости, родители, тем не менее, стремятся контролировать своих детей, поскольку полагают, что им еще необходимы поддержка и руководство с их стороны. Вместе с тем контроль не сопряжен со строгостью и насилием. Несмотря на все сложности и противоречия подросткового возраста, родители принимают детей такими, какие они есть, со всеми их проблемами, внутренними и внешними конфликтами и недостатками. Это еще раз указывает на то, что контроль с их стороны носит форму опеки, а не установления собственного доминирования. Воспитательные стратегии носят последовательный характер, что способствует пониманию и определенности во взаимоотношениях.

При изучении локуса контроля родителей мы установили, что родителям свойственна интернальность в семейных отношениях, суждениях о жизни и в сфере неудач, при этом, общий уровень интернальности соответствует средним значениям. Таким образом, родители подростков полагают, что в разных ситуациях решающее значение может сыграть и их собственный выбор, решение, действие, однако они не могут контролировать все. В целом, такая позиция родителей указывает на их личностную зрелость, поскольку избегания ответственности и отрицания активности не выявлено.

На следующем этапе исследования, мы изучили компоненты ответственного поведения родителей подростков. Наиболее выраженными шкалами у родителей подростков являются «отношение к тому, за что человек должен нести ответственность» и «ответственное отношение к последствиям своих поступков», что указывает на то, что они считают себя ответственными не только перед собой, но и перед другими людьми. Следовательно, анализируя последствия своих действий, учитывают не только то, как они повлияли на личные интересы, но и то, как они сказались на других. Вполне возможно, что ответственность играет определенную роль в стремлении контролировать поведение своих детей-подростков, поскольку они считают, что если своими поступками подростки причинят неудобства или навредят окружающим, ответственны за это будут сами родители. Родители спокойно относятся к необходимости выполнения ответственных заданий, и вполне возможно, что именно контроль над происходящим, который реализуется, в том числе, и во взаимодействии со своими детьми, помогает им сохранять эмоциональную устойчивость.

В результате проведенного множественного регрессионного анализа, было установлено, что «эмоциональная близость» и «принятие» родителей при взаимоотношениях с подростками определяется высоким уровнем «общей интернальности» родителей ($B = 0,31$ при $p \leq 0,01$), их «ответственное отношение к трудностям» ($B = 0,26$ при $p \leq 0,01$) и «ответственное отношение к обещаниям» ($B = 0,13$ при $p \leq 0,05$). Следовательно, чем осознаннее, осмысленнее и ответственнее родители подходят к организации взаимодействия и воспитанию своих детей, формулируют последовательные требования к детям, принимают их внутренний мир, потребности, желания и интересы, выстраивают воспитательные стратегии с учетом индивидуальности своего ребенка, стремятся осознавать проблемы и трудности, возникающие при взаимодействии с ребенком, тем выше уровень взаимопринятия, уважения, понимания, авторитета родителя в детско-родительских отношениях с подростком.

1. Дементий Л.И. Ответственность в семейных отношениях // Актуальные проблемы психологии: сб. науч. тр. – Омск, 2000. – С. 197–202.

2. Дементий Л.И. Ответственность как ресурс личности: монография. – М.: Информ-Знание, 2005. – 188 с.

3. Дементий Л.И. Ответственность: типология и личностные основания. – Омск: ОмГУ, 2001. – 192 с.

4. Захарова Ю.С. Психологическая готовность к отцовству мужчин в период ранней взрослости. – М., 2004.

5. *Ксенофонтова Е.Г.* Исследование локализации контроля личности – новая версия методики «Уровень субъективного контроля» // Психол. журн. – 1999. – Т. 20. – № 2. – С. 103–114.
6. *Марковская И.М.* Опросник для изучения взаимодействия родителей с детьми // Семейная психология и семейная терапия. – 1999. – № 2. – С. 94–108.
7. *Наследов А.Д.* Математические методы психологического исследования. – СПб.: Речь, 2006. – 392 с.
8. *Роттер Дж.* Теория межличностных отношений и когнитивные теории личности. – М.: Прайм-Еврознак, 2007. – 128 с.
9. *Стиваковская А.С.* Психотерапия: игра, детство, семья. – М.: ООО Апрель Пресс; ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2000. – Т. 2. – С. 398–437.
10. *Хьелл Л., Зиглер Д.* Теории личности. – СПб.: Питер, 2003. – 608 с.
11. *Эйдемиллер Э.Г., Юцискис В.В.* Психология и психотерапия семьи. – СПб.: Питер, 1999. – 394 с.
12. *Эльконин Д.Б.* Избранные психологические труды. – М.: Педагогика, 1989. – 560 с.

ВЗАИМОСВЯЗЬ САМОКОНТРОЛЯ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ ЛИЧНОСТИ

В.Е. Купченко, Е.В. Анфарович

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

В статье эмпирически доказано, чем выше уровень самоконтроля, тем выше общая выраженность психологического благополучия. Данное умозаключение справедливо и для компонентов психологического благополучия таких, как управление средой, личностный рост, самопринятие, цели в жизни, автономия.

Ключевые слова: психологическое благополучие; компоненты благополучия; самодетерминация; самоконтроль.

RELATIONSHIP SELF-CONTROL AND PSYCHOLOGICAL WELL-BEING PERSON

V.E. Kupchenko, E.V. Anfarovich

Dostoevsky Omsk State University

Article provides empirical evidence of the level of self-control relationship and the overall severity of psychological well-being. This conclusion holds for the components of psychological well-being, such as the management of the environment, personal growth, self-acceptance, purpose in life, autonomy.

Key words: psychological well-being; components of well-being; Self-determination; self-control.

Изучение психологического благополучия на сегодняшний день является одним из самых актуальных и перспективных направлений исследовательской работы в области психологии. Об этом свидетельствует большое количество научных публикаций в психологических журналах за последние три года, открытие научных кружков, проведение конференций и круглых столов, посвященных проблеме благополучия личности. Для успешного функционирования социальных институтов необходимо, чтобы каждый человек максимально полно реализовал свои возможности, внес полноценный вклад в общее дело.

Традиционно выделяются два подхода к изучению благополучия личности: гедонистический (Н.М. Брэдберн, Э. Динер, М. Селиган, Э. Галлоун, Р. Каммингс, М. Аргайл и др.) и эвдемонистический (Э.Л. Деси, Р.М. Райан, А.С. Ватерман, О.Ф. Симсэк). В рамках гедонистического направления психологическое благополучие рассматривается с позиции удовлетворенности-неудовлетворенности личностью собственной жизнью. В эвдемонистическом подходе психологическое благополучие ставится в зависимость от полноты реализации личностью собственного потенциала (самодетерминация, самоактуализация).

В настоящем исследовании мы рассматриваем психологическое благополучие с точки зрения эвдемонистического подхода, полагая, что «люди, действительно субъективно счастливее, когда они вовлечены в полное смысла самовыражение» (цит. по: [2, с. 4]). Здесь ключевая роль отводится самореализации, самодетерминации личности. Самодетерминация это самоуправление на уровне собственной личности, её целей и смыслов, идущее от самой личности, в основе которого находятся собственные нормы и ценности.

В процессе нашего исследования мы реализовывали следующую цель: выявить взаимосвязь уровня самоконтроля и выраженности общего показателя психологического благополучия и его компонентов у лиц в возрасте от 30 до 55 лет. В исследовании тестировалась гипотеза о том, чем выше уровень самоконтроля, тем выше общий показатель психологического благополучия у лиц в период средней зрелости.

В исследовании приняли участие 45 человек в возрасте от 30 до 55 лет, реализующие трудовую деятельность (юристы, педагоги, преподаватели, няни, бухгалтера, инженеры, программисты). Для проведения исследования осуществлялась диагностика волевого самоконтроля с помощью методики волевого субъективного контроля А.Г. Зверкова и Е.В. Эйдмана [1]. Психологическое благополучие изучалось при помощи шкалы психологического благополучия К. Рифф в адаптации Т.Д. Шевеленковой и П.П. Фесенко [3].

Анализ полученных результатов показывает, что 62 % исследуемых обладают средним уровнем волевой саморегуляции, 9 % – низким, 29 % – высоким. Данные психологического благополучия распределены следующим образом: средний уровень психологического благополучия имеют 60 % исследуемых, 20 % оценивают свое психологическое благополучие на низком уровне, другие 20 % – на высоком.

С целью установления наличия либо отсутствия взаимосвязи между общим уровнем самоконтроля и выраженностью общего показателя психологического благополучия мы использовали параметрический метод линейной корреляции Пирсона.

Можно отметить, что все корреляции положительные (прямые): при увеличении одной переменной соответственно возрастает значение другой переменной. Более высокую взаимосвязь уровень самоконтроля имеет с управлением средой ($r = 0,489$ при $p \leq 0,01$) и личностным ростом ($r = 0,460$ при $p \leq 0,01$), чуть меньшую с самопринятием ($r = 0,446$ при $p \leq 0,01$) и целями в жизни ($r = 0,445$ при $p \leq 0,01$). С автономией уровень самоконтроля имеет наименьшую связь ($r = 0,368$ при $p \leq 0,05$).

Управление средой включает в себя способность справляться с повседневными делами и обстоятельствами. Чем выше уровень самоконтроля (волевой саморегуляции), тем человек лучше способен организовать собственную деятельность, распределяя усилия в соответствии с приоритетными делами. Личностный рост означает саморазвитие и реализацию своего потенциала. Высокий уровень самоконтроля подразумевает, прежде всего, активность, независимость и самостоятельность, без которых невозможно представить максимально полную реализацию человеком своих ресурсов.

Самопринятие говорит нам о позитивном отношении к себе, признании и принятии собственной личности целиком, включая как хорошие, так и плохие качества. Такие показатели самоконтроля как спокойствие, уверенность в себе, реалистичность взглядов помогают человеку в формировании адекватного представления о себе (самооценка) и своих возможностях (уровень притязаний), что позволяет сблизить «Я-идеальное» и «Я-реальное», безусловно принять себя таким, какой я есть.

Высокие значения по шкале «Цели в жизни» свидетельствуют о наличии чувства осмысленности жизни, присутствии убеждений, придающих смысл жизни. Для того чтобы к чему-то стремиться человек должен обладать достаточным уровнем мотивации и рефлексии, только проанализировав свои потребности и ресурсы, возможно поставить перед собой значимые цели, достигая которые приобретает чувство направленности, осмысленности, ощущение что все сделанное не зря и имеет жизненный смысл.

По итогам исследования выявлено, что самоконтроль также взаимосвязан с автономией личности. Здесь такие показатели самоконтроля как эмоциональная зрелость, активность, самостоятельность, уверенность в себе позволяют человеку быть независимым, способным противостоять социальному давлению в своих мыслях и поступках.

Эмпирически установлено, что самообладание имеет умеренную взаимосвязь со всеми вышеуказанными компонентами психологического благополучия на уровне средней статистической значимости и не коррелирует с автономией. Полученные данные можно объяснить тем, что самообладание дает ощущение внутреннего спокойствия, уверенности в себе, повышает готовность к восприятию нового, неожиданного. Чем выше способность человека владеть собой в различных ситуациях, чем более он эмоционально устойчив и менее подвержен импульсивному поведению, тем выше его возможности в самоорганизации. Это в свою очередь позволяет улаживать дела и повседневные заботы, оставляя время и ресурсы для развития собственной личности, приобретения новых навыков и совершенствования основных. Когда человек свободен от уже выполненных обязанностей, он вправе выбирать, есть время задуматься, осознать, увидеть свои цели и перспективы.

Настойчивость же говорит нам о деятельности, работоспособности, стремлении к достижению поставленных целей. Таким образом, можно предположить, что самообладание своего рода предиктор психологического благополучия, а настойчивость непосредственно обеспечивает выполнение намеченного, поддержание и сохранение благополучия, помогая довести начатое до конца и достичь желаемого, что дает нам возможность чувствовать себя счастливее.

1. Зверков А.Г., Эйдман Е.В. Исследование волевой саморегуляции. Психологические методики изучения личности: практикум. – М.: Ось-89, 2007. – С. 100–106.

2. Руцак Е.А., Мясникова С.В. Копинг-стратегии как ресурсы психологического благополучия сотрудников организаций малого бизнеса // Петербургский психологический журнал. – 2014. – № 6. – С. 1–18.

3. Шевеленкова Т.Д., Фесенко П.П. Психологическое благополучие личности (обзор основных концепций и методика исследования) // Психологическая диагностика. – 2005. – № 3. – С. 95–122.

ЦЕННОСТИ И АТРИБУТИВНЫЙ СТИЛЬ ЛИЦ, СОВЕРШИВШИХ НАСИЛЬСТВЕННЫЕ И КОРЫСТНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Н.В. Лейфрид, А.А. Гаркина

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

Представлены результаты исследования ценностей и атрибутивного стиля лиц, совершивших преступления. Проводится анализ особенностей данных конструкторов у насильственного и корыстного типов. Акцентируется внимание на доминирующих ценностях и атрибутивном стиле.

Ключевые слова: ценности, атрибутивный стиль, личность преступника.

VALUES AND ATTRIBUTIVE STYLE OF THE PERSONS WHICH MADE VIOLENT AND CRIMES FOR PROFIT

N.V. Leyfrid, A.A. Garcina

Dostoevsky Omsk State University

The article presents the results of the study of values and attributive style criminals. The analysis of features and attribute values style from a violent and selfish types. Attention is drawn to the dominant values and attribute style.

Key words: values, the attribute style, the offender.

Изучение личностных особенностей лиц, совершивших преступления, имеют давнюю историю. Начиная с XVIII в., выявление специфических личностных характеристик стало одним из приоритетных направлений исследований в криминальной психологии. В настоящее время в рамках пенитенциарной системы подобного рода исследования решают задачу ресоциализации осужденных и адаптации их к условиям жизни после освобождения. Анализ ценностей, понимание их иерархии в сознании лиц, совершивших преступления, совместно с преобладающим атрибутивным стилем позволит не только эффективно выстраивать программу ресоциализации, но и реализовывать психокоррекционную работу.

Раскрытие личностных механизмов совершения преступления является актуальным еще и потому, что преступление – это явление, которое имеет прошлое и будущее. Это «вечное, изменчивое, исторически обусловленное, массовое, социальное и правовое явление» [1].

Одной из личностных особенностей, определяющих эффективность работы пенитенциарной системы, являются ценности осужденных. Именно они поддерживают постоянство направленности личности через сформированное мировоззрение, образ мира, определяют поступки и детерминируют целеполагание человека. Ш. Шварц под ценностями понимал «познанные» потребности, непосредственно зависящие от культуры, среды, менталитета конкретного общества [2]. В местах лишения свободы осужденные находятся в специфичной микросреде, прямо определяющей их мировоззрение и ценности.

Ш. Шварц характеризует ценности по шести параметрам:

1. ценности – это мнения и убеждения, взаимодействующие с эмоциями; при активизации ценности соединяются с чувствами;
2. ценности обозначают желаемые человеком цели, которые мотивируют его действия;

3. ценности не сводятся к определенным действиям и ситуациям;
4. ценности выступают в качестве стандартов; они руководят выбором или оценкой действий, событий, людей, включая самого человека;
5. ценности иерархичны, имеют относительно стабильную и упорядоченную систему приоритетов;
6. относительная значимость разнообразных ценностей руководит действиями человека [2].

Эти характеристики обозначают актуальность изучения данного конструкта у осужденных насильственного и корыстного типов.

Многочисленные исследования показывали преобладание духовности в системе ценностей лиц, совершивших преступления, поэтому знание преобладающих ценностей совместно с атрибутивным стилем, позволит определить приоритетные направления работы с ними в пенитенциарной системе.

Атрибутивный стиль, являясь способом объяснения самому себе причин, происходящих с человеком, неудач и успехов, оказывает непосредственное влияние на рецидивную преступность и осознание собственных противоправных действий. Одна из главных проблем пенитенциарной системы – это отсутствие осознания собственной вины осужденными на лишение свободы. Поэтому целью нашего исследования стало выявление взаимосвязи между ценностными ориентациями и атрибутивным стилем личности осужденного.

Актуальность исследования обусловлена еще и тем, что по данным Министерства Внутренних дел Российской Федерации в период январь – май 2015 г., зарегистрировано 924,1 тыс. преступлений. Почти половину всех преступлений составляют хищения чужого имущества, совершенные путем: кражи 367,3 тыс., грабежа – 28,6 тыс., разбоя – 5,5 тыс. В результате преступных посягательств погибло 13,9 тыс. человек, здоровью 20,8 тыс. человек причинен тяжкий вред. Эта картина усугубляется изменением самого типа преступника, совершающего насильственные преступления. Его характерными чертами является: резкость, грубость, жестокость, расчетливость и безжалостность.

Выборку составили осужденные, находящиеся в лечебно-исправительном учреждении № 10 г. Омска. Всего 60 респондентов.

В качестве диагностического инструментария нами были использованы: ценностный опросник Ш.Шварца и ТАС (тест атрибутивных стилей) Л.М. Рудина.

Проведенное исследование показало, что для насильственных преступников на уровне нормативных идеалов преобладающими ценностями выступают самостоятельность ($M = 5,8 \pm 0,6$), власть ($M = 4,7 \pm 0,4$), гедонизм ($M = 4,7 \pm 0,5$), а на уровне индивидуальных приоритетов власть ($M = 6,8 \pm 1,1$), стимуляция ($M = 5,5 \pm 0,9$), гедонизм ($M = 5,4 \pm 0,7$).

Таким образом, как на уровне нормативных идеалов, так и индивидуальных приоритетов власть и гедонизм выступают значимыми позициями для осужденных насильственного типа. Центральной целью данных ценностей является достижение статуса или престижа, контроля или доминирования над людьми и средствами (что часто достигается за счет проявления физической агрессии и враждебности по отношению к другим), а также наслаждение жизнью.

Для корыстного типа характерно доминирование в структуре ценностей власти ($M = 6 \pm 0,8$), стимуляции ($M = 5,86 \pm 0,4$), гедонизма ($M = 5,6 \pm 1,1$) на уровне нормативных идеалов, а на уровне индивидуальных приоритетов власти ($M = 6,1 \pm 0,54$), стимуляции ($M = 5,9 \pm 0,7$), гедонизма ($M = 4,96 \pm 0,35$).

Несмотря на преобладание одинаковых ценностей у осужденных насильственного и корыстного типов, статистически достоверные различия были получены по таким позициям: доброта ($T = 3,039$, $p \leq 0,05$), традиции ($T = 9,764$, $p \leq 0,01$), конформность ($T = 2,123$, $p \leq 0,05$),

безопасность ($T = 3,678$, $p \leq 0,01$). Эти ценности более характерны для корыстного типа. Стоит отметить рецидивность подобного рода преступлений.

В качестве основного атрибутивного стиля осужденных двух типов выступил пессимистический атрибутивный стиль. Пессимистический атрибутивный стиль предполагает, что субъект приписывает себе причины неприятных событий, видит их глобальными, т.е. имеющими воздействия на все сферы жизни и стабильными. Такой результат вполне закономерен, так как в лечебно-исправительном учреждении находятся осужденные больные туберкулезом разных стадий.

Таким образом, проведенное исследование позволило рассмотреть особенности ценностей и атрибутивного стиля осужденных за насильственные и корыстные преступления. Полученные результаты могут стать отправной точкой для последующих исследований в рамках данной проблематики, основой для создания профилактических и коррекционных программ в рамках пенитенциарной системы.

1. *Антоян Ю.М.* Психология убийства. – М.: Юристъ, 1997.

2. *Карандашев В.Н.* Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство. – СПб.: Речь, 2004.

ФОРМИРОВАНИЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ СТУДЕНТА КАК УМЕНИЯ КООПЕРАТИВНОЙ РЕФЛЕКСИИ

Т.Ф. Ушева

Иркутский государственный университет

Описаны результаты лонгитюдного исследования формирования ответственности студентов через кооперативную рефлекссию. Показана зависимость формирования ответственности студента от сформированности умения удерживать коллективную задачу и самоопределения. Дана характеристика коллективных учебных занятиях в высшей школе.

Ключевые слова: студент, ответственность, рефлексия, рефлексивный подход, коллективные учебные занятия.

FORMATION OF STUDENTS RESPONSIBILITY AS A SKILL OF COOPERATIVE REFLECTION

T.F. Usheva

Irkutsk State University

The article describes the results of the longitudinal research in the formation of students' responsibility through cooperative reflection. It is claimed that the formation of students' responsibility depends on the ability to retain collaborative aim and on self-determination. The characteristics of group lessons in the higher school is provided.

Key words: student, responsibility, reflection, reflective approach, group lessons.

Проблема ответственности достаточно много исследовалась и исследуется наукой, в том числе и психолого-педагогической. Однако, вопрос об ответственности через умения кооперативной рефлексии с точки зрения, как теории психологии и педагогики, так и практики образования, по-видимому, требует дальнейших исследований и разработок.

Рефлексия понимается как интегральный психический процесс, который проявляется в способности размышлять над содержанием сознания другого человека и размышлять над содержанием собственного сознания, хода и результата собственной деятельности.

Рефлексия, на наш взгляд, становится важнейшим, определяющим звеном между концептуальным знанием и личным опытом человека. Для учащегося это качество необходимо для применения общих знаний в конкретных ситуациях своей практической действительности [2-3]. Без рефлексивной проработки теоретические знания, из которых складываются концептуальные представления, как бы «рассыпаются» в сознании, а это не позволяет им стать непосредственным руководством к действию. Рефлексия в деятельности – это процесс мысленного – предваряющего или ретроспективного – анализа какой-либо проблемы, затруднения или успеха, в результате которого возникает осмысление сущности проблемы или затруднения, рождаются новые перспективы их разрешения [1].

Мы воспользовались исследованиями Г.П. Щедровицкого для понимания аспектов рефлексии [10]. Он выделяет следующие формы осуществления рефлексии: коллективную – кооперативную и коммуникативную и индивидуальную – личностную и интеллектуальную. На их основании мы определили рефлексивные умения, необходимые каждому человеку для

реализации практической деятельности, в данном случае нас интересуют только кооперативные. К ним относятся: самоопределение в рабочей ситуации, умение удерживать коллективную задачу, умение принимать ответственность за происходящее в группе, умение осуществлять пошаговую организацию деятельности, умение соотносить результаты с целью деятельности.

Рефлексивные умения помогают студентам понять свою уникальность, индивидуальность и предназначение, которые проявляются через анализ его предметной деятельности. «Если физические органы чувств для человека – источник его внешнего опыта, то рефлексия – источник опыта внутреннего, способ самопознания, необходимый инструмент мышления» [10].

Таким образом, сформированные рефлексивные умения обучающихся позволяют им самостоятельно сформулировать цели и результаты дальнейшей работы, скорректировать свой образовательный путь, а это в свою очередь делает их ответственными и успешными в учебной деятельности. Необходимо подчеркнуть, что «позитивное устойчивое самоотношение является важным фактором в формировании самостоятельности, ответственности, способствует взрослению личности» [9]. А ответственность, по мнению И.В. Федосовой, является одной из важных социальных компетенций [8, с. 115].

На два типа разделяет ответственность в своих работах М.И. Старов: ответственность первого типа составляет интеральный локус контроля – это когда личность осознает себя ответственной за все, что с ней происходит в жизнедеятельности, т. е. студент несет полную ответственность за свои слова и поступки, сам отвечает за свои успехи и неудачи в учебе, исходя из собственного внутреннего потенциала, способностей, особенностей темперамента и характера, т. е. проявляется при этом внутренний контроль; ответственность второго типа составляет экстернальный локус контроля, присущий тем студентам, кто считает, что все происходящее с ним в студенческой жизнедеятельности зависит не от него лично, а в большей степени от окружающих его людей (преподавателей, однокурсников, родителей и т. д.) или от внешних условий и обстоятельств, т. е. от социального окружения [6]. Мы в своем исследовании не разделяли ответственность по типу локуса контроля, а смотрели в зависимости от других характеристик кооперативной рефлексии.

В нашем исследовании приняли участие студенты педагогических направлений подготовки трёх вузов: Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева, Иркутского государственного лингвистического университета и Восточно-Сибирской академии образования, обучающиеся по программам «специалитет» и «бакалавриат». Данные программы отличаются по длительности периода и содержанию обучения, что влияет на результат образования в целом, но на формирование ответственности влияют педагогические условия, которые создаются в вузе.

Способ организации учебных занятий был основан на принципах коллективных учебных занятий, их особенности и принципы отвечают основным и необходимым требованиям формирования рефлексивных умений студентов в процессе обучения. «Коллективные учебные занятия характеризуются тремя существенными признаками: обучающиеся реализуют разные цели, изучают разные фрагменты курса, используя разные способы и средства, затрачивая разное время, то есть отсутствует общий фронт; разные ученики осваивают общее содержание курса по разным учебным маршрутам; создаются временные кооперации учащихся как места пересечения их учебных маршрутов» [4, с. 92].

Так, при организации процесса обучения в высшей школе коллективные учебные занятия рассматриваются нами как способ учебного взаимодействия преподавателя и студентов, студентов друг с другом, основное отличие которого от других способов контакта заключается в активности студента. Студент оказывается в педагогической ситуации во время учебного процесса, где ему самому необходимо делать выбор и нести ответственность за него.

Коллективные учебные занятия позволяют студентам участвовать в организации своей учебной (учебно-профессиональной) деятельности: планировать, реализовывать и анализировать [5]. Специально организованная рефлексия позволяет обнаружить недостаток имеющихся знаний и способов действия, а также увидеть и реализовывать имеющиеся ресурсы, которые позволяют качественно осуществлять деятельность.

В исследовании были использованы следующие методы сбора эмпирических данных: авторская методика по выявлению уровня сформированности кооперативной рефлексии, где одним из показателей является ответственность.

Определение уровня развития кооперативной рефлексии проводилось на основании результатов внутреннего и внешнего наблюдения. Внутреннее наблюдение фиксировало самоощущение, а внешнее – деятельностное проявление умений.

Методика диагностики кооперативной рефлексии потребовала сравнения показателей (самоопределение в рабочей ситуации, умение удерживать коллективную задачу, умение принимать ответственность за происходящее в группе, умение осуществлять пошаговую организацию деятельности, умение соотносить результаты с целью деятельности) внешнего и внутреннего наблюдения по срезам, отдельно для каждой группы. Сравнение осуществлялось с помощью критерия взаимосвязи Спирмена, r .

Снижения значений у экспериментальной группы обусловлены самим механизмом становления рефлексии (-0,080). Он «запускается» при столкновении с какими-либо трудностями. У студентов экспериментальной группы на первом этапе эксперимента возникали сложности в самоопределении, они затруднялись с целями деятельности, не могли сформулировать и описать ее результаты. Происходивший процесс проблематизации повлек за собой у студентов экспериментальной группы обнаружение ими собственной учебной некомпетентности на первом этапе эксперимента и профессиональной на втором этапе эксперимента (в процессе учения, обучения и организации учебного процесса), но осмысленный выход из проблематизации позволил им в дальнейшем пользоваться навыками самоанализа и анализа ситуации в целом: видеть позиции участников, четко анализировать цели, соотносить их с результатом, пошагово выполнять действия и нести за них ответственность (по годам обучения: второй год – 0,242; третий год – 0,653; четвертый год – 0,844) [7].

В контрольной группе студенты не демонстрировали умений кооперативной рефлексии. Сложности возникали с проявлением ответственности. Наибольшие трудности возникли, когда студенты стали сами вести занятия в школе во время педагогической практики. Цели и задачи занятий с учащимися ставились при помощи методиста, студенты отказывались принимать ответственность за итоги занятий. Во время рефлексии учебных занятий студенты отказывались от самоанализа, выстраивали психологические защиты, не использовали результаты анализа занятий для планирования следующих занятий.

Для обоснования данного факта мы выполнили двухфакторный анализ по показателям внешнего наблюдения, из которого наглядно виден рост уровня кооперативной рефлексии в экспериментальной группе.

В результате эмпирического исследования были сделаны следующие выводы:

1. Сложно формируется ответственность за происходящее в группе. Нам удалось установить, что только на основе удержания позиции, принятия и удержания коллективной задачи происходит ее становление. Поэтому о сформированности умения нести ответственность можно говорить лишь после того, как сформируются умение удерживать коллективную задачу и самоопределение.

2. Уровень сформированности умения нести ответственность студентов контрольной группы по результатам экспериментального исследования достиг лишь уровня, который был у студентов экспериментальной группы в период обучения на втором курсе. На наш взгляд,

на формирование ответственности у студентов экспериментальной группы на втором и третьем этапах исследования, большое влияние оказали условия планирования и проектирования совместных действий и анализ действий с позиции «учитель» и «метапозиции».

3. У студентов контрольной группы это умение сформировано на достаточном уровне, но не достигает уровня сформированности студентов экспериментальной группы. Это говорит о том, что педагогическая практика задает условия для формирования данного умения, но созданные педагогические условия в ходе данного эксперимента показали эффективность в равномерном его формировании в учебном процессе на высоком уровне.

Так, в целях перспективной разработки проблемы формирования ответственности студентов вуза необходим поиск путей внедрения в образовательный процесс высшей школы практики организации коллективных учебных занятий и специальной психолого-педагогической подготовки профессорско-преподавательского состава по вопросам формирования ответственности студента на основе рефлексии.

1. *Алексеев Н.Г.* Способность к рефлексии как существенный компонент интеллектуальной культуры современного специалиста // Проблемы и методы формирования интеллектуальной культуры специалиста. – Новосибирск, 1984. – С. 100–102.

2. *Бизяева А.А.* Рефлексивные процессы в сознании и деятельности учителя: автореф. дис. ... канд. психол. наук. – СПб., 1993. – 24 с.

3. *Богин В.Г.* Обучение рефлексии как способ формирования творческой личности // Современная дидактика: теория – практике /под ред. И.Я. Лернера, И.К. Журавлева. – М., 1993.

4. *Лебединцев В.Б.* Индивидуальные образовательные программы обучающихся: сущность и пути реализации // Мир образования – образование в мире. – 2013. – № 1. – С. 89–98.

5. *Мкртчян М.А., Ушева Т.Ф.* Основы организации коллективных учебных занятий в высшей школе // Вестник Восточно-Сибирской государственной академии образования. – 2013. – Вып. 11. – С. 50–54.

6. *Старов М.И.* Ответственность как важная психолого-педагогическая составляющая духовно-нравственного развития личности студента // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2011. – № 12-2 (104). – С. 593–596.

7. *Ушева Т.Ф.* Формирование кооперативной рефлексии студентов педагогического вуза // Рефлексивные процессы и управление: сб. матер. VI Международного симпозиума (Москва, 10–12 октября 2007 г.) / под ред. В.Е. Лепского. – М.: «Когито-Центр», 2007. – С. 116–118.

8. *Федосова И.В.* Формирование социально-поведенческой компетентности молодежи в условиях профессионального обучения // Ценности и смыслы. – 2009. – № 3. – С. 111–124.

9. *Чернобровкина С.В.* Личностное взросление современных студентов: специфика и факторы образа и самооценки взрослости // Вестник Омского университета. Серия: Психология. – 2015. – № 2. – С. 24–29.

10. *Щедровицкий Г.П.* Избранные труды. – М.: Школа культурной политики, 1995. – С. 133–138.

ОСОБЕННОСТИ МОТИВАЦИОННО-ЛИЧНОСТНОЙ СФЕРЫ У ЛИЦ С ДЕПРЕССИВНЫМИ РАССТРОЙСТВАМИ

Е.Б. Фанталова, Е.М. Рожков

Московский государственный психолого-педагогический университет

Исследованы особенности мотивационно-личностной сферы у больных с депрессивными расстройствами с сопоставлением со здоровыми лицами. Выявлено, что у депрессивных больных мотивация к достижению успеха оказалась выше, чем у здоровых испытуемых. Мотивация к избеганию неудач в экспериментальной группе имеет высокий уровень. Также у депрессивных больных выявлен низкий уровень эмпатических тенденций. Локус контроля в экспериментальной группе по всем шкалам оказался экстернальным.

Ключевые слова: мотивация, локус контроля, эмпатия, депрессивные расстройства.

FEATURES OF THE MOTIVATIONAL AND PERSONAL SPHERE AT PERSONS WITH DEPRESSIVE DISORDERS

E.B.Fantalova, E.M. Rozhkov

The Moscow State University of Psychology and Education (MSUPE)

Features of the motivational and personal sphere at patients with depressive disorders with comparison to healthy faces are investigated. It is taped that at depressive patients the motivation to achievement of success was higher, than at healthy examinees. The motivation to an avoidance of failures in experimental group has high level. Also at depressive patients low level the empaticeskikh of tendencies is taped. The control locus in experimental group on all scales was eksternalny.

Key words: motivation, control locus, empathy, depressive disorders.

Проблема депрессий занимает на протяжении последних десятилетий значительное место в работах многих зарубежных и отечественных ученых [2]. Депрессивные состояния – одна из важнейших проблем нашего общества. Депрессия в ее различных клинических вариантах признается одной из основных причин снижения трудоспособности. Волевая активность, мотивы и влечения резко снижаются у страдающих депрессией больных. Актуальность исследования мотивационной сферы у больных с депрессиями связана с тем, что меняется их поведение, теряется интерес к тому, что раньше имело значимое место в жизни больного [3; 5]. Нарушение мотивационной сферы является одним из главных признаков депрессии.

Цель настоящей работы – сравнительный анализ особенностей мотивационно-личностной сферы у больных с депрессиями в сопоставлении с контрольной группой лиц.

Работа была выполнена на контингенте больных депрессией (экспериментальная группа), находящихся на стационарном лечении в психиатрической больнице № 13 г. Москвы. Объем экспериментальной группы 20 человек (женщины). Возраст обследуемых – от 37 до 75 лет.

В исследовании принимали участие больные со следующими диагнозами: F21.3. Шизофрения неврозоподобная, депрессивно-ипохондрический синдром; F33.1. Рекуррентное депрессивное расстройство, астенодепрессивный синдром; F33.1 Депрессивный синдром; F25.1 шизоаффективное расстройство, депрессивный тип; F31 Биполярное аффективное расстройство; F32 Реактивная депрессия. В контрольную группу вошли здоровые лица (20 женщин)

аналогичного возраста. Уровень образования в группах – среднее специальное и высшее образование. Общий объем выборки испытуемых – 40 человек.

Гипотезы исследования:

Гипотеза 1: У испытуемых с депрессивными расстройствами уровень мотивации к достижению успеха и уровень мотивации к избеганию неудач будет отличаться от группы здоровых лиц.

Гипотеза 2: У испытуемых с депрессивными расстройствами уровень эмпатических тенденций будет ниже, чем у группы здоровых испытуемых.

Гипотеза 3: Для больных с депрессивными расстройствами в большей мере будет характерна экстернальность локуса контроля по сравнению со здоровыми лицами.

Для проверки выдвинутых гипотез использовались методики [4]:

- 1) Методика диагностики личности на мотивацию к успеху Т. Элерса;
- 2) Методика диагностики личности на мотивацию к избеганию неудач Т. Элерса;
- 3) Опросник для диагностики способности к эмпатии А. Мехрабиана и Н. Эпштейна;
- 4) Методика диагностики уровня субъективного контроля Дж. Роттера (адаптация Е.Ф. Бажина, Е.А. Голынкиной, А.М. Эткинда) [1].

Полученные данные были обработаны при помощи программ IBM SPSS Statistics 20 и MSExcel 2007. Для сравнения двух групп был использован непараметрический критерий Манна-Уитни, с помощью которого можно сравнивать маленькие выборки. Для подсчета корреляций был использован коэффициент корреляции Спирмена, уровень значимости 0,05.

На основании полученных результатов оказалось возможным сделать следующие выводы, часть из которых оказалась достаточно неожиданной в отношении больных депрессией.

1) Первая гипотеза, заключающаяся в том, что у испытуемых с депрессивными расстройствами уровень мотивации к достижению успеха и уровень мотивации к избеганию неудач будет отличаться от группы здоровых лиц, подтвердилась частично. Среднее значение по методике «мотивация к успеху» в группе депрессивных больных оказалось выше, чем в группе здоровых испытуемых, – это умеренно высокий уровень мотивации. Среднее значение по методике «мотивация к избеганию неудач» в экспериментальной группе находится на высоком уровне, корреляционной зависимости между этими параметрами не обнаружено. Такой результат может быть объяснен небольшим объемом выборки испытуемых и высоким возрастным диапазоном. Помимо этого в структуре депрессии у некоторых испытуемых присутствует шизофрения, а также биполярное аффективное расстройство. Также испытуемые экспериментальной группы могли отвечать на вопросы по данной методике в прошедшем времени, поскольку большая часть вопросов в тесте была связана с трудовой деятельностью, а среди испытуемых было немало лиц пенсионного возраста.

2) Вторая гипотеза, заключающаяся в том, что у испытуемых с депрессивными расстройствами уровень эмпатических тенденций будет ниже, чем у группы здоровых испытуемых, не подтвердилась. Уровень эмпатии в обеих группах получился одинаковым, – это низкий уровень. Существенных различий по средним баллам между двумя группами нет. Это может быть связано с тем, что испытуемые контрольной группы в большинстве своем не занимают руководящих должностей, а также не имеют профессий, связанных с общением с людьми (психологи, врачи и т. д.). Также это может быть связано с современной обстановкой мегаполиса, то есть, люди более индивидуализированы и нацелены прежде всего на себя.

3) Третья гипотеза, заключающаяся в том, что для больных с депрессивными расстройствами в большей мере будет характерна экстернальность локуса контроля по сравнению со здоровыми лицами, подтвердилась частично. Высокая экстернальность депрессивных больных по сравнению с группой здоровых лиц подтвердилась по шкалам интернальности в области достижений, а также по шкале интернальности в области неудач. Это может быть свя-

зано с тем, что депрессивные больные в большей степени приписывают свои успехи и неудачи внешним обстоятельствам, случаяю.

4) Согласно полученным результатам по опросникам мотивации между двумя группами испытуемых выявлены следующие различия. По мотивации к достижению успеха имеются достоверные различия между экспериментальной и контрольной группами. Среднее значение в группе депрессивных больных выше, чем в группе здоровых испытуемых, – это умеренно высокий уровень мотивации. Также имеются достоверные различия между выборками по методике «уровень субъективного контроля» по шкале интернальности в области достижений. У испытуемых экспериментальной группы уровень субъективного контроля находится в области экстернальности, в то время как у здоровых испытуемых вектор локуса контроля является интернальным. Также, имеются небольшие различия между группами испытуемых по шкалам интернальности в области неудач, интернальности в области межличностных отношений, общего локуса контроля. В этом случае, у больных с депрессиями уровень субъективного контроля несколько снижен по сравнению с группой здоровых испытуемых. Также имеется неопределенность по критерию Манна-Уитни по шкале интернальности в области неудач между двумя группами, указывающая на практически достоверные различия между группами по этой шкале. Средний показатель контрольной группы выражен ближе к интернальности по сравнению с группой депрессивных больных. В остальном, статистически достоверных различий между двумя группами испытуемых не выявлено.

5) В показателях экспериментальной группы обнаружено две положительных статистически значимых корреляции. Это взаимосвязь между уровнем эмпатии со шкалой интернальности в области достижений и со шкалой интернальности в области неудач. Это указывает на то, что для мотивационно-личностной сферы депрессивных больных возрастание эмпатии напрямую связано с самостоятельностью принятия решения и уверенностью в своих силах как в области достижений, так и в области неудач.

6) В показателях контрольной группы также было обнаружено две положительных статистически значимых корреляции. Это связь между мотивацией к успеху со шкалами интернальности в области неудач в области межличностных отношений. Последнее указывает на то, что мотивация к успеху у здоровых лиц сопряжена с самостоятельностью принятия решения и взятии ответственности на себя при возможных неудачах в текущей жизненной ситуации, а также в межличностных отношениях.

7) Мотивация к успеху в экспериментальной группе имеет умеренно высокий уровень выраженности, в то время как в контрольной – это средний уровень мотивации. В обеих группах отмечается одинаково высокий уровень мотивации к избеганию неудач.

8) В обеих группах обнаруживается низкий уровень эмпатических тенденций. Уровень субъективного контроля в обеих группах испытуемых по большей части носит экстернальный характер. Однако имеются различия уровня субъективного контроля экспериментальной группы по шкале интернальности в области достижений и по шкале интернальности в области межличностных отношений по сравнению с контрольной группой. Уровень субъективного контроля в экспериментальной группе по этим параметрам ниже, чем в контрольной группе, и имеет экстернальный вектор направленности.

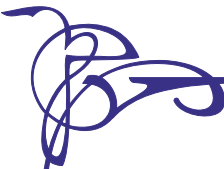
1. Бажин Е.Ф., Голынкина Е.А., Эткин А.М. Метод исследования уровня субъективного контроля // Психологический журнал. – 1984. – Т. 5. – № 3. – С. 152–162.

2. Депрессия: пер. с англ. / под ред. А. Пери, М. Руксталис и др. – М.: Мир, 2000.

3. Маслоу А.Г. Мотивация и личность. – СПб.: Евразия, 1999. – 478 с.

4. Райгородский Д.Я. Практическая психодиагностика. Методики и тесты: учебное пособие. – Самара: «БАХРАХ-М», 2001.

5. Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. – 2-е изд. – СПб., 2003.

СЕКЦИЯ
«АКТИВНОСТЬ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЛИЧНОСТИ
В РАЗНЫХ СФЕРАХ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ»

УДК 159.9.072.52

ИЗУЧЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СЧАСТЬЕ
КАК МЕТОД ДИАГНОСТИКИ СОЦИАЛИЗАЦИИ УЧАЩИХСЯ

Е.Л. Аликина

МАОУ «Усть-Качкинская средняя школа» (Пермский край)

Показано, что активность личности подростка влияет на его уровень социализации, который предлагается определять посредством изучения социальных представлений.

Ключевые слова: социальные представления, социализация, рефлексия как субъективная характеристика личности подростка.

STUDY OF SOCIAL REPRESENTATIONS ABOUT HAPPINESS
AS METHOD OF DIAGNOSIS OF SOCIALIZATION OF SCHOOL STUDENTS

E.L. Alikina

Ust-Kachka Middle school (Perm region)

It was shown that the activity of the adolescent's personality influences on his level of socialization, which is proposed to define by studying the social representations.

Key words: social representations, socialization, reflection as a subjective characteristic of the adolescent's personality.

В последние десятилетия в отечественной психологии все более ярко прослеживается подход к изучению психической деятельности человека в русле онтологической парадигмы. В центре внимания, которой находится проблема субъектности, определяемая как мера активности человека [4]. К.А. Абульханова-Славская [1] определяет активность личности как особое качество субъекта в системе его социальных взаимодействий, подчеркивая ее координирующую роль. А.В. Григорьев [6] считает, что внутренними факторами социальной активности личности являются её субъектные характеристики. Н.С. Терехина [7] среди субъектных характеристик личности выделяет в первую очередь рефлексивность.

Особое влияние субъектно-личностной рефлексии на развитие личности подростка выделяет А.И. Бабич [3]. Оно состоит в том, что, развиваясь и узнавая других, подросток осознает и развивает себя, собственную субъектность и индивидуальность. Анализ проблемы

развития рефлексивных компонентов его личности свидетельствует о том, что рефлексия, направленная на формирование представлений о себе и о другом, является системообразующей в контексте развития самосознания и в конечном итоге я-концепции.

Таким образом, особый интерес представляют изучения процесса рефлексии подростков через исследование социальных представлений. Согласно Московичи социальные представления есть универсальная форма обыденного познания, сочетающая когнитивный и аффективный компоненты знаний, которые позволяют субъекту фиксировать свою позицию по отношению к самому себе и действительности [2].

С целью изучения уровня социализации учащихся нами были изучены социальные представления школьников о счастье. Как отмечают исследователи, в понимании счастья как ценности можно выделить две основные позиции: счастье, как мотив (жизненная цель и объект стремлений), и как результат деятельности человека, т. е. счастье рассматривается в качестве оценок, «помечающих» предмет деятельности и регулирующих ее ход, и в роли самодовлеющей ценности, которая обогащает и превращает в дополнительный мотив деятельности сам ее процесс [5]. Таким образом, несмотря на сложность и многообразие интерпретации понятия «счастье», изучение социальных представлений школьников об этом понятии помогает увидеть процесс социализации с позиции самого субъекта, с учетом рефлексивного компонента.

Однако, изучение стандартизированными методиками способности человека к самодетерминации заставляет исследователей постоянно решать вопрос о том, как из-за такой унификации не потерять саму субъектность. Одним из вариантов успешного решения этой проблемы стали психодиагностические методики, разработанные для исследований в области психосемантики [8].

В ходе проведения исследования учащимся было предложено дать определение слову счастье и подобрать к этому понятию три ассоциации. В исследовании принимали участие школьники пятого (25 чел.), седьмого (22 чел.) и десятого (20 чел) классов МАОУ «Усть-Качкинская средняя школа», общая выборка составила 67 человек.

В результате обработки метода ассоциаций было получено семантическое поле, которое отражает как ценностный, так и эмоциональный аспект исследуемого понятия. Однако преобладают ассоциации, имеющие ценностные характеристики. Так, по всей выборке получено три семантические универсалии к понятию «счастье» (семья, друзья, любовь), которые являются ценностными характеристиками. Таким образом, учащиеся не независимо от возраста и пола, олицетворяют счастье в первую очередь с традиционными ценностями.

Необходимо отметить, что в группе старшеклассников выявлена четвертая семантическая универсалия – «жизнь». Данный факт говорит о том, что с возрастом самооценку жизни человека переоценивается в сторону повышения.

В группе семиклассников выделена двойная ассоциация «радость», которая отражает эмоциональный аспект изучаемого понятия и подтверждает возрастные особенности старшего подросткового возраста – повышенную эмоциональность. Двойная ассоциация «дом» подчеркивает большую значимость для подростков близких людей, семейного окружения, домашнего уюта и тепла.

Анализ семантического поля позволяет выделить гендерные особенности в отношении изучаемого понятия. В мужской подгруппе получены ассоциации, которые отражают качества человека с положительной эмоциональной окраской: «уважение» (5 кл.), «дружелюбие» (7 кл.), «уверенность в себе» (10 кл.). Тогда как в женской подгруппе встречаются ассоциации, отражающие потребность в эмоциональной теплоте, которая усиливается с возрастом: «природа» (5 кл.), «верность» (7 кл.), «поддержка близких» (10 кл.).

Гендерные различия четко проявляются при анализе употребления ассоциации «деньги», которая получена во всех возрастных группах и выступает как ценностная характери-

стика. Так в группе пятиклассников двойная ассоциация выявлена в подгруппе девочек, которые проявляют себя большими материалистами, чем мальчики, но с возрастом склонность видеть счастье в деньгах переходит к мужской подгруппе, именно у мальчиков седьмых и десятых классов обнаружена двойная ассоциация «деньги» к понятию «счастье».

Анализ метода определений показал очень похожие результаты. Обнаружено, что большинство определений отражают ценностный, аспект исследуемого понятия. Наибольшее количество определений соответствуют трем семантическим универсалиям, полученным в результате использования метода ассоциаций: семья, друзья, любовь.

Обнаруженные возрастные различия в определении счастья отражают этапы взросления и личностного развития учащихся. Так в группе пятиклассников счастье – это «получение желаемого» и «мир во всем мире», в группе семиклассников – «хорошее настроение», в группе десятиклассников – ощущение нужности.

Гендерные различия отражают различия в представлениях о счастье. Так мальчики из группы пятиклассников видят счастье в людях, «которые делают добро», в «домашнем питомце» и в материальной обеспеченности, а для девочек – «жизнь – это уже счастье».

В группе семиклассников для мальчиков счастье – «это деньги», для девочек – это «здоровье» и «дружелюбный класс».

Определения счастья у десятиклассников синтаксически более сложные, у девушек отражают потребность в эмоциональном общении, у юношей – наличие андрогенных качеств.

В целом, результаты исследования показывают, что социальные представления учащихся о счастье имеют общие тенденции и специфические особенности. Общие тенденции отражаются в семантическом поле, ядром которого являются три семантические универсалии: семья, друзья, любовь. Специфические особенности социальных представлений учащихся о счастье зависят от возрастных и гендерных различий учащихся.

В заключение, вышеизложенное позволяет сформулировать ряд выводов:

- 1) рефлексия как субъектная характеристика является механизмом развития личности подростка;
- 2) изучение рефлексивных компонентов возможно посредством исследования социальных представлений подростка;
- 3) применение психосемантических методов (метод ассоциаций и метод определений) в ходе исследования социальных представлений расширяет возможности изучения социализации подростков;
- 4) процесс социализации учащихся МАОУ «Усть-Качкинская средняя школа» имеет положительную направленность, так как социальные представления учащихся о счастье отражают наиболее значимые и традиционные ценности российского общества (семья, друзья, любовь).

1. Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. – М., 1991. – С. 44.

2. Абульханова-Славская К.А., Гордиенко Е.В. Представления личности об отношении к ней значимых других // Психологический журнал. – 2001. – Т. 22. – № 5. – С. 38–47.

3. Бабич А.И. Субъектно-личностная рефлексия подростков как объект психологического исследования // Научные проблемы гуманитарных исследований. – 2011. – № 9. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/subektno-lichnostnaya-refleksiya-podrostkov-kak-obekt-psihologicheskogo-ssledovaniya> (дата обращения: 21.07.2016).

4. Брушлинский А.В. Проблемы психологии субъекта. – М.: Институт психологии РАН, 1994. – 109 с.

5. Виничук Н.В. Особенности представлений психосоматических больных о счастье // Психологические исследования. – 2012. – № 2 (22). – С. 7. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения 29.06.2016).

6. *Григорьев А.В.* Субъектные характеристики личности в зависимости от степени проявления социальной активности // *Современные проблемы науки и образования.* – 2012. – № 5. – URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=7166> (дата обращения: 20.07.2016).

7. *Терехина Н.С.* Субъектные и личностные характеристики людей различных профессий при построении временной перспективы: дис. ... канд. психол. наук. – М., 2014. – С. 11.

8. *Огнев А.С., Лихачева Э.В.* О возможности использования айтрекинга для инструментальной диагностики субъектных характеристик личности // *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований.* – 2015. – № 8-1. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/o-vozmozhnosti-ispolzovaniya-aytrekinga-dlya-instrumentalnoy-diagnostiki-subektnyh-harakteristik-lichnosti> (дата обращения: 20.07.2016).

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ГОТОВНОСТИ ВОСПИТАННИКОВ ДЕТСКОГО ДОМА К ВЫБОРУ ПРОФЕССИИ

К.В. Банщикова, Е.Н. Деревцова

Иркутский государственный университет

Рассматривается проблема формирования готовности воспитанников детского дома к выбору профессии. Авторами раскрывается понятие «готовность подростков к выбору профессии», структура и содержание готовности к выбору профессии воспитанников детского дома. На основе проведенного теоретического анализа научной литературы и собственной эмпирической деятельности выделяются особенности профессионального самоопределения воспитанников детского дома. Обосновывается комплекс психолого-педагогических условий, способствующих формированию ключевых критериев и соответствующих им показателей готовности подростков к совершению осознанного, самостоятельного профессионального выбора.

Ключевые слова: готовность к выбору профессии, воспитанники детского дома, профессиональное самоопределение воспитанников детского дома, формирование готовности к выбору профессии.

PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL CONDITIONS FOR PREPARING ORPHANAGE INMATES TO CHOOSE THEIR PROFESSION

K.V. Banshchikova, E.N. Derevtsova

Irkutsk State University

The article considers the problem of preparing orphanage inmates to choose their profession. The authors define the term “preparedness of adolescents to choose their profession”, describe the structure and content of orphanage inmates’ preparedness to choose their profession. The authors also describe peculiarities of orphanage inmates’ vocational self-determination based on theoretical analysis of literature and their own empirical activity. Finally, the authors develop a complex of psychological and pedagogical conditions promoting the forming of key criteria and indicators of adolescents’ preparedness to make a conscious and independent vocational choice.

Key words: preparedness to choose profession, orphanage inmates, vocational self-determination of orphanage inmates, preparing to choose profession.

Подростковый возраст – это особый период, знаменующий завершение перехода от детства к взрослости. Его в своих исследованиях Е.А. Климов обозначает как фазу оптации [3]. Речь идет о том возрастном этапе, когда подросток обретает озабоченность вопросами выбора профессии и делает этот выбор. Этот период наступает для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей еще в социальном учреждении, где у них возникают первые проблемы профессионального выбора. Так, по данным исследователей у большинства воспитанников детского дома формируются такие устойчивые качества личности, как безволие, неготовность отвечать за свои действия, иждивенческая позиция, которые в будущем не позволяют этим детям делать самостоятельный выбор вообще, и профессиональный выбор, в частности. В своих профессиональных намерениях выпускники детских домов более ориентированы на простой, низкоквалифицированный труд и на те профессии, которые чаще всего встречаются в их непосредственном социальном окружении. Выбор будущей профессии осуществляется подростками без соотнесения личностных особенностей и способностей с требованиями и содержанием будущей профессии [4].

В связи с этим одной из основных задач педагогов детского дома является постепенное формирование у воспитанников внутренней готовности к осознанному и самостоятельному построению, корректировке и реализации перспектив своего развития в профессии, готовности самостоятельно находить личностно-значимые смыслы в конкретной профессиональной деятельности.

На основе изучения научной литературы в рамках обозначенной проблемы было установлено, что понятие «готовность» – это внутренняя позиция личности, направляющая её на будущую деятельность (Е.А. Климов, С.Н. Чистякова и др.). Сущность категории «готовность к выбору профессии» рассматривается в работах Н.А. Аминова, Е.М. Борисовой, Т.А. Буяновой, Н.С. Пряжникова, Т.М. Чепыговой, Л.Ю. Ювенской и др. Так, Н.А. Аминов и Т.М. Чепыгова определяют готовность к выбору профессии как сочетание профессиональной направленности личности в некоторой сфере с реальной способностью осуществлять профессионально значимые умения и навыки в данной области. Л.Ю. Ювенская трактует готовность подростка к выбору профессии как сложное целостное состояние личности, характеризующее совокупностью нравственно-психологических качеств человека, позволяющие ему осознавать свои возможности, способности и свое отношение к определенной профессиональной деятельности. Нам близка позиция Н.С. Пряжникова, который рассматривает данную категорию как устойчивое состояние личности подростка, в основе которого лежит динамическое сочетание определенных свойств, включающее направленность интересов и склонностей, его практический опыт и знание своих особенностей в связи с выбором профессии [6].

Важное место в исследовании понятия «готовность к выбору профессии» занимают подходы к структуре готовности и механизмы её формирования. М.И. Дьяченко и Л.А. Кандыбович выделяют следующие компоненты в структуре готовности к различным видам деятельности: мотивационный компонент по отношению к действию; ориентационный компонент на будущую специальность; операциональный компонент как владение необходимыми знаниями, умениями, навыками; волевой компонент, характеризующий поведение личности и оценочный компонент. А.И. Мищенко основными компонентами готовности считает познавательный (понимание задач деятельности), мотивационный (стремление к деятельности, потребность успешно выполнить обязанности), волевой (умение управлять собой, сосредоточение волевых сил на выполнении задач). В исследованиях Л.В. Кондрашевой представлены следующие структурные компоненты готовности к деятельности: мотивационный (профессиональные установки и интересы), нравственно-ориентированный (ценностные ориентации, профессиональная этика), познавательно-операциональный (профессиональная направленность внимания, памяти), эмоционально-волевой (волевые процессы, обеспечивающие эффективность деятельности), ценностный (самооценка своей деятельности).

Для определения уровня сформированности указанных компонентов готовности автором разработаны следующие критерии: 1) наличие необходимых знаний о мире труда, о профессии, о себе, общих и специальных умений и навыков; 2) эмоционально-оценочное отношение к приобретаемым знаниям, умениям, навыкам; 3) осознанность выбора профессии.

Опираясь на представленные выше подходы мы считаем, что готовность к осознанному выбору будущей профессии у воспитанников детского дома определяется сформированностью таких критериев, как: когнитивный, мотивационно-потребностный, деятельностный, а также соответствующих им показателей: знания о профессиях, основных требованиях, которые предъявляет к человеку профессия; наличие мотива подготовки к трудовой деятельности, устойчивый интерес к конкретной профессии; наличие специальных способностей к определенному виду профессиональной деятельности, практический опыт в избираемой трудовой деятельности.

Результаты проведенного нами исследования на основе использования комплекса диагностических методик (Анкета «Профессиональное самоопределение»; Методика «Мотивы выбора профессии», В.Р. Овчарова: Дифференциально-диагностический опросник, Е.А. Климов) позволили нам определить, что среди обследуемых подростков преобладает низкий уровень сформированности готовности к выбору профессии. Воспитанники детского дома не могут определиться с выбором будущей профессии, у них нет ярко выраженных склонностей к тому или иному делу, наблюдается узкий кругозор в области спектра существующих профессий; отсутствуют знания основных требований, которые предъявляет к человеку профессия; прослеживаются внешние положительные мотивы. Большинство воспитанников имеют неустойчивые ситуативные интересы к профессиональной деятельности, не видят необходимости для подготовки себя к будущей деятельности.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что в профориентационной работе с подростками должен применяться комплекс целенаправленных мер. На наш взгляд, данная деятельность должна быть направлена на:

- предоставление воспитанникам всесторонних знаний о проблеме выбора профессии, о мире профессий, о самом себе, о путях получения профессионального образования, о потребностях в кадрах региона, где они проживают;

- предоставление подростку возможностей для глубокого самопознания: своих интересов, способностей, склонностей, типа мышления, потребностей, ценностных ориентаций;

- способствовать активизации воспитанников в поиске собственного пути освоения профессии;

- создание условий для моделирования своего будущего, для построения эталонов в виде идеального образа профессионала, для создания профессиональных интересов и планов [5; 6].

Для формирования готовности воспитанников детского дома к выбору профессии важно осуществлять целенаправленную системную деятельность по профессиональной диагностике, профессиональному просвещению, профессиональному подбору и профессиональному консультированию. В рамках профессиональной диагностики следует изучить характерные особенности личности воспитанников детских домов: их ценностные ориентации, профессиональную направленность, профессиональные намерения, мотивы выбора профессии, а также черты характера, темперамент, состояние здоровья. Профессиональное просвещение должно быть направлено на сообщение подросткам сведений о различных профессиях, их значении для экономики страны, потребностях в кадрах, условиях труда, требованиях, предъявляемых профессией к психофизиологическим качествам личности, способах и путях их получения, оплате труда специалиста. Предоставление рекомендаций воспитанникам детских домов о возможных направлениях профессиональной деятельности, наиболее соответствующих его психологическим, психофизиологическим, физиологическим особенностям, на основе результатов психологической диагностики необходимо осуществлять в рамках профессионального подбора и профессиональной консультации.

Важнейшим инструментом профессиональной ориентации воспитанников детского дома является использование разнообразных форм работы. К ним исследователи относят:

1. Основные, ознакомительные: встречи со специалистами, просмотр и обсуждение телевизионных передач, выставки передового опыта, экскурсии на предприятия и в учебные заведения, информационные уроки (теоретические и практические вопросы подготовки к будущей профессии), уроки в учебных мастерских с сообщением определенных сведений профориентационного характера, демонстрация практических умений.

2. Активизирующие деятельность: индивидуальные задания для углубления знаний с учетом интересов, конкурсы для выявления склонностей, вечера техники, книги, математики

и др.; недели искусства, техник, клуб будущих специалистов, кружки технического творчества.

3. Методы изучения личности: беседа (ознакомление с профессиями, выявление мотивов и причин, затрудняющих выбор), анкетирование, наблюдение, анализ результатов деятельности (дневник, школьный журнал успеваемости, сочинение, тетрадь с высказываниями, личное дело, медицинское обследование), метод экспертов (обобщение высказываний друзей, учителей, родителей); метод обобщения независимых характеристик (рекомендации родителей, знакомых по выбору), педагогический эксперимент [2].

Практические исследования в области применения педагогических и психологических инструментов к выбору профессии показывают, что выбор, в конечном счете, определяется взаимодействием воспитанников с учителями, педагогами дополнительного образования, воспитателями, специалистами производства, психологами, а также с предметами труда, в ходе которого происходит их профессиональное развитие. В целом, общий выбор демонстрирует, насколько успешно взаимодействовали три главных участника воспитательного процесса: детский дом, школа и общественная среда.

Таким образом, для успешного формирования готовности воспитанников к выбору профессии необходимо в детском доме создавать специальные психолого-педагогические условия, среди которых: разработка и реализация комплекса мероприятий, имеющих системный, целенаправленный характер; определение и реализация специальных направлений и форм профориентационной работы с воспитанниками; организация взаимодействия педагогов детского дома с другими субъектами профессиональной деятельности по решению поставленных задач.

1. *Деревцова Е.Н.* Профессиональные качества социопедагога как субъекта социального управления // Вестник Восточно-Сибирской государственной академии образования. – 2005. – № 6. – С. 65–70.

2. *Захаров Н.Н., Симоненко В.Д.* Профессиональная ориентация школьников. – М.: Просвещение, 1989. – 592 с.

3. *Климов Е.А.* Психология профессионального самоопределения. – М.: Психология, 2008. – С. 40–43.

4. *Косинец Т.В.* Формирование элементов духовной культуры в процессе профессионального самоопределения воспитанников детского дома // Научные проблемы гуманитарных исследований: научно-теоретический журнал. – 2008. – Вып. 11. – 96 с.

5. *Пряжникова Е.Ю.* Игры и методики для профессионального самоопределения старшеклассников. – М.: Первое Сентября, 2004. – 203 с.

6. *Пряжников Н.С.* Профессиональное и личностное самоопределение. – М.: Модэк, 2006. – С. 284–292.

ТИПОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ ПОДРОСТКОВ, СКЛОННЫХ К ОБЩЕНИЮ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

О.Ю. Гроголева, А.А. Дронова

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

Это исследование фокусируется на личности подростков, которые общаются в социальных сетях. Целью было построить типологию личности подростков, склонных к общению в социальных сетях. Было выделено четыре группы подростков: «Благополучные», «Непонимающие эмоций», «Экспрессивные», «Зависимые». Было установлено, что тенденция к общению в социальных сетях обратно взаимосвязана с эмоциональным интеллектом и имеет прямую связь с трудностями в общении.

Ключевые слова: подростки, общение в социальных сетях, типология личности.

THE TYPOLOGY OF THE PERSON OF TEENAGERS WHO ARE PRONE TO COMMUNICATION IN SOCIAL NETWORKS

O.Yu. Grogoleva, A.A. Dronova

Dostoevskiy Omsk State University

This study focuses on the person of teenagers who communicate in social networks. The aim was to construct a typology of the person of teenagers who are prone to communication in social networks. In the study has been allocated four groups of adolescents: "Happy", "Those who can not understand the emotions", "expressive", "dependence". It was found that the trend to communication in social networks is inversely correlated with the emotional intelligence and is directly correlated with the difficulties in communicating.

Key words: teenagers, communication in social networks, a typology of the person.

Появление сети интернет открывает новые возможности для получения информации и организации общения с расширением территориальных границ. Интернет постепенно становится институтом социализации, влияет на личность и формирует её. Однако помимо пользы возникают проблемы, связанные с интернет-зависимым поведением, когда люди предпочитают киберпространство реальной жизни. Это может привести к ухудшению взаимоотношений, личностным кризисам, проблемам в работе и учебе. Среди видов времяпрепровождения в Интернете отдельно можно выделить социальные коммуникативные сети. В связи с этим на сегодняшний день обсуждается отдельный вид Интернет-зависимости – киберкоммуникативная зависимость. К. Янг указывает на то, что это зависимость от общения в социальных сетях, чатах, на форумах, которая может привести к замене реальных друзей и семьи – виртуальными [6].

К группе риска, связанной с негативным влиянием сети интернет, относятся подростки, так как они находятся в процессе личностного становления и, согласно Э. Эриксону, именно в этот период происходит формирование идентичности, принятие социальных ролей (цит. по: [4]). Кроме того, подростки являются уязвимой категорией для развития зависимости от общения в социальных сетях, так как коммуникативная деятельность является ведущей на данном этапе возрастного развития. Для профилактики киберкоммуникативной зависимости у подростков представляется важным исследовать особенности и возможные затруднения в

сфере общения, непосредственные мотивы общения в виртуальном пространстве и уровень эмоционального интеллекта. Составленная на основе этого типология может пополнить существующие теоретические построения, а так же способствовать разработке психокоррекционных и тренинговых программ.

Предметом нашего исследования стали коммуникативные и эмоциональные особенности подростков, склонных к общению в социальных сетях. В качестве респондентов выступили 133 подростка в возрасте 14 лет. В качестве психодиагностического инструментария использовались следующие методики: «Опросник на киберкоммуникативную зависимость» (А.В. Тончева) [5], тест эмоционального интеллекта (Д.В. Люсин) [3], «Субъективная оценка межличностных отношений» (С.В. Духновский) [1], «Методика диагностики психологических трудностей общения» (В.А. Лабунская) [2] и авторская анкета.

Проведение анкеты позволило установить, что все опрошенные подростки пользуются социальными сетями. Из них 64 % подростка используют социальные сети умеренно, 32 % – могут злоупотреблять общением в интернете и имеют среднюю склонность к общению в них, а у 4 % можно говорить о наличии киберкоммуникативной зависимости и очень высокой склонности к киберкоммуникации. Кроме того, анкетирование позволило выявить спектр общения и мотивацию подростков. Социальные сети являются пространством для общения подростков преимущественно с друзьями и референтной группой. Чаще всего подростки посещают такие социальные сети, как «ВКонтакте» (98 %), «Google+» (25 %) Мой мир@mail.ru (14 %). Кроме этого, 22 % указали свой вариант ответа – Instagram. Ведущими мотивами использования социальных сетей в подростковом возрасте являются: коммуникативный, рекреационный, познавательный, конформный, мотив самореализации, бегства от проблем, а также пребывание в сети по привычке.

Одной из частных задач исследования было выявление взаимосвязи мотивов обращения к социальным сетям и склонности подростков к общению в социальных сетях. В результате было установлено, что склонность к общению в социальных сетях положительно коррелирует с бесцельным посещением социальной сети ($r = 0,265$ при $p \leq 0,01$), с трудностью отказа от посещения сети ($r = 0,210$ при $p \leq 0,05$) и удалением не одобренных интернет-пользователями материалов со страницы ($r = 0,208$ при $p \leq 0,05$). Интересным представляется тот факт, что возрастает вероятность удаления подростками не оцененных другими пользователями записей со своей страницы при увеличении склонности к общению в социальных сетях. Возможно, чем больше подросток проводит времени в режиме онлайн, тем более реалистичным становится виртуальное пространство, что способствует проявлению эффекта социальной желательности.

Для решения задачи по построению типологии личности подростков, склонных к общению в социальных сетях, был применен кластерный анализ метод К-средних. В результате все респонденты были разделены на четыре типа.

«Благополучные» (31 %, 41 чел.), отличаются высоким уровнем эмоционального интеллекта, низкой склонностью к общению в социальных сетях, низкими показателями затруднений в общении. Конфликтность, агрессия, напряженность и отчужденность находятся у подростков данного типа в пределах нормы.

«Непонимающие эмоций» (21 %, 28 чел.) характеризуются низким уровнем эмоционального интеллекта, низкими показателями напряженности, агрессии, отчужденности и конфликтности отношений, присутствием затруднений в восприятии собеседника и ситуации общения, низкой склонностью к общению в социальных сетях.

«Экспрессивные» (29 %, 39 чел.) отличаются низким уровнем управления эмоциями и эмоционального интеллекта в целом, высокой напряженностью в отношениях, средними по-

казателями отчужденности, конфликтности и агрессии, низкой склонностью к общению в социальных сетях.

«Зависимые» (19 %, 25 чел.) характеризуются сниженными показателями эмоционального интеллекта, средним уровнем склонности к общению в соц. сетях, что может указывать на развитие киберкоммуникативной зависимости. Представители данного типа имеют серьезные затруднения в восприятии речевых, поведенческих характеристик собеседника и параметров ситуации общения.

Таким образом, наиболее успешными в социальном плане представляются подростки из типа «Благополучные», так как у них достаточно сформировано личностное ядро, чтобы сопротивляться стрессовым воздействиям средовых факторов. Вероятней всего они ощущают субъективный комфорт при общении со сверстниками, их не преследуют излишние угнетающие мысли о возможности быть непонятым.

Подростки, составившие тип «Зависимые», в целом характеризуются средним уровнем склонности к общению в коммуникативных сетях, что говорит не просто о сильном увлечении социальными сетями, но уже о наличии симптоматики, характерной для аддиктивного поведения. Именно поэтому выделенный тип получил такое наименование. Респонденты, попавшие в группу «Зависимые», нуждаются в особом внимании, ведь хобби заходить в социальные сети может незаметно для самого человека перейти в аддикцию и сказаться на учебной и личной жизни. Для «зависимых» подростков характерна высокая чувствительность практически ко всем параметрам общения, предложенным В.А. Лабунской [2]. Особые трудности вызывает восприятие обращений и отношения к себе, ситуации общения в многолюдном месте, шум, возраст, пол собеседника. Иначе говоря, ситуация реального взаимодействия оказывает достаточно ощутимое давление на «зависимых».

Анализ изучаемой проблемы киберзависимого поведения позволил выявить потребность в систематизации и пополнении уже существующих теоретических знаний по данному вопросу. Полученные в обсуждаемом исследовании результаты, а именно построение типологии личности подростков, увлекающихся общением в социальных сетях, частично удовлетворяет запрос науки и практики, а так же могут быть использованы в разработке профилактических и коррекционных мероприятий.

1. *Духновский С.В.* Субъективная оценка межличностных отношений (руководство по применению). – СПб.: Речь, 2006. – 54 с.

2. *Лабунская В.А.* и др. Психология затрудненного общения: Теория. Методы. Диагностика. Коррекция: учебное пособие. – М.: Издательский центр «Академия», 2001.

3. *Люсин Д.В.* Новая методика для измерения эмоционального интеллекта: опросник ЭИИ // Психологическая диагностика. – 2006. – № 4. – С. 3–22.

4. *Первин Л., Джон О.* Психология личности: теория и исследования. – М.: Аспект Пресс, 2000.

5. *Тончева А.В.* Диагностика киберкоммуникативной зависимости // Интернет-журнал «Науковедение». – 2012. – № 4 (13). – М.: Науковедение, 2012. – URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/64pvn412.pdf>.

6. *Янг К.С.* Диагноз – интернет-зависимость // Мир Интернет. – 2000. – № 2. – С. 24–29.

АТТРИБУТИВНЫЙ СТИЛЬ СУПРУГОВ КАК ФАКТОР УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ БРАКОМ, РОЛЕВЫХ ОЖИДАНИЙ И ПРИТЯЗАНИЙ В БРАКЕ

В.В. Гусарова, О.П. Кролевец, С.В. Чернобровкина

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

Представлены результаты исследования влияния атрибутивного стиля на удовлетворенность браком в молодых семьях. Было выявлено, что существуют различия в значимости для мужчин и женщин различных сфер и функций семьи. Супругов, удовлетворенных супружескими отношениями больше, чем неудовлетворенных. Оптимистический атрибутивный стиль супругов преобладает над пессимистическим и оказывает прямое влияние на удовлетворенность браком.

Ключевые слова: стиль атрибуции, удовлетворенность браком, ролевые ожидания, ролевые притязания в браке.

ATTRIBUTIVE STYLE OF SPOUSES AS THE FACTOR OF SATISFACTION WITH MARRIAGE, ROLE EXPECTATIONS AND CLAIMS IN MARRIAGE

V.V. Gusarova, O.P. Krolevets, S.V. Chernobrovkina

Dostoevsky Omsk State University

Results of a research of influence of attributive style on satisfaction with marriage in young families are presented in article. The importance of various spheres and functions of a family for men and women differs. Young spouses are satisfied with their relations. Optimistic attributive style of spouses prevails over pessimistic. Style of attribution exerts direct impact on satisfaction with marriage.

Key words: style of attribution, satisfaction with marriage, role expectations, role claims in marriage.

В современном мире каждый человек сталкивается с трудностями, кто-то преодолевает их с легкостью, кто-то нуждается в поддержке. Так или иначе, всем нам важно быть принятым, любимым, желанным, мы нуждаемся в эмоциональной поддержке членов семьи. Семью можно понимать широко – мамы, папы, бабушки и дедушки, внуки, братья, сестры, дяди и тети – все они помогают на разных этапах жизненного пути в становлении, осуществлении полноты бытия. Семья как никакой другой социальный институт чутко реагирует на любые изменения в мире, в общественной жизни в целом, в экономике, политике. Проблема семейных отношений активно рассматривается как за рубежом, так и в отечественной психологии. В представленной работе мы опирались на труды следующих авторов: Т.В. Андреевой, В. Сатир, В.А. Сысенко, А.Г. Харчевой, Л.Б. Шнейдер и др.

Между понятиями «брак» и «семья» существует тесная взаимосвязь. Однако они не идентичны. А.И. Антонов утверждает, что семью создает отношение родители—дети, а брак оказывается легитимным признанием тех отношений между мужчиной и женщиной, тех форм сожительства или сексуального партнерства, которые сопровождаются рождением детей. Стоит обратить внимание на пространственную локализацию семьи (жилище, дом, собственность) и экономическую основу семьи (общесемейную деятельность родителей и детей) [1].

Супружеская пара является основой семьи, при этом супружеские отношения становятся центральными с точки зрения оценки семьи как успешной или неуспешной, отношения

супругов оказывают влияние на качество брака. Отсюда исходит важнейшая проблема удовлетворенности браком.

Среди факторов, влияющих на удовлетворенность супружескими отношениями, выделяют атрибутивный стиль объяснения успехов и неудач, ролевые ожидания и притязания супругов, а так же стаж супружеской жизни. В отечественной психологии, как правило, используется периодизация развития семьи, предложенная В.А. Сысенко. Согласно этой периодизации, термин «молодая семья» понимается довольно широко: «совсем молодые браки» – от 0 до 4 лет стажа и «молодые браки» от 5 до 9 лет. Многие исследователи подчеркивают, что приметно одна треть браков распадается именно на начальном этапе жизнедеятельности семьи. Принято считать, что с возрастанием стажа супружеской жизни удовлетворенность браком возрастает [5].

По данным Ю.Е. Алешиной, А.Н. Волковой, А.К. Дмитренко, Т.В. Галкиной, Д.В. Ольшанского, В.Н. Дружинина, А.С. Спиваковской, Э.Г. Эйдемиллера, В. Юстицкиса и др., главной причиной неудовлетворенности браком, являются нереалистичные ролевые ожидания людей, вступающих в брак. Под ролевыми ожиданиями понимается установка мужа и жены на активное выполнение партнером семейных обязанностей, т. е. это то, что партнер хочет от другого. А ролевые притязания – это личная готовность каждого из партнеров выполнять семейные роли.

Стиль атрибуции, который оказывает значительное влияние на удовлетворенность жизнью и браком в том числе. Атрибутивный стиль – это вопросы о побудительных причинах действий и их результатах. Существует три аспекта атрибуции: первый – все, что люди видят и чувствуют, они стараются объяснить, т. е. занимаются приписыванием, это атрибуция в широком смысле слова. Во-вторых, приписывание причин побуждения поведения и деятельности (вопрос «Зачем?»), это каузальная атрибуция. И наконец, объяснение причин собственных и чужих достижений, успехов (вопрос «Почему?») – каузальная атрибуция достижений. Различают два вида атрибутивного стиля – оптимистический и пессимистический, в нашей работе мы будем понимать, в след за В.Г. Ромеком и Т.О. Гордеевой, оптимистический и пессимистический атрибутивный стиль как синонимы оптимизма-пессимизма. В основе оптимизма-пессимизма лежат различные стили атрибуции, содержание каждого из них представляет собой сочетание трех параметров: стабильности, локализации и глобальности [2–4].

М. Селигман считает определяющей чертой пессимистов их веру в то, что неудачи будут длиться долго, погубят все, что бы они ни делали, виноваты в них они сами. Оптимисты же, когда на них обрушиваются аналогичные удары судьбы, верят, что поражение носит временный характер, что его причины разового свойства, и они не отразятся на остальной жизни и что не они в них повинны, а обстоятельства, невезение либо другие люди (цит. по: [6]).

Опираясь на вышеперечисленные теоретические положения, было проведено исследование, целью которого являлось изучение атрибутивного стиля супругов, ролевые ожидания и притязания в браке и удовлетворенность браком. Для осуществления поставленной цели, в соответствии с задачами мы использовали соответствующий психодиагностический инструментарий:

С целью определения преобладающего атрибутивного стиля супругов мы использовали методику М. Селигмана в русской адаптации Т.О. Гордеевой, В.Ю. Шевяковой (Опросник оптимизма – ШОСТО). Ролевые ожидания и притязания супругов и их согласованность изучались нами с помощью диагностической методики А.Н. Волковой «Ролевые ожидания и притязания в браке». Для определения уровня супружеской удовлетворенности был использован тест-опросник удовлетворенности браком (ОУБ), разработанный В.В. Столиным, Т.Л. Романовой и Г.П. Бутенко.

В исследовании приняли участие 24 пары (24 женщины и 24 мужчины), общее количество выборки – 48 человек. В основном, выборку составили так называемые молодые семьи, стаж брака до четырех лет.

С помощью методов статистической обработки данных, в частности на основе корреляционного и однофакторного дисперсионного анализа удалось реализовать поставленные задачи.

При определении стиля атрибуции супругов, нами были получены сходные результаты среди мужчин и женщин: мужчин, у которых выявлен оптимистический атрибутивный стиль, составляет 62,5 %, женщин – 58,4 %. Оптимисты имеют позитивный взгляд на мир, собственные неудачи и успехи воспринимают как заслуженные, неудачи считают временными и локальными. Пессимистический атрибутивный стиль выявлен у 37,5 % мужчин и 41,6 % женщин, пессимисты обычно субъективно недооценивают собственные успехи, придают неудачам протяженный во времени и затрагивающий все области жизни характер, их негативный взгляд на мир отражается в склонности видеть все в мрачном свете. Процентное соотношение оптимистичных и пессимистичных супругов представлено на графике.

С помощью критерия Фишера было статистически достоверно доказано, что в двух группах различий нет ($\phi^*_{эмп. 1} = 0,22$, $\phi^*_{эмп. 2} = 0,18$).

Изучение ролевых ожиданий и притязаний супругов показало, что наиболее значимыми сферами являются: социальная активность и внешняя привлекательность. Эмоционально-психотерапевтическая функция, по мнению супругов, не менее значима для жизнедеятельности семьи. Далее в иерархии значимости расположена родительско-воспитательная сфера, хозяйственно-бытовая и шкала личностной идентификации с супругом. Наименее значимой для мужчин и женщин является интимно-сексуальная шкала.

Для большинства молодых мужчин и женщин важна привлекательность образа партнера, его соответствие стандартам моды. А взаимная моральная и эмоциональная поддержка членов семьи является наиболее значимой для 87,5 % женщин и 62,5 % мужчин.

В 66,7 % случаев женщины делали выбор в пользу значимости родительства и хозяйственно-бытовой сферы. Не было выявлено различий между мужчинами и женщинами ($\phi^*_{эмп.} = 0,68$), т. е. мужчины и женщины примерно одинаково оценивают значимость родительства для жизнедеятельности семьи.

Хозяйственно-бытовую функцию семьи 66,7 % женщин и 45,8 % мужчин считают значимой. Это довольно высокие результаты, говорящие о требованиях, которые предъявляют супруги к участию в организации быта, о значении хозяйственно-бытовых умений и навыков партнера.

Личностная идентификация с супругом, т. е. ожидание общности интересов, потребностей, ценностных ориентаций, способов времяпрепровождения, является важной для 62,5 % женщин и 41,7 % мужчин. Статистически достоверно обнаружены различия между мужчинами и женщинами на втором уровне ($\phi^*_{эмп.} = 2,514$, $\phi^*_{критич.} = 2,31$, при $p \leq 0,01$). Данные результаты доказывают, что потребность проводить больше времени вместе больше выражена у женщин.

Наименьший процент мужчин и женщин выражают значимость интимно-сексуальной сферы, 16,7 % и 8,4 % соответственно. Большинство семейных пар недооценивают интимные отношения.

Результаты исследования уровня супружеской удовлетворенности показали отсутствие различий между мужчинами и женщинами ($\phi^*_{эмп. 1} = 1,4$, $\phi^*_{эмп. 2} = 1,32$).

Таким образом, полученные результаты иллюстрируют большую удовлетворенность, чем неудовлетворенность супругов.

С помощью метода ранговой корреляции Спирмена, Мы обнаружили, что эмоционально-психотерапевтическая функция семьи коррелирует с личностной идентификацией супругов ($r_s = 0,551$, $p \leq 0,001$), хозяйственно-бытовой сферой ($r_s = 0,534$, $p \leq 0,001$), внешней привлекательностью ($r_s = 0,329$, $p \leq 0,05$) и стилем атрибуции ($r_s = 0,302$, $p \leq 0,05$).

Таким образом, эмоциональная поддержка является важным фактором для успешного функционирования семьи, способная снизить вероятность возникновения тревоги, страхов и других деструктивных феноменов в семье. А так же выявлена связь между атрибутивным стилем и удовлетворенностью браком ($r_s = 0,448$, $p \leq 0,001$).

Для выявления влияния стиля атрибуции на удовлетворенность браком использовался однофакторный дисперсионный анализ. В качестве независимой переменной был взят стиль атрибуции супругов, который разделен на четыре уровня, согласно методике ШОСТО: пессимист, умеренный пессимист, умеренный оптимист и оптимист. Зависимой переменной является удовлетворенность браком мужей и жен.

Было обнаружено прямое влияние атрибутивного стиля на удовлетворенность браком, это означает, что чем более выражен оптимизм супругов, тем выше их внутренние оценки собственного брака ($F = 4,038$, $p < 0,05$).

В результате проведенного эмпирического исследования можно сделать следующие выводы:

1. Оптимистический атрибутивный стиль супругов преобладает над пессимистическим. Статистически достоверно доказано, что различий между мужчинами и женщинами нет.

2. Для женщин наиболее значимыми являются эмоционально-психотерапевтическая функция семьи, внешняя привлекательность супруга, социальная активность и хозяйственно-бытовая сферы. Для мужчин – сфера социальной активности, внешней привлекательности и родительско-воспитательная сфера.

3. Супругов, удовлетворенных супружескими отношениями больше, чем неудовлетворенных. Статистически достоверно различий между удовлетворенностью и неудовлетворенностью браком мужчин и женщин не обнаружено.

4. Аtribuтивный стиль связан с удовлетворенностью браком, а так же с эмоционально-психотерапевтической функцией. Наиболее сильные связи обнаружены между эмоционально-психотерапевтической сферой и личностной идентификацией супругов, и хозяйственно-бытовой сферой.

5. Стиль атрибуции оказывает прямое влияние на удовлетворенность браком.

1. Антонов А.И., Медков В.М. Социология семьи. – М.: Изд-во МГУ: Изд-во Международного университета бизнеса и управления, 1996. – 304 с.

2. Гордеева Т.О. Мотивация достижения: теории, исследования, проблемы // Современная психология мотивации; под ред. Д.А. Леонтьева. – М.: Смысл, 2002. – С. 47–103.

3. Гордеева Т.О., Осин Е.Н., Шевяхова В.Ю. Диагностика оптимизма как стиля объяснения успехов и неудач: Опросник СТОУН. – М.: Смысл, 2009. – 152 с.

4. Ромэк В.Г. Теория выученной беспомощности Мартина Селигмана // Журнал практического психолога. – 2000. – № 3-4. – С. 218–235.

5. Сысенко В. А. Супружеские конфликты. – М.: Мысль, 1989. – 173 с.

6. Циринг Д.А. Психология выученной беспомощности: учебное пособие. – М.: Академия, 2005. – 120 с.

ОСОБЕННОСТИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ У СПОРТСМЕНОВ РАЗНЫХ ВИДОВ СПОРТА

Л.И. Дементий

Омский государственный университет им. Ф.М.Достоевского

Отражены результаты исследования ответственности у спортсменов. Описываются не только уровни сформированности ответственности, но и ее содержание у спортсменов, занимающихся разными видами спорта. Показано, что существуют как общие, не зависящие от вида деятельности спортсмена, компоненты ответственности, так и специфические.

Ключевые слова: ответственность спортсмена, компоненты ответственности, виды спорта.

FEATURES OF RESPONSIBILITY AT ATHLETES OF DIFFERENT TYPES OF SPORT

L.I. Dementiy

Dostoevsky Omsk State University

The article reflects the findings of responsibility in athletes. It describes not only the formation of levels of responsibility, but also its content in athletes involved in different sports. It is shown that there is a common responsibility components, independent of the type of athlete's activity, and specific components, dependent on the type of athlete's activity.

Key words: responsibility in athletes, responsibility components, types of sport.

Значимость спорта в жизни современного общества трудно переоценить. Результативность спорта высших достижений на мировом уровне давно стала показателем успеха страны. В связи с высокой значимостью спортивных достижений на спортсменов возлагается высокая ответственность, которая, по нашему мнению, может оказывать не только мотивирующее воздействие на спортсмена, но и вызывать ощущение ее «тяжести».

Являясь высоко значимой, спортивная деятельность вместе с этим, является высоко стрессогенной, предъявляя личности высокие требования, прежде всего, в контексте способности управлять собой в условиях соревнований. Важнейшим ресурсом личности в связи с этим является способность к ответственности и саморегуляции. Отметим при этом, что разные виды деятельности в спорте могут предъявлять и разные требования к уровню этих личностных особенностей.

В контексте нашего понимания сущности ответственности, значимость ответственности в спортивной деятельности определяется следующим.

Ответственную личность характеризует готовность к преодолению трудностей. В спорте вообще, а в спорте высших достижений особенно, эта характеристика ответственности приобретает особое значение.

Еще одной важнейшей характеристикой ответственности является способность личности прогнозировать результаты своей активности, деятельности, поведения. Спортсмен должен осознавать тот уровень достижений, к которым он стремится. Без осознания результата движение к нему будет весьма затруднительным. Ответственность спортсмена и его ответственное поведение являются важным регулятором в спортивной деятельности.

Таким образом, проблема ответственности спортсмена на всех этапах спортивной деятельности – от подготовительного (тренировочного) до соревновательного – является одной из ключевых. Правомерно возникает вопрос о мере ответственности, а также о ее специфических особенностях у спортсменов разных видов спорта.

В нашей работе тестировались три гипотезы. Во-первых, уровень ответственности у лиц, занимающихся спортом, достоверно выше, чем у лиц, не занимающихся спортом.

Во-вторых, мы предположили, что уровень сформированности ответственности будет отличаться у спортсменов разных видов спорта.

Третья гипотеза состояла в предположении о том, что у спортсменов командных видов спорта уровень ответственности выше, чем у представителей одиночных видов спорта.

В исследовании приняли участие 100 человек: 25 человек – юноши и девушки в возрасте 17–24 лет (средний возраст 20,5 лет), занимающиеся экстремальными видами спорта в России (BMX – гасе, мотокросс, сноубординг); 25 человек – юноши и девушки в возрасте 17–24 лет (средний возраст 20,5 лет), занимающиеся командными видами спорта (хоккей, волейбол); 25 человек – юноши и девушки в возрасте 17–24 лет (средний возраст 20,5 лет), занимающиеся классическими, одиночными видами спорта (лыжи, художественная гимнастика, легкая атлетика) и 25 человек – юноши и девушки в возрасте 17–24 лет (средний возраст 20,5 лет), не занимающиеся спортом.

В качестве основного диагностического инструмента был использован опросник Л.И. Дементий «Ответственное поведение» (Л.И. Дементий, 2005). Выбор метода был продиктован необходимостью изучения не только ответственных интенций, но и, прежде всего, нас интересовал поведенческий аспект ответственности, а также возможность более пристального анализа содержания ответственности, которая не является однородным и линейным свойством личности.

Полученные данные позволили выявить особенности ответственности у спортсменов разных видов спорта.

У спортсменов, занимающихся командными видами спорта такие компоненты ответственности как: отношение к трудностям, отношения к новым обязанностям, отношение к обещаниям, эмоциональное отношение выше, чем у других испытуемых других групп. Вместе с тем, такие компоненты, как отношение к последствиям своих поступков и отношение к тому, за что нести ответственность по среднему значению ниже, чем у спортсменов занимающихся одиночными (классическими) видами спорта. Такие компоненты ответственности у спортсменов анализируемой группы как «предвидение результатов деятельности» и «осуществление намерений» по среднему значению выражены ниже, чем у спортсменов, занимающихся экстремальными видами спорта.

Таким образом, у спортсменов командных видов спорта наиболее сформирован социальный аспект ответственности, что вполне ожидаемо. Коллективный результат деятельности и коллективная ответственность команды не способствует формированию такого компонента как ответственность за последствия своих поступков (действий), а также снижает готовность спортсменов к реализации ответственности, на что указывают значения ниже средних по таким показателям как «ответственность за предвидение результатов деятельности» и ответственность за реализацию намерений.

Напротив, спортсмены, занимающиеся одиночными (классическими) видами спорта показали более высокие результаты по таким компонентам ответственности как «отношение к последствиям своих поступков» и «отношение к тому, за что нести ответственность». Уровень сформированности таких компонентов, как: отношение к новым обязанностям, отношение к обещаниям и эмоциональное отношение к ответственным делам ниже, чем у спортсменов, занимающихся командными видами спорта.

По таким компонентам ответственного поведения, как: отношение к трудностям и осуществление намерений спортсмены этой группы показали результаты ниже, чем у спортсменов, занимающихся командными видами спорта и спортсменов «экстремалов». но выше, чем у людей, не занимающихся спортом.

Особенности ответственности у спортсменов, занимающихся экстремальными видами спорта можно продемонстрировать следующими результатами. Такие компоненты как отношение к обещаниям, отношения к последствиям своих поступков и отношение к тому, за что нести ответственность ниже, чем у других испытуемых. Результаты по компонентам «отношение к новым обязанностям» и «эмоциональное отношение» выше, чем у людей, не занимающихся спортом, но ниже, чем у других испытуемых.

Сравнительный статистический анализ показывает, что у испытуемых всех исследованных групп такие компоненты ответственности как предвидение результатов деятельности, осуществление намерений, отношение к новым обязанностям, эмоциональное отношение к ответственным делам сформированы на достаточно высоком уровне.

Значимые различия (при $p \leq 0,001$) обнаружены по следующим компонентам: отношение к трудностям, отношение к обещаниям, отношение к последствиям своих поступков, отношение к тому, за что должен нести ответственность человек.

По общему уровню ответственности спортсмены, занимающиеся командными видами спорта, оказались наиболее ответственными, чем другие испытуемые. Это связано с тем, что спортсмены – «командники» несут ответственность не только за себя, но и за результаты команды., осознавая, что каждая их ошибка или достижение определяют в конечном итоге и эффективность деятельности всей команды.

Спортсмены, занимающиеся экстремальными видами спорта, показали более низкие результаты ответственного поведения по сравнению с другими испытуемыми. Возможное объяснение таких результатов состоит в высоком уровне склонности к риску у спортсменов этих видов спорта. Вероятно, эта личностная особенность и определяет специфику проявления ответственности в разных сферах жизнедеятельности. Примечательно, что наиболее выраженный компонент ответственности у спортсменов этой группы – осуществление намерений. Даже при появлении препятствий при осуществлении деятельности, спортсмены-экстремалы реализуют свои намерения. Это позволяет нам предположить, что спортсмены-экстремалы не только смелые и решительные, но обладают высокой помехоустойчивостью и настойчивостью, как одним из базовых компонентов саморегуляции.

Проведенное исследование позволило нам получить данные, качественно характеризующие ответственность и ее специфические особенности у спортсменов разных видов спорта, не ограничиваясь простой констатацией уровня сформированности этой важной личностной черты.

Обнаружены не только сильные стороны ответственности спортсменов, но и ограничения, которые накладывает вид спорта на формирование ответственности. Знание этих ограничений позволит спортивным психологам, тренерам и самим спортсменам направить прицельно свои усилия на формирование оптимальной ответственности, характеризующейся представленностью всех ее компонентов и, тем самым, обеспечивающей эффективную спортивную деятельность.

ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ВОСПИТАННИКОВ ДЕТСКОГО ДОМА

М.В. Задорожня, Е.Н. Деревцова

Иркутский государственный университет

На основе теоретического изучения проблемы формирования социально-правовой компетентности воспитанников детского дома к выбору профессии раскрывается базовое понятие проводимого исследования «социально-правовая компетентность», его структурно-содержательный состав. Обосновывается роль интерактивных методов работы в повышении уровня сформированности социально-правовой компетентности подростков, воспитывающихся в условиях детского дома. А именно: в формировании системы правовых знаний, развитии положительного эмоционального отношения к изучаемым правовым явлениям, способности соблюдать установленные в обществе нормы и правила поведения.

Ключевые слова: социально-правовая компетентность, воспитанники детского дома, формирование социально-правовой компетентности, социально-правовое воспитание, интерактивные методы работы.

FORMING OF SOCIAL AND LAW COMPETENCE OF ORPHANAGE INMATES

M.V. Zadorozhnyaya, E.N. Derevtsova

Irkutsk State University

Based on theoretical research on forming social and law competence of orphanage inmates by their vocational choice, the article describes the term “social and law competence”, its structure and content. The authors prove the important role of interactive methods of increasing the level of social and law competence of orphanage adolescents. Social and law competence includes the system of legal knowledge, development of positive attitude to the law phenomena under study, the ability to abide the society norms and rules of conduct.

Key words: social and law competence, orphanage inmates, forming of social and law competence, social and law education, interactive methods of work.

За последние годы в России, согласно данным правоохранительных органов, в несколько раз увеличилось количество правонарушений со стороны подростков, живущих в детских домах. Поэтому одна из задач воспитательной системы социального учреждения – заложить основы социально-правовой компетентности личности, которая является необходимым условием успешности их дальнейшей самостоятельной жизни и важным фактором социальной защищенности в современном обществе.

В результате анализа литературы по проблеме исследования нами была раскрыта сущность понятия «социально-правовая компетентность», определён её структурно-содержательный состав. По мнению Г.Р. Ишкильдиной социально-правовая компетентность есть единство правовых знаний, отражающих правовую действительность, отношение личности к правовым явлениям и на основе этого её правовое поведение; она проявляется через положительную, сообразную с законами общества, установку по отношению к себе и другим, окружающему миру, приносящую успех и удовлетворение от достигнутых результатов [3]. А.В. Коротун рассматривает данную категорию как интегральное свойство личности, основанное на признании правовых ценностей, отражающее ее готовность и способность применить систему

правовых знаний и умений в осуществлении социально-правовой деятельности, позволяющее личности мобилизоваться на эффективное выполнение данной деятельности [4]. Понятие социально-правовой компетентности включает в себе, считает Л.М. Гончарова, знание о значении, основных сферах и механизмах правового регулирования общественной жизни, определение достаточного для решения проблемы минимума правовой информации, способность анализировать сложившуюся правовую ситуацию с различных позиций и умение определять целесообразность разрешения проблем правовыми средствами и способами [2].

Данная компетентность предстает сложным новообразованием личности, которое определяет уровень развития его способности решать проблемы в сферах общественно-правового взаимодействия. Она проявляется в целостном культурном опыте подростка как разновидности его личностного опыта, позволяющего ребенку осуществить диалогическую взаимосвязь с окружением и эффективно решать проблемы, связанные с самоидентификацией в форме восхождения по модусам человеческой субъективности – субъектность, личность, универсум [6].

Мы солидарны с мнением Т.Н. Алексеевой, которая понимает под социально-правовой компетентностью целостное образование личности воспитанника детского дома, включающее комплекс личностных (самооценка, саморазвитие, адекватный личностный выбор, рефлексия, позитивное правосознание) и социально-ценностных (осознание себя и своих социально-значимых функций как полноправного гражданина, члена общества, устойчивое сознательное исполнение общественных обязанностей, способность брать на себя ответственность за личностный выбор поведения, способность к диалогу и взаимодействию и др.) качеств, определяющих его готовность и способность к естественной адаптации в социуме на основе саморазвития, взаимопонимания и взаимодействия с другими членами общества правовыми способами [1].

Обобщая представленные выше позиции мы отмечаем, что формируемая в процессе правовой подготовки воспитанников, социально-правовая компетентность представляет собой комплексную характеристику, интегрирующую в себя не только знания, умения, качества, но и осознанное позитивное отношение к правовым нормам, законам, поведению в обществе и готовность к взаимодействию с другими на нравственной и правовой основе.

Барьерами в развитии социально-правовой компетентности воспитанников детского дома, по мнению А.Г. Морганова, могут стать: иждивенчество, трудности в ситуациях свободного общения, инфантилизм, замедленное самоопределение, незнание и неприятие самого себя как личности, неспособность к сознательному выбору своей судьбы, к саморегуляции и перегруженность отрицательным опытом, негативными ценностями и образцами поведения [6].

Таким образом, на основе изученной литературы по проблеме исследования нами были определены следующие компоненты и соответствующие им показатели сформированности социально-правовой компетентности воспитанников детского дома. Личностный компонент характеризует отношение подростков к социально-правовым нормам и явлениям, склонность к преодолению социальных норм и правил поведения, предрасположенность к реализации делинквентного поведения. Когнитивный компонент включает знание основных правовых понятий и терминов, знание прав ребёнка и субъектов, представляющих защиту этих прав, знание ключевых нормативно-правовых документов, регламентирующих защиту прав ребёнка и ответственность за совершение правонарушения, знание своих прав и обязанностей в детском доме, понимание необходимости соблюдать законы и нормы в практической деятельности и повседневной жизни. Деятельностный компонент определяет участие в социально-правовой деятельности детского дома, совершение противоправных действий и поступков, применение правовых знаний в сфере социальных отношений, способность к преодолению социально-поведенческих трудностей (поведенческий контроль), уважение прав и свобод че-

ловека (воспитанников, воспитателей и др.), наличие социально-правового опыта, следование применяемым в детском доме нормам и правилам поведения (выполнение обязанностей).

Анализируемые данные по итогам проведения комплекса диагностических методик (опросник «СОП», А.Н. Орёл; беседа «Знаешь ли ты свои права и обязанности?»; опросник изучения уровня правовых знаний подростков; экспертная карта оценки социально-правовой компетентности воспитанников детского дома) свидетельствовали о недостаточном уровне сформированности социально-правовой компетентности у обследуемых подростков. Большинство воспитанников детского дома имеют недостаточный объем знаний по проблеме. Они не всегда следуют общепринятым нормам и правилам поведения в обществе, стараются избегать выполнения своих обязанностей в школе и детском доме, не умеют разрешать конфликтные ситуации на основе правовых и нравственных принципов. Воспитанники склонны к совершению противоправных поступков, не принимают участие в социально-правовой деятельности детского дома.

Полученные результаты позволяют говорить о том, что работа по формированию социально-правовой компетентности воспитанников детского дома должна проводиться в обязательном порядке и быть направлена на решение трёх основных задач: формирование системы правовых знаний; развитие эмоционального отношения к изучаемым правовым явлениям, которое даёт возможность на базе нравственных принципов сознательно исполнять гражданские и общественные обязанности, соблюдать установленные в обществе нормы и правила поведения, а также способствовать формированию умения подростками отстаивать свои права правовыми способами.

Формирование социально-правовой компетентности подростков, считает А.Г. Морганов, должно осуществляться на основе ведущих подходов и принципов социально-правового становления воспитанников. Так, аксиологический подход, по мнению исследователя, направлен на формирование у подростков убеждения и осознания каждой человеческой личности, признания ценности другого мнения, другой позиции. Именно с этих позиций возможно формирование такой важной характеристики социально-правовой компетентности, как ценностное отношение к нравственным и правовым нормам общества. Личностный подход определяет положение воспитанника в воспитательном процессе и означает признание его активным субъектом собственного социально-правового становления. Реализация этого подхода возможна лишь при полном учете интересов подростков, постоянном стимулировании активности каждого из них, их самореализации в жизнедеятельности детского дома на основе принятых им социально-правовых норм. Компетентностный подход предполагает ориентацию не столько на формирование правовых знаний, сколько на умение мобилизовать в конкретной ситуации полученные социально-правовые знания и опыт [5].

При разработке перечисленных подходов автор выделяет следующие принципы формирования социально-правовой компетентности у воспитанников детского дома: принцип педагогической поддержки (помощь ребенку в становлении его субъектности, жизненном самоопределении через передачу нравственно-правовых средств разрешения внутренних и внешних конфликтов); принцип социальной реабилитации и адаптации (превращение воспитанника в субъекта социализации, когда он активно усваивает заложенные в обществе социальные, правовые нормы и культурные ценности); принцип создания педагогически целесообразной среды (создание особой среды детского дома, особого характера отношений, максимально содействующих формированию у ребенка тех социальных качеств, которые помогут ему безболезненно включиться в общественные отношения); принцип социального закалывания (выработка социального иммунитета, стрессоустойчивости, рефлексивной позиции), а также принцип защиты и охраны прав и свобод ребенка [5].

Эффективность проводимой работы по формированию социально-правовой компетентности у воспитанников детского дома, на наш взгляд, обеспечивается и за счёт комплексного использования интерактивных методов работы, которые характеризуются обязательной работой в малых группах, основанной на игровых формах обучения, где проявляется активность подростков, осуществляется аккумуляция и передача социального опыта, создаются условия для более полной самореализации личности. Среди них: лекции с проблемным изложением, дискуссии и дебаты, интерактивные упражнения, деловые и ролевые игры, круглые столы, мозговые штурмы, case-study (анализ конкретных, практических ситуаций). Отметим, что интерактивные методы работы способствуют гармоничному включению подростков в структуру воспитательной системы детского дома, которая призвана обучить их основам правоведения и научить активно, использовать полученные знания на практике, а также сформировать необходимые умения и навыки для решения социально-правовых и значимых задач в общественной жизни.

Использование интерактивных методов обучения предполагает следующую логику познавательной деятельности: мотивация – формирование нового опыта – его осмысление через применение – рефлексия. Причём формирование нового опыта осуществляется с учётом имеющегося опыта, создания проблемных диалогических ситуаций, образующихся на основе возникающих противоречий, рождения новых познавательных мотивов и интересов.

Обобщая представленный выше материал, мы отмечаем, что процесс формирования социально-правовой компетентности воспитанников детского дома будет протекать успешно, если:

- осуществлена целенаправленная работа по формированию знаний и положительного отношения подростков к социально-правовым нормам и явлениям, способности соблюдать социальные нормы и правила поведения в обществе и др.;
- разработан и реализован комплекс интерактивных методов работы, повышающих уровень самостоятельности и активности подростков, их мотивации и интереса к проблеме, продуктивного взаимодействия участников совместной деятельности.

1. *Алексеева Т.Н.* Формирование социально-правовой компетентности детей-сирот старшего школьного возраста в интернатных учреждениях: дис. ... канд. пед. наук. – Волгоград, 2010. – 151 с.

2. *Гончарова Л.М.* Формирование правовой компетентности будущих специалистов // *Философия образовательного учреждения в условиях реализации ФГОС нового поколения: мат-лы регион. науч.-практ. интернет-конф.* – Ливны, 2012. – С. 5–9.

3. *Ишкильдина Г.Р.* Правовая компетентность личности в период модернизации современного российского общества // *ЕврАзЮж.* – 2012. – № 10 (53). – С. 126–129.

4. *Коротун А.В.* Формирование правовой компетенции у будущих социальных педагогов в процессе профессиональной подготовки: дис. ... канд. пед. наук. – Екатеринбург, 2010. – 279 с.

5. *Марганов А.Г.* Развитие социально-правовой компетентности воспитанников детского дома: автореф. дис. ... пед. наук. – Казань, 2011. – 24 с.

6. *Марганов А.Г.* Барьеры развития социально-правовой компетентности воспитанников детского дома // *Формирование жизнеспособности детей группы риска: мат-лы межрегион. молодежного семинара с международным участием (14–17 октября 2011 г.)* / науч. ред. Р.А. Валеева. – Казань: ИГМА-пресс, 2011. – С.113-117.

7. *Федотова Е.Л., Деревцова Е.Н.* Готовность к партнерским отношениям как качественный показатель профессиональной компетентности социального педагога // *Вестник Томского государственного педагогического университета.* – 2013. – № 9 (137). – С. 26–31.

УСЛОЖНЕНИЕ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК ФОРМА ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

П.В. Козловский

Омская академия МВД России

Анализируется влияние процедуры привлечения к уголовной ответственности на эффективность правового регулирования и правосознание граждан. Обосновывается утверждение о том, что чрезмерное усложнение уголовного судопроизводства приводит к фактической декриминализации отдельных преступлений.

Ключевые слова: ответственность, эффективность, уголовное судопроизводство, усложнение процедуры, процессуальная декриминализация.

COMPLICATION OF PROCEDURE AS A FORM OF EXEMPTION FROM CRIMINAL RESPONSIBILITY

P.V. Kozlovskiy

Omsk academy MIA of Russia

The influence of the procedure of bringing to criminal responsibility for the effectiveness of legal regulation and the legal consciousness of citizens is analyzed. The assertion that the excessive complication of the criminal proceedings leads to the actual decriminalization of certain crimes is substantiated.

Key words: criminal responsibility, efficiency, criminal procedure, complication of the procedure, procedural decriminalization.

Эффективность правового регулирования в значительной степени зависит от качества контроля и привлечения нарушителей к ответственности. Безднаказанность в сочетании с трудновыполнимыми процедурными требованиями создает предпосылки для массовых нарушений закона, закреплению в правосознании допустимости и даже необходимости игнорирования права, ставя законопослушных участников правоотношений в неравное положение с правонарушителями. Особенно остро данная проблема проявляется в уголовном судопроизводстве.

Опыт последних лет показал, что продолжающаяся либерализация уголовной политики в сочетании с формализацией уголовного судопроизводства негативно сказалась на борьбе с отдельными видами преступлений.

Одним из примеров является реформирование в 2011 г. порядка возбуждения уголовных дел о налоговых преступлениях. Правоохранительные органы были лишены возможности самостоятельно выявлять указанные преступления. Единственным допустимым поводом для возбуждения уголовного дела стали материалы Федеральной налоговой службы РФ. Проблема заключалась в том, что налоговая инспекция не имеет полномочий по проведению оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий. Налоговая проверка всегда осуществляется после того, как преступление совершено, многие следы уничтожены и преступники тщательно подготовились к оказанию противодействия. При этом отсутствуют механизмы доказывания преступного сговора, отыскания доказательств за пределами местонахождения организации (в жилищах, автомобилях и т. п.) и многие другие возможности, которыми обладают полиция и Следственный комитет РФ. В результате налоговые органы не смогли вы-

являть сложные и хорошо подготовленные налоговые преступления, совершенные организованными преступными группами с использованием подставных лиц и организаций. Количество возбужденных уголовных дел и лиц, привлеченных к уголовной ответственности после изменения УПК РФ [3] значительно снизилось. Одновременно была введена норма, обязывающая органы расследования и суд прекращать уголовные дела, если лицо, совершившее налоговые преступления до назначения судебного заседания возместило ущерб, причиненный бюджетной системе Российской Федерации [5]. Изучение практики показывает, что случаи прекращения уголовного дела по данному основанию единичны. Обвиняемые справедливо полагают, что процесс и так закончится для них благополучно: за истечением срока давности привлечения к уголовной ответственности или по реабилитирующему основанию [1, с. 14].

В ходе исследования было осуществлено интервьюирование 12 представителей малого бизнеса и юристов, обслуживающих предпринимателей. Все без исключения указали на невозможность неукоснительного соблюдения закона и эффективной конкуренции на рынке. Компания, уклоняющаяся от уплаты налогов, существенно снижает издержки, может предложить товары и услуги по более низкой цене, привлечь квалифицированных сотрудников за счет более высокой оплаты труда. Законопослушный налогоплательщик в сложившихся условиях нередко не может выдержать недобросовестную конкуренцию и становится банкротом. В сложившихся условиях уклонение от уплаты налогов расценивалось респондентами как необходимое и естественное условие существования на рынке. Один из юристов прямо сказал, что не видит смысла в полном объеме платить налоги, так как нарушитель ничем не рискует. Вероятность выявления преступления минимальна. Даже если уголовное дело будет возбуждено, органам расследования будет достаточно сложно собрать доказательства для предъявления обвинения. В случае успешного завершения расследования можно погасить доказанный ущерб и продолжить коммерческую деятельность.

Законодатель невольно вместо создания благоприятного режима для осуществления предпринимательской деятельности способствует расширению сферы действия теневого права [2, с. 62]. Очевидная ошибочность такого подхода привела к возврату в 2014 г. правоохранным органам права самостоятельно начинать расследование налоговых преступлений [4].

Другим примером является последовательная либерализация уголовной ответственности и усложнения порядка уголовного судопроизводства по фактам причинения побоев.

Первоначальная редакция УПК РФ вообще не предполагала какого-либо механизма защиты интересов пострадавшего в результате совершения в отношении него преступления, относящегося к категории дел частного обвинения, неизвестным лицом. Для привлечения к уголовной ответственности необходимо было обратиться с заявлением в мировой суд, в котором должны были указываться данные о лице, привлекаемом к уголовной ответственности. При отсутствии указанных сведений судья отказывал в принятии заявления.

Не предполагал УПК РФ в подобных случаях и обращение потерпевших с соответствующими заявлениями в прокуратуру и органы внутренних дел, Полномочие правоохранных органов возбуждать дела частного обвинения было связано лишь с особенностями личности потерпевшего, который в силу зависимого или беспомощного состояния либо по иным причинам (возраст, состояние здоровья и т. п.) не способен самостоятельно воспользоваться принадлежащими ему правами. В результате отказ от возбуждения уголовного дела фактически исключал возможность получения потерпевшим судебной защиты своих прав и законных интересов. Указанная ошибка законодателя была исправлена Конституционным Судом РФ, который признал не соответствующими Конституции РФ положения закона, не обязывающие принимать меры, направленные на установление личности виновного в преступлении и привлечение его к уголовной ответственности по делам частного обвинения [7].

Очередным шагом по смягчению ответственности за причинение побоев стал перевод указанного преступления в разряд административных правонарушений [6]. Лишь при повторном причинении лицом побоев лицо подлежит уголовной ответственности. Непосвященному читателю может показаться, что изменения заключаются лишь в смягчении санкции за данное правонарушение. Однако последствия указанных нововведений будут намного серьезнее. Во-первых, при нанесении неустановленным лицом побоев нельзя будет использовать средства оперативно-розыскной деятельности. Установление лица будет осуществляться в рамках производства по делу об административном правонарушении, где отсутствуют эффективные средства раскрытия деяний совершенных в условиях неочевидности, а сроки давности привлечения к ответственности значительно меньше. Фактически, по делам, где нападавшего не удалось задержать на месте преступления, установление лица (за редкими исключениями) осуществляться не будет. Во-вторых, преступление, предусмотренное ст. 116¹ УК РФ «Нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию» в соответствии с ч. 2 ст. 20 УПК РФ отнесено к категории дел частного обвинения. Однако даже в ситуации, когда личность нападавшего известна, пострадавший лишен возможности самостоятельно обратиться в мировой суд. Ему необходимо установить факт привлечения к административной ответственности за причинение побоев, оценить, считается ли лицо на момент совершения правонарушения привлеченным к административной ответственности, и лишь затем подать заявление. Без предварительного обращения в полицию сделать это будет невозможно. В-третьих, в сложной ситуации окажется лицо, обороняющееся от нападения. С одной стороны при защите от административного правонарушения причинение тяжких повреждений с высокой долей вероятности может быть признано превышением пределов необходимой обороны. С другой стороны заранее спрогнозировать последствия нанесения побоев невозможно: удар по голове может привести как к образованию синяка, так и к тяжелому увечью.

Отсутствие эффективного механизма привлечения к ответственности за нанесение побоев неизбежно приведет к росту убийств и случаев причинения тяжкого вреда здоровью. Ответной реакцией со стороны населения станут самосуд и иные незаконные формы защиты от посягательств.

Явление, когда сложная и неэффективная процедура делает крайне сложным или почти невозможным привлечение к ответственности, можно назвать процессуальной декриминализацией. Представляется, что данное это негативно скажется на формировании правосознания и правовой культуры граждан, будет способствовать формированию неправовых механизмов регулирования отношений, которые вышли из под контроля государства. Мы уже имели богатый опыт в этой части в 90-х годах прошлого века. Стоит ли к нему возвращаться?

1. Александров А.С., Горюнов В.Ю., Пятых Я.С. Кризис правового механизма уголовного преследования по делам о налоговых преступлениях // *Мировой судья*. – 2013. – № 12. – С. 14.

2. Малахов В.П. *Общая теория права и государства. К проблеме правопонимания: учебное пособие*. – М., 2013. – С. 62.

3. О внесении изменений в статьи 140 и 241 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: федеральный закон от 06.12.2011 № 407-ФЗ // *Российская газета*. – 2011. – 9 дек.

4. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 22.10.2014 № 308-ФЗ // *Российская газета*. – 2014. – 24 окт.

5. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 07.12.2011 № 420-ФЗ // *Российская газета*. – 2011. – 9 дек.

6. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобожде-

ния от уголовной ответственности: федеральный закон от 03.07.2016 № 323-ФЗ // Российская газета. – 2016. – 8 июля.

7. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.06.2005 № 7-П «По делу о проверке конституционности положений частей второй и четвертой статьи 20, части шестой статьи 144, пункта 3 части первой статьи 145, части третьей статьи 318, частей первой и второй статьи 319 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами Законодательного Собрания Республики Карелия и Октябрьского районного суда города Мурманска» // Российская газета. – 2005. – 8 июля.

ВЗАИМОСВЯЗЬ СТИЛЯ СЕМЕЙНОГО ВОСПИТАНИЯ И СТРАТЕГИЙ ПОВЕДЕНИЯ В КОНФЛИКТЕ У РОДИТЕЛЕЙ ПОДРОСТКОВ

А.В. Колодина, Т.Д. Крико

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

Настоящее исследование посвящено анализу связи стиля семейного воспитания и стратегий поведения в конфликте у родителей подростков. В результате исследования установлено, что основными причинами возникающих конфликтов между подростками и родителями являются отсутствие помощи подростков по дому и их успеваемость в школе, преобладающим стилем поведения в конфликте у родителей подростков является дисциплинирование – направленность на соблюдение правил и норм, ориентация на стимулирование ребенка к выполнению требований родителей, преобладающими стилями воспитания в семьях подростков являются доминирующая гиперпротекция и потворствующая гиперпротекция.

Ключевые слова: стили семейного воспитания, стратегии поведения в конфликте, подростки.

RELATIONSHIP FAMILY EDUCATION STYLE AND STRATEGIES BEHAVIOR IN THE CONFLICT OF ADOLESCENTS AND THEIR PARENTS

A.V. Kolodina, T.D. Kriko

Dostoyevsky Omsk State University

The present study focuses on the examination of the relationship of family upbringing style and strategies of behavior in conflict parents of teenagers. The study established that the main causes of conflict between teenagers and parents is the lack of assistance Teens at home and their performance in school, the predominant style of behavior in conflict parents of teenagers is discipline – the focus on compliance with rules and regulations, focus on encouraging the child to meet the requirements of parents, the predominant parenting style in families of adolescents are dominance and indulgence.

Key words: styles of family education, the strategy of behavior in conflict, teenagers.

Семья это один из важнейших институтов воспитания ребенка. В семье закладываются основы личности, характера, морали, нравственности, система ценностей и норм. Экономическая нестабильность в современном обществе способствует сверхзанятости родителей, что часто приводит к нарушению эмоциональных связей и взаимопонимания с детьми. Довольно часто родители основное внимание уделяют функции контроля успеваемости ребенка в школе, поведении в обществе, активности в кругу сверстников, но совершенно упускают из вида психологическое состояние ребенка, не обращают внимание на его эмоциональное состояние, списывая это на усталость, беспечность, возраст. Как следствие дети лишены внимания и эмоциональной поддержки родителей, не всегда могут обсудить с ними свои проблемы и трудности, иногда бояться рассказать им о существующих сложностях, избегая тем самым физических наказаний и т. п. [2]

Все это обусловлено доминированием авторитарно-командного стиля общения с детьми в современном обществе. Такой стиль, как правило, ориентирован на строгое и последовательное выполнение поручений и указаний родителя, без учета индивидуальности и мнения ребенка. В результате чего усиливается дистанция между родителями и ребенком, в рамках которой родитель выступает контролером и «надсмотрщиком», а ребенок – исполните-

лем воли родителя. Следствием разобщенности детей и родителей становятся конфликты, в которых происходит усугубление детско-родительских отношений посредством непонимания ребенка и санкционирования его поведения, без совместного анализа существующих проблем ребенка, его поддержки и помощи ему в их разрешении. Довольно часто подобные конфликты сопряжены с психологическим и физическим насилием по отношению к ребенку.

Высокий уровень конфликтности в семье влечет за собой множество проблем, проявляющиеся в эмоциональном отдалении родителей и подростков друг от друга, развитие агрессии по отношению друг к другу, демонстративном поведении подростков (например: самовольные уходы из дома, грубость по отношению к окружающим, агрессивность при взаимоотношении со сверстниками), либо, напротив, приводят к замкнутости, стремлению к одиночеству у подростков. В связи с чем, чрезвычайно важно, изучать преобладающие стили взаимоотношений в семьях подростков, специфику поведения в конфликтах родителей и детей, на этапе отсутствия вышеперечисленных проблем, с целью выявления риска психологических дисгармоний и принятия своевременных мер по их нейтрализации.

Представленное исследование направлено на изучение связи стиля семейного воспитания и стратегий поведения в конфликте у родителей подростков. Для реализации поставленной цели применялся диагностический комплекс, включающий следующие методики: опросник для изучения агрессивности Басса-Дарки [1], опросник Э.Г. Эйдемиллера и В.В. Юстицкиса «Анализ семейных взаимоотношений» (АСВ) [5], CTSPC – Шкала тактики поведения в родительско-детском конфликте (Parent to Child Conflict Tactics Scales) [4]. Для обработки результатов исследования использовался корреляционный анализ (критерий r -Пирсона) [3].

Проведенное исследование является практическим заказом администрации МБОУ «Горячключевская СОШ» Омской области. Выборку исследования составили 25 подростков (учеников 7–8 классов МБОУ «Горячключевская СОШ»), в возрасте 13–14 лет и их 25 матерей подростков. Полученные результаты были использованы для построения программы работы с подростками психологом, социальным педагогом и классными руководителями.

Результаты исследования: проведенное исследование показало, что преобладающими стилями воспитания в семьях подростков являются доминирующая гиперпротекция и потворствующая гиперпротекция, как следствие в семьях исследуемых нами подростков осуществляется либо жесткая регламентация поведения детей и санкционирование «нежелательного», с точки зрения родителей, поведения, либо осуществляется воспитанию по принципу ребенок – «кумир семьи». Все это приводит к инфантилизму и отсутствию самостоятельности подростков.

Родители, стараясь оградить своего ребенка от проблем, решают все проблемы и задачи за него, при этом, не обращаясь к самому ребенку, не учитывая его способности и возможности, индивидуальный стиль совладания с жизненными задачами, напротив, блокируя его развитие. Выявленные стили воспитания, как упоминалось ранее, стимулируют формирование инфантильности и несамостоятельности, а также приводят к тому, что потребность в самоуважении и само принятии подростка не реализуется и подросток начинает «протестовать», реализуя то поведение, которое, по его мнению, является оптимальным для конкретной ситуации, либо не может самостоятельно справиться с поставленными учебными или социальными задачами. Все это стимулирует развитие конфликтов в семье.

Основными причинами, возникающих конфликтов, между подростками и родителями, являются отсутствие помощи подростков по дому и их успеваемость в школе. С нашей точки зрения, во многом эти причины обусловлены теми стилями воспитания, которые применяются в семьях подростков. Блокирование самостоятельности подростков, их жесткий контроль и дисциплинирование приводит к отсутствию желания проявлять инициативу, предпринимать какие-то действия, страху сделать ошибку и быть наказанным.

Преобладающим стилем поведения в конфликте у родителей подростков является дисциплинирование – направленность на соблюдение правил и норм, ориентация на стимулирование ребенка к выполнению требований родителей. Следовательно, при возникновении и развитии конфликтной ситуации родители подростков, чаще прибегают к авторитарным методам решения проблем, ориентируясь на принуждение ребенка к выполнению тех условий, которые заданы родителями, не учитывая мнение ребенка и его возможности в реализации существующих правил и норм.

На последнем этапе исследования нами были установлены значимые корреляционные связи: доминирующей гиперпротекцией и психологической агрессией ($r = 0,52$ при $p \leq 0,05$), потворствующей гиперпротекцией и дисциплинированием ($r = 0,61$, при $p \leq 0,05$). Полученные взаимосвязи указывают на то, что выполнение воли родителя и подчинение, установленным им правилам сопряжено с воздействием на ребенка криками, повышенным голосом, его унижением или оскорблением, в случае неподчинения. Тогда как при «культивировании» и идеализации ребенка родители ориентированы на беседы, нравоучения и навязывание своей точки зрения в рамках общения с ребенком. Таким образом, доминантность и авторитарность родителя предопределяет жесткость их поведения в конфликтной ситуации по отношению к собственному ребенку, что приводит к формированию психологической дистанции и эмоциональной отстраненности подростков и родителей друг от друга.

Полученные результаты свидетельствуют о необходимости разработки, школьным психологом, программ психологического консультирования родителей подростков по вопросам оптимизации взаимодействия с детьми, обучения толерантности, умения слушать и понимать своего ребенка. Подобные программы могут быть реализованы посредством тренингов, предполагающих участие родителей и подростков, либо тематических занятий с родителями.

1. Альманах психологических тестов. – М.: КСП, 2006. – 538 с.

2. Дементий Л.И., Колодина А.В. Психологические факторы ответственного родительства в современной семье // Социализация молодежи в трудной жизненной ситуации: традиции и инновации: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (13–14 марта 2014 г.): сб. ст. – М.: ИМСГС, 2014. – С. 18–23.

3. Наследов А.Д. Математические методы психологического исследования. – СПб.: Речь, 2006. – 392 с.

4. Фурманов И.А. Агрессия и насилие: диагностика, профилактика и коррекция. – СПб.: Речь, 2007. – 480 с.

5. Эйдемиллер Э.Г., Юстицкис В. Психология и психотерапия семьи. – 4-е изд. – СПб.: Питер, 2008. – 672 с.

ВЗАИМОСВЯЗЬ БРАЧНО-СЕМЕЙНЫХ УСТАНОВОК С ПСИХОЛОГИЧЕСКИМ ПОЛОМ ЛИЧНОСТИ НА РАЗНЫХ ЭТАПАХ СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ

А.Ю. Маленова, К.В. Королева

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

Изучены представления об идеальной(ом) супруге, ролевые ожидания и притязания, семейные установки мужчин и женщин на разных этапах семейных отношений. Обнаружены взаимосвязи брачно-семейных установок и психологического пола с учетом пола биологического и этапа семейных отношений молодых людей.

Ключевые слова: личность, психологический пол, брачно-семейные установки, ролевые ожидания и притязания, семейные отношения, динамика жизнедеятельности семьи.

INTERRELATION OF MATRIMONIAL INSTALLATIONS WITH A PSYCHOLOGICAL SEX OF THE PERSONALITY AT DIFFERENT STAGES OF THE FAMILY RELATIONS

A.Yu. Malenova, K.V.Koroleva

Dostoevsky Omsk State University

Ideas of the ideal spouse, role expectations and claims, family installations of men and women at different stages of the family relations are studied. Interrelations of matrimonial installations and a psychological sex taking into account a sex biological and a stage of the family relations of young people are found.

Key words: personality, psychological sex, matrimonial installations, role expectations and claims, family relations, dynamics of activity of a family.

Одной из наиболее актуальных тем была и остается тема взаимоотношения полов. С самого рождения ребенок неосознанно усваивает модели поведения, которые демонстрируют его родители. Отец и мать служат для ребенка образцами мужественности и женственности. Девочки неосознанно усваивают материнские черты, в то время как мальчики хотят быть похожими на отца [4]. Семья является важной ступенькой в становлении полового самосознания ребенка. Из семьи ребенок впервые узнает о существовании двух полов, что помимо его пола существует еще и противоположный. К пяти годам дети научаются различать мужчин и женщин по внешнему виду и половым признакам, а так же могут разделить выполняемые ими виды деятельности. Более того, у ребенка формируется уверенность в принадлежности к определенному полу [5]. Стоит отметить, что в норме половое самосознание соответствует биологическому полу человека. Таким образом, можно сделать вывод, что помимо биологически заданных характеристик, на становление личности оказывает влияние семья, общество в целом.

Для определения соответствия поведения характеристикам маскулинности-феминности учеными был введен термин – «психологический пол». Помимо маскулинного и феминного типов С. Бэм выделяет так же андрогинный тип, совмещающий в себе как мужские, так и женские качества [3]. Маскулинная или феминная половая роль, в совокупности, с прошлым опытом могут определять установки личности в разных сферах его жизни. На наш взгляд,

было бы интересно изучить каким образом психологический пол личности взаимосвязан с установками относительно семейной сферы. Под брачно-семейными установками принято понимать позицию личности в отношении брака и семьи, сформированную на основе опыта, которая определяет состояние готовности к браку и поведение человека в брачно-семейной сфере.

Главной особенностью семьи как социального института является то, что личность включена в нее на протяжении всей своей жизни. Покидая родительскую семью, молодежь создает свою собственную и этот процесс непрерывен. В свою очередь, динамика семейных отношений оказывает влияние и на саму личность, включенную в них. И психологический пол, на наш взгляд, выступает одним из возможных конструктов, подверженным этому влиянию. На основе этого предположения нами было принято решение изучить психологический пол личности и брачно-семейные установки молодежи через призму конкретного этапа семейных отношений.

Поскольку в период ранней взрослости, согласно позиции Э. Эриксона, происходит укрепление эмоциональных связей, а главной задачей является поиск спутника жизни и создание семьи [6], то нас заинтересовал возрастной промежуток от 20 до 25 лет. Однако общество значительно изменилось: в современном мире существует тенденция все к более позднему вступлению в брак и, как следствие, рождению детей. Опираясь на данные РОССТАТа [2], нами было принято решение расширить границы возрастного диапазона респондентов до 30 лет. Также стоит отметить, что выбранную нами группу, можно обозначить как «молодежь». В государственной молодежной политике РФ отмечается, что это молодые люди в возрасте до 30 лет [1]. Таким образом, в нашем исследовании приняли участие представители одной социально-демографической группы, но находящиеся на разных этапах семейных отношений в возрасте от 20 до 30 лет.

Основная идея нашего исследования заключалась в изучении полоролевых характеристик современной молодежи через призму брачно-семейных отношений. Итак, в нашем исследовании приняли участие три группы респондентов: юноши и девушки, не состоящие в браке; семьи молодоженов; семьи с маленькими детьми. Общее количество составило 270 человек, по 90 в каждой группе, из них 45 мужчин и 45 женщин. Таким образом, мы пытались охватить несколько этапов жизнедеятельности семьи, которые условно можно обозначить, как добрачный, супружеский, родительский. На наш взгляд, данные группы помогут обнаружить закономерности, потенциально возникающие при «переходе» от одной роли к другой, и имеющие отражение не только в отношениях, но и в личности партнеров через призму психологического пола.

Главной целью нашего исследования было изучить взаимосвязь брачно-семейных установок с психологическим полом личности на разных этапах семейных отношений. Данная цель была конкретизирована в задачах и методах их решения, в том числе через выбор соответствующего методического инструментария. Для изучения представлений об идеальном супруге была использована «Тестовая методика личностного семантического дифференциала» О.Л. Кустовой. Изучение ролевых ожиданий и притязаний в браке было осуществлено с помощью одноименного опросника А.Н. Волковой. С помощью опросника «Измерение установок в супружеской паре» Ю.Е. Алешиной, И.Я. Гозмана, Е.М. Дубовской были изучены семейные установки мужчин и женщин. В свою очередь, «Методика на выявление психологического пола личности» С. Бэм, позволила определить существующие тенденции молодежи к феминному, маскулинному или андрогинному типам.

Для обработки полученных данных применялись программы вычисления MS Excel, SPSS с использованием следующих математических методов: первичная описательная статистика (средние значения и стандартные отклонения), критерии t-Стьюдента, U-Манна-Уитни

и ф-Фишера (выявление значимых различий показателей мужчин и женщин на разных этапах семейных отношений), коэффициент корреляции Пирсона (установление связи психологического пола и брачно-семейных установок).

Результаты исследования и их обсуждение.

Первый этап исследования был направлен на изучение брачно-семейных установок, а именно установок молодых людей к семье в целом, к отдельным сферам семейной жизнедеятельности, а также представления об идеальном партнере. Независимо от этапа семейных отношений мужчины наделяют идеальную супругу такими качествами как «Сила личности» и «Современность», в то время как женщинами идеал мужчины наделяется такими качествами как «Современность» и «Маскулинность. При этом, мужчины и женщины, состоящие в браке, в целом дают более низкие оценки своему идеальному партнеру, чем молодые люди на добрачном этапе и супруги с детьми.

И мужчины и женщины на всех этапах семейных отношений выделяют значимость таких семейных ценностей как «Социальная активность» и «Эмоционально-психотерапевтическая». Потенциально, наиболее согласованной сферой является хозяйственно-бытовая, при этом наиболее конфликтная зона – совмещение профессиональной и родительской ролей. На разных этапах семейных отношений, как у мужчин, так и у женщин, присутствует рассогласование между ролевыми ожиданиями и притязаниями.

У мужчин и женщин преобладают установки относительно высокой значимости детей и любви романтического типа, они более ориентированы на совместное выполнение деятельности и отдают предпочтение патриархальному устройству семьи.

Стоит отметить, что изучение брачно-семейных установок было необходимо для выявления их взаимосвязей с психологическим полом личности на разных этапах семейных отношений. Изучение последнего и выступило задачей второго этапа нашего исследования. В свою очередь, его результаты выявили следующую закономерность: у современного человека сохраняется тенденция к проявлению психологических характеристик, свойственных биологическому полу, – склонность к феминности у женщин и маскулинности у мужчин, на фоне преобладания в целом андрогинного типа личности. Также стоит отметить, что появление новых ролей, обусловленных динамикой семейных отношений, способствует как усилению психологического пола личности, так и проявлению характеристик противоположного типа. В результате чего наблюдаются тенденции к усилению маскулинизации мужчин и женщин и росту показателей их феминности.

Что касается собственно взаимосвязей психологического пола и установками в брачно-семейной сфере, то их наибольшее количество было обнаружено в группе незамужних женщин. Чем выше показатели феминности у девушек, тем в большей степени ценность супружества связана для них с наличием общих интересов с партнером, готовностью к активному взаимодействию и организации совместной семейной деятельности. Такой тип женщин стремится к традиционной модели семьи, в которой центром являются дети. От этого типа женщин можно ожидать закрепления эмоционально-терапевтической функции и роли воспитателя. При этом активность супруга в качестве отца для феминных женщин также имеет значение. В свою очередь, девушки маскулинного типа, скорее, ориентированы на равноправие отношений между супругами, выбирая в качестве приоритетной эгалитарную модель.

На выборке юношей была обнаружена только одна взаимосвязь обратного характера между психологическим полом и притязаниями в области внешней привлекательности. Таким образом, с увеличением феминности притязания к собственной внешности уменьшаются и, наоборот, для маскулинных мужчин их внешность имеет особую ценность. Также усиление мужественности было обнаружено на выборке женатых мужчин. Помимо этой связи, у женатых мужчин была обнаружена обратная взаимосвязь психологического пола с парамет-

ром «Эмоциональность» в образе идеальной супруги. Таким образом, более мужественному мужчине нужна более женственная, эмоциональная женщина. В то время как, феминного мужчину скорее привлечет женщина сдержанная.

Что касается супругов с детьми, то в нашем исследовании взаимосвязи психологического пола были обнаружены как с представлениями об идеальном партнере, так и в сферах ролевых установок. Независимо от пола, феминный тип личности стремится к любви романтического типа. Причем, более феминные мужчины склонны бережно относиться к деньгам. В женской выборке, были обнаружены связи в области ожиданий внешней привлекательности партнера и требований к идеалу, в частности к уровню его зависимости и эмпатии. В связи с появлением ребенка особую ценность для матери приобретает «тяготение» супруга к семье, даже некоторая зависимость от нее. Об этом также может косвенно свидетельствовать связь между феминностью женщины и снижением притязаний относительно внешней привлекательности партнера. Тогда как женщины более маскулинные, наоборот, могут повышать требования к супругам в этой сфере.

Таким образом, результаты нашего исследования позволяют заключить, что с изменением семейного положения динамические тенденции охватывают не только ценностно-ролевую структуру отношений, но и более устойчивые личностные конструкты, в частности дальнейшей коррекции подвергаются качества, определяющие психологический пол. Действительно с развитием семейных отношений увеличивается число андрогинных мужчин с тенденцией к феминности, а среди женщин возрастает число андрогинных с тенденцией к маскулинности. Однако, важно также и то, что, несмотря на общую андрогинизацию, у мужчин и женщин существуют установки относительно совместного выполнения деятельности, они выделяют ценность любви и детей, отдавая, в целом, предпочтение патриархальной семейной модели. Это вызывает особый интерес на фоне роста у молодежи привлекательности эгалитарных, равноправных отношений между супругами. Вероятно, оформление официального брака и появление в нем детей, меняет взгляд не только на супружество и семейные обязанности, но и на себя как партнера, предрасположенного к реализации тех или иных задач, часто обусловленных социальными характеристиками, надстроеными над соответствующими биологическими.

1. Основы государственной молодежной политики РФ. – URL: <http://government.ru/media/files/ceFXleNUqOU.pdf>.

2. РОССТАТ. – URL: www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/.

3. Бем С. Линзы гендера: трансформация взглядов на проблему неравенства полов. – М.: РОССПЭН, 2004.

4. Емельянова Л.К. Влияние семьи на воспитание подростка // Воспитание молодежи в развитии социалистического обществе. – 1973. – Ч. 2. – С. 57–63.

5. Исаев Д.Н., Каган В.Е. Психогигиена пола у детей: руководство для врачей. – Л.: Медицина, 1986. – 336 с.

6. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис / пер. с англ. – М.: Прогресс, 1996. – 340 с.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ТИПА КОРПОРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ С МОТИВАЦИЕЙ ТРУДА И УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬЮ ТРУДОМ У РАБОЧИХ И ИНЖЕНЕРНО-ТЕХНИЧЕСКИХ СОТРУДНИКОВ

Я.С. Нечитайло, С.В. Чернобровкина

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

В статье представлены результаты исследования корпоративной культуры, удовлетворенности трудом и мотивации труда у рабочих и инженерно-технических специалистов. Главной задачей исследования было выявление связей типов корпоративной культуры с мотивацией и удовлетворенность трудом у сотрудников предприятия. В группе инженерно-технических работников выявлены значимые отрицательные взаимосвязи реального адхократического типа корпоративной культуры с внешней положительной и внешней отрицательной мотивацией труда. У рабочих взаимосвязей выявлено не было.

Ключевые слова: корпоративная культура, мотивация труда, удовлетворенность трудом.

INTERRELATION OF A CORPORATE CULTURE'S TYPE WITH MOTIVATION OF WORK AND SATISFSCION WITH WORK BY WORKERS AND ENGINEERING EMPLOYEES

Y.S. Nechitailo, S.V. Chernobrovkina

Dostoevsky Omsk State University

This article describes the results of a study of corporate culture, job satisfaction and motivation of workers and engineering-technical specialists. The main objective of the study was to identify relationships types of corporate culture with motivation and job satisfaction of employees. In the group of technical workers revealed significant negative relationship of real adhocracies type of corporate culture with external positive and external negative motivation. Have a working relationship have been identified.

Key words: work motivation, job satisfaction, corporate culture.

Корпоративная культура – один из распространенных способов контроля и мотивирования сотрудников. В современной литературе существует довольно много определений данного понятия, которые рассматривают его с различных сторон. Одно из них гласит, что: «Корпоративная культура – это совокупность убеждений, отношений, норм поведения и ценностей, общих для всех сотрудников данной организации. Они могут не быть четко выражены, но при отсутствии прямых инструкций определяют способ действий и взаимодействия людей и в значительной мере влияют на ход выполнения работы» [1, с. 194].

Первые исследования на тему корпоративной культуры проводились в США в 1980–1990-х гг., так что можно считать данное направление молодым и перспективным в своем изучении. Но, к сожалению, считается мало изученным.

Рассмотрение этой проблемы является важным на данный момент, так как многие промышленные предприятия находятся в сложной, а точнее кризисной ситуации. Сейчас очень важна поддержка и грамотное стимулирование своего персонала для более эффективного труда. По заключению экспертов, российские предприятия, не достаточно глубоко осознают, что проблемы эффективного управления персоналом теперь решаются не опытом принужде-

ния, а более гибкими, современными подходами. На смену прошлым общепризнанным ценностям: дисциплина, послушание, иерархия и власть, приходят другие: участие, самоопределение, коллектив, раскрытие личности и творчество. На важность также влияет запросы от руководителей компаний и предприятий.

Чем серьезнее руководители будут обращать внимание на корпоративную культуру, тем быстрее будет повышаться эффективность работы сотрудников. Многие западные и российские предприниматели пришли к выводу, что процветает та организация, в которой создан сплоченный коллектив, где нет жесткой иерархии, где каждый сотрудник заинтересован в общем успехе, так как от этого зависит его материальное благополучие и внутреннее удовлетворение. Эффективнее та организация, коллектив которой имеет хорошо развитую корпоративную культуру.

Главной проблемой и задачей данного исследования является изучение взаимосвязи типа корпоративной культуры с мотивацией труда, удовлетворенностью трудом у сотрудников организации на примере сотрудников Производственного Объединения «Полет», г. Омска.

Первоочередной вопрос для данного предприятия – эффективное управление персоналом с целью повышения производительности труда, развитие корпоративной культуры предприятия, выход компании на новый уровень рыночных отношений.

Целью данного исследования выявить взаимосвязь типа корпоративной культуры с мотивацией труда и удовлетворенностью у различных категорий сотрудников организации.

В качестве методов исследования были использованы три методики. Для выявления внутренней, внешней положительной и внешней отрицательной мотивации труда была использована методика «Мотивация труда», разработанная К. Замфир [3]. Вторая методика – опросник «Интегративная удовлетворенность трудом» – позволил изучить разные аспекты удовлетворенности трудом: частные характеристики и общую удовлетворенность [4]. Корпоративная культура была исследована с помощью опросника «Инструмент оценки организационной культуры» (К. Камерон и Р. Куин). Он позволяет выявить реальный и предпочитаемый типы корпоративной культуры [2].

Выборку составили сотрудники производственного объединения «Полет», г. Омска. Всего в исследовании приняли участия 40 работников, из которых, инженерно-технические специалисты – 20 человек (6 женщин и 14 мужчин) в возрасте от 20 до 63 лет; рабочие – 20 человек (2 женщины и 18 мужчин) в возрасте от 20 до 67 лет.

В ходе исследования были получены следующие результаты.

Показатели мотивации сотрудников можно выразить в виде комплексов. У рабочих показатели внутренней, внешней положительной и внешней отрицательной мотивации имеют равное значение. Результат инженерно-технических работников: показатели внутренней мотивации равны внешней положительной и меньше внешней отрицательной мотивации.

Статистический анализ не показал значимых различий видов мотивации труда у рабочих и инженерно-технических работников. Поэтому мы можем говорить только о тенденциях.

У инженерно-технических работников была выявлена ведущая мотивация – внешняя отрицательная. Но при этом имеют равенство внутренней и внешней положительной мотивации.

Опираясь на полученные данные, можно предположить, что инженерно-технические работники работают в сложных условиях, в которых существуют жесткий и тотальный контроль, хорошо проработанная система санкций.

Удовлетворенность трудом анализировалась по общему уровню. У рабочих общий уровень имеет значение 54,6 % от максимального числа. Этот показатель соответствует среднему уровню удовлетворенности трудом, но с тенденцией к повышению.

У инженерно-технических работников – 57,11 %, данный показатель указывает на высокий уровень удовлетворенности.

В результате статистического анализа не было получено значимых различий общей удовлетворенности трудом у рабочих и инженерно-технических работников. Поэтому мы можем говорить лишь о тенденциях.

Одним из важных этапов исследования было выявление реального и предпочитаемого типа корпоративной культуры. У рабочих был выявлен реальный тип корпоративной культуры – адхократический. Статистический анализ показал наличие значимых различий реального и предпочитаемого кланового, иерархического, и рыночного типов корпоративной культуры.

Это говорит о том, что рабочих устраивает только адхократический тип культуры. Наряду с этим, хотели бы усиления значимости всех оставшихся типов культуры. Но стремятся больше к клановому типу культуры.

У инженерно-технических работников совпал реальный и предпочитаемый тип корпоративной культуры, им стал клановый тип. Следовательно, их полностью устраивает сложившийся на предприятии тип корпоративной культуры. Вдобавок, статистический анализ показал наличие значимых различий реального и предпочитаемого типов по всем четырем типам корпоративной культуры. Можно сделать вывод, что инженерно-технические работники полностью удовлетворены иерархией типов корпоративной культуры, но хотели бы усилить выраженность каждого из типов.

Заключительным этапом исследования было нахождение взаимосвязей реального предпочитаемого типов корпоративной культуры с мотивацией труда и удовлетворенностью трудом у рабочих и инженерно-технических работников. В группе рабочих значимых взаимосвязей выявлено не было.

В группе инженерно-технических работников были обнаружены значимые отрицательные взаимосвязи реального адхократического типа корпоративной культуры с внешней положительной и внешней отрицательной мотивацией труда. Это говорит о том, что чем выше адхократический тип корпоративной культуры, тем меньше проявляется внешняя положительная и внешняя отрицательная мотивация труда у данных работников.

Итак, можно сделать следующие выводы по данному исследованию:

В группе рабочих одинаковую выраженность имеют все виды мотивации труда, что говорит о сбалансированном мотивационном комплексе. У инженерно-технических работников ведущей мотивацией является внешняя отрицательная.

Рабочие имеют средний уровень удовлетворенности трудом, а инженерно-технических работников – высокий уровень.

У рабочих реальный тип корпоративной культуры у рабочих – адхократический, предпочитаемый – клановый.

У инженерно-технических работников совпадает реальный и предпочитаемый тип корпоративной культуры – клановый. Но при этом, хотят усилить все типы корпоративной культуры. А также, были выявлены значимые отрицательные взаимосвязи реального адхократического типа корпоративной культуры с внешней положительной и внешней отрицательной мотивацией труда.

1. Армстронг М. Практика управления человеческими ресурсами. – 8-е изд. – М., 2004. – 825 с.

2. Камерон К.С., Куинн Р.Э. Диагностика и изменение организационной культуры: пер. с англ. / под ред. И.В. Андреевой. – СПб.: Питер, 2001. – 320 с. – (Серия «Теория и практика менеджмента»).

3. Реан А.А. Психология изучения личности: учебное пособие. – СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 1999. – 288 с.

4. Фетискин Н.П., Мануйлов Г.М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. – М.: Издательство Института психотерапии, 2002. – 339 с.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ВЗРОСЛОСТИ У СОВРЕМЕННЫХ СТУДЕНТОВ

С.В. Чернобровкина

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

Представлены результаты эмпирического исследования представлений о взрослости у студентов университета. Представление о собственной взрослости взаимосвязано у студентов с характеристиками профессионального самоопределения и личностными особенностями.

Ключевые слова: представление о взрослости, взросление, образ взрослости, самооценка взрослости.

ADULTNESS CONCEPTION OF MODERN STUDENTS

S.V. Chernobrovkina

Dostoevsky Omsk State University

Presented the results of empirical research. The research goal is studying of students' adultness conception. The adultness conception is interconnected with characteristics of professional development and personal characteristics.

Key words: adultness conception, became in mature, an image of adultness, self-esteem of adultness.

Решение задач профессионального и личностного самоопределения происходит в студенческий период комплексно. Трудности обретения себя в профессии у современных студентов, связаны, по нашему мнению, со спецификой взросления. Противоречия в освоении позиции взрослого человека, являющейся одной из основных задач периода юности, свидетельствуют о переживании молодыми людьми кризиса юности – перехода к взрослости.

Взросление рассматривается нами как сложный, многоплановый процесс, включающий формирование образа взрослости, его освоение и реализацию, а также самооценку качеств взрослого человека личностью.

Д.И. Фельдштейн характеризует взросление как двуединый процесс социализации и индивидуализации, происходящий в период детства, как процесс постоянного изменения структуры определенных качеств и свойств, составляющих социальную и психологическую взрослость. Процесс преобразования индивидуальной структуры происходит посредством формирования и усвоения тех отношений и связей, которые уже имеются во взрослом мире и, присвоив которую, подросток приобретает взрослую целостность. В результате приобщения к миру взрослых, Д.И. Фельдштейн выделяет у подростка появление чувства социальной ответственности (отвечать за себя и общее дело) [2].

Отечественный исследователь Кон И.С. считает период студенчества началом взрослости и указывает на то, что 18–25-летний человек является взрослым и в биологическом, и в социальном отношении. Автор определяет взрослость как стадию жизненного пути, характеризующуюся, с одной стороны, адаптацией, приспособлением к наличным социальным условиям и способностью их воспроизводить, а с другой – самостоятельностью, способностью и умением инициировать нечто новое, изменяя своей, совместно с другими людьми деятельностью унаследованные от прошлого обстоятельства [1].

Собственный опыт преподавательской деятельности и руководства внеучебной работой на факультете психологии ОмГУ им. Ф.М. Достоевского, эмпирические исследования, выпол-

ненные под нашим руководством, знакомство с работами других исследователей по сходной тематике, позволили выделить ряд психологических особенностей учебной деятельности и специфических социально-психологических характеристик личности современных студентов.

1. Размытая, неопределенная профессиональная идентичность

Низкий уровень представлений о специфике выбранной специальности, подавляющее большинство имеют представление «только в общих чертах», о том, чем им предстоит заниматься в будущем.

Неопределенность представлений о будущем трудоустройстве. Надежды на трудоустройство после окончания вуза связаны у студентов с помощью родителей, знакомых и в меньшей степени с собственной активностью и своими личностно-деловыми характеристиками.

2. Трудности учебной деятельности современных студентов.

Доминирование внешней мотивации, низкий уровень внутренних познавательных мотивов.

Трудности самоорганизации в процессе учебной деятельности: пропуски учебных занятий, прокрастинация, фрагментарность подготовки к семинарским и практическим занятиям, трудности систематизации знаний и умений при подготовке к зачетам и экзаменам, использование поведенческого отстранения (большое количество времени, проводимого в Интернете социальных сетях, за компьютерными играми).

3. Социально-психологические характеристики личности студентов

Высокая личностная тревожность, впечатлительность, склонность к рефлексии и низкая стрессоустойчивость. Высокий уровень самопринятия, амбициозность, наличие высоких запросов при отсутствии способов и навыков разрешения проблем. Трудности организации собственного времени, цели подвержены частой смене, планирование малореалистично. Во взаимодействии выраженная индивидуалистичность, ориентация на себя.

Указанные особенности позволяют говорить о противоречивости процессов личностного и профессионального самоопределения современных студентов, что с неизбежностью ставит вопрос не только о формах и методах обучения и способах построения взаимоотношений преподаватель-студент, а шире – об условиях взросления студентов в процессе получения высшего образования.

В нашем исследовании приняли участие студенты (в количестве 60 человек) факультета психологии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, обучающиеся по программам: «специалитет» и «бакалавриат». Данные программы отличаются по длительности периода и содержанию обучения, что влияет на результат образования, на формирование образа взрослости и, вследствие этого, на личностное и профессиональное самоопределение студентов.

Личностное и профессиональное самоопределение являются относительно совпадающими этапами социализации и развития современных студентов, существенным основанием для которых является образ взрослости. Принятие образа взрослости обеспечивает осознание цели и смысла своей дальнейшей жизнедеятельности студентами.

Проблема нашего исследования состоит в выявлении специфики самооценки и образа взрослости у студентов, обучающихся по разным программам: «специалитета» и «бакалавриата» и взаимосвязи данных параметров взрослости с личностными характеристиками: самоотношением, локусом контроля, временной перспективой.

В результате эмпирического исследования были сделаны следующие выводы:

– Образ взрослости у студентов характеризуется такими качествами как: ответственность за себя; ответственность за другого; самостоятельное принятие решений; финансовая независимость. При этом в группе студентов-специалистов существует тенденция к преобладанию частоты встречаемости данных характеристик.

– Студенты-специалисты в сравнении со студентами-бакалаврами характеризуется тенденцией к более высокой оценке у себя качеств взрослого человека по шкалам: ответственность за себя; ответственность за другого; социально-экономическая самостоятельность; реалистичность мышления (воплощение замыслов); самостоятельность в принятии решений.

– Самоотношение студентов-специалистов и студентов-бакалавров имеет высокие показатели выраженности факторов: глобальное самоотношение; самоуважение; аутосимпатия; самоинтерес; самоуверенность; самопринятие; самопоследовательность; самопонимание и низкими показателями выраженности факторов: ожидаемое отношение от других; самообвинение.

– Локус контроля студентов-специалистов и студентов-бакалавров имеет интернальную направленность.

– Временная перспектива студентов двух форм обучения характеризуется устремленностью в будущее. Также в структуре прошлого временной перспективы приоритетным является позитивное прошлое, а в настоящем – гедонистическое настоящее. Негативное прошлое и фаталистическое настоящее выражены значительно меньше в структуре временной перспективы личности, студентов двух форм обучения.

– В группе студентов-специалистов были обнаружены следующие взаимосвязи изучаемых параметров. Личностные факторы: «глобальное самоотношение», «самопоследовательность» в структуре самоотношения; «интернальный локус контроля» положительно коррелируют с самооценкой взрослости по критерию «ответственность за другого». Экстернальный локус контроля отрицательно коррелирует с самооценкой взрослости по критерию «ответственность за другого»; «самоуважение», «отношение других» в структуре самоотношения отрицательно коррелирует с самооценкой взрослости по шкале «экономическая самостоятельность».

– В группе студентов-бакалавров были обнаружены следующие взаимосвязи. Интернальный локус контроля положительно коррелирует с самооценкой взрослости по параметру «ответственность за себя». Личностные факторы: «самопоследовательность» отрицательно коррелирует с самооценкой взрослости по критерию «экономическая самостоятельность»; «гедонистическое настоящее» в структуре временной перспективы отрицательно коррелирует с самооценкой взрослости по шкале «реалистичность мышления»; экстернальный локус контроля отрицательно коррелирует с самооценкой взрослости по параметру «ответственность за себя».

Проведенное исследование показало наличие дифференцированного образа взрослости у студентов, основанием которого являются такие значимые характеристики, как ответственность и самостоятельность. Студенты высоко оценивают собственную взрослость, считая наиболее выраженными у себя качества: самостоятельности, ответственности, реалистичности. При этом студенты, обучающиеся по программе «специалитет», имеют тенденцию к более высоким показателям самооценки взрослости.

Полученные взаимосвязи показали, что оценка собственной взрослости у студентов по критерию «ответственность» (за себя и другого) положительно коррелирует с компонентами самоотношения, и интернальным локусом контроля. Что указывает на гармоничность и целостность взрослеющей личности.

Противоречия существуют, по нашему мнению в оценке собственной взрослости по критерию «экономическая самостоятельность». Данный показатель отрицательно взаимосвязан у студентов с «самоуважением», «отношением других», «самопоследовательностью». Чем выше самоуважение, самопоследовательность, чем позитивнее отношение других, тем ниже самооценка студентов по критерию «экономическая самостоятельность». Полученные результаты требуют дальнейшего осмысления. Предположительно: стремление молодых лю-

дей к финансовой независимости даже при наличии выраженного самоуважения пока не находит желаемых форм реализации, что сказывается на оценке себя как взрослого человека.

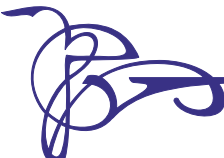
Полученные результаты дают возможность нового осмысления интересов и потребностей современных студентов в контексте процесса взросления.

Стандартизация системы высшего образования, ориентация на нормативность, неготовность, прежде всего, административно-педагогического корпуса к изменениям приводит ко все более заметному разрыву между потребностями и возможностями студентов и требованиями образовательного стандарта.

Указанное противоречие разворачивается в условиях экономической нестабильности и социальной неопределенности, которые требуют формирования у современных студентов так качеств зрелой личности, которые составят основу их социальной мобильности, успешности и уверенности в себе.

1. *Кон И.С.* Психология ранней юности: книга для учителя. – М.: Просвещение, 1989.

2. *Фельдштейн Д.И.* Психология взросления. Структурно-содержательные характеристики процесса развития личности. – М.: Флинта; Московский психолого-социальный институт, 1999.

СЕКЦИЯ
«АКТИВНОСТЬ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЛИЧНОСТИ
В ТРУДНЫХ ЖИЗНЕННЫХ СИТУАЦИЯХ»

УДК 159.923

О МЕХАНИЗМАХ СОВЛАДАНИЯ: КАК ПРОИСХОДИТ
ВЫБОР ИНДИВИДУАЛЬНЫХ И ДИАДИЧЕСКИХ СТРАТЕГИЙ
В НАЧАЛЕ СОВМЕСТНОЙ ЖИЗНИ ПАРТНЕРОВ*

Е.А. Бебнева, Т.Л. Крюкова

Костромской государственный университет

Изучается влияние и взаимодействии индивидуальных и диадических способов совладания со стрессами в близких отношениях. Раскрываются результаты эмпирического исследования о том, как и почему диадические способы совладания влияют на выбор партнерами индивидуальных копинг-стратегий в начале их совместного проживания (до 1 года). Описаны некоторые механизмы развития совместных (диадических) копинг-усилий в паре.

Ключевые слова: близкие отношения, копинг, индивидуальные стратегии совладания, диадический копинг, механизмы.

COPING MECHANISMS: HOW PARTNERS CHOOSE INDIVIDUAL
AND DYADIC COPING-STRATEGIES AT THE BEGINNING OF COHABITATION

E.A. Bebneva, T.L. Kryukova

Kostroma State University

Influence and interaction of individual and dyadic ways of coping are studied. The paper reveals research results concerning, how and why dyadic coping influences the choice of partners' individual coping-strategies at the beginning of cohabitation (during the 1-st year). Dyadic coping mechanisms arising in close relations as mutual partners' efforts are described.

Key words: close relationships, coping, individual coping strategies, dyadic coping, and mechanisms.

В значимых длительных близких отношениях партнеров наступает момент, когда пара съезжается, и тем самым каждый из партнеров берет на себя ответственность и новые обязательства. Для успешного преодоления трудностей совместного проживания партнеры используют индивидуальные и диадические (партнерские) способы совладания.

Самые сильные стрессоры совместной жизни молодых партнеров – это интимно-личностные отношения; переход к родительству, связанный с принятием новых ролей, воспита-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-06-10671.

ние хронически больного ребенка; здоровье членов семьи (трудности принятия болезни и уход за тяжело больным членом семьи); одиночество в семье, экономический стресс (финансовое напряжение), профессиональный стресс (совмещение проблем семьи и работы: перемена или потеря работы, двойная карьера, когда оба партнера много работают) [1; 2; 5]. Причины трудностей первого года совместного проживания – это, в основном, проблемы, связанные с разницей семейных и хозяйственных укладов родительских семей, культуры и образования, ценностей и целей, и к которым они стремятся в жизни [2]; эгоизм одного или обоих партнеров, жесткая борьба за власть, нежелание уступить партнеру, неоправданность ролевых ожиданий молодых супругов [1; 5].

Данные современных исследований показывают, что стресс может иметь пагубные последствия для функционирования и долговечности близких отношений [3–5].

Метод. Использованы психодиагностические методы: 1. Опросник способов совладания Лазаруса и Фолкман (*WSCQ*, 1988; адаптирована Т.Л. Крюковой, Е.В. Куфтяк, М.С. Замышляевой, 2003); 2. Опросник диадического копинга (*DCI, Dyadic Coping Inventory*, 2008 Г. Боденманна, апробация: Т.Л. Крюковой, О.А. Екимчик, Е.А. Бебневой и др., 2016).

В исследовании добровольно участвовало 25 пар: $n = 50$ чел.: 25 мужчин и 25 женщин. Уровень образования и доходов не имели значения. Возраст испытуемых от 18 до 28 лет (средний возраст выборки – 22,76, $SD = 2,2$; средний возраст мужчин – 23,68, $SD = 2,1$; средний возраст женщин – 21,84, $SD = 1,8$). Все 50 человек (25 пар) состоят в близких отношениях, являясь партнерами, и проживают совместно менее 1-го года.

Для установления взаимоотношений и взаимовлияния между индивидуальными и диадическими копинг-стратегиями использован множественный регрессионный анализ.

Результаты. Установлено влияние диадических копинг-стратегий партнеров (по *DCI*, Г. Боденманна) на выбор ими индивидуальных стратегий совладания ($n = 50$; $R = 0,62$; $R^2 = 0,38$; $p < 0,003$), а именно, отрицательное влияние на выбор индивидуального *конфронтативного* копинга, оказывает выраженность шкал «отрицательный диадический копинг, применяемый партнером» ($\beta = -0,47$; $p < 0,001$) и общий диадический копинг ($\beta = -0,3$; $p < 0,05$). Положительное влияние на выбор индивидуального *конфронтативного* копинга оказывает выраженность шкалы «делегированный диадический копинг, применяемый партнером» ($\beta = 0,42$; $p < 0,01$). Данные результаты говорят о том, что совместные виды копинг-усилий – «отрицательный диадический копинг, применяемый партнером», «делегированный диадический копинг, применяемый партнером» и общий диадический копинг предсказывают «запуск» только индивидуального *конфронтативного* копинга. Получается, что человек прилагает агрессивные усилия по изменению ситуации, когда партнер стремится принять на себя ответственность и взять на себя некоторые обязательства. Это может быть связано с тем, что в первый совместный год партнеры сталкиваются с проблемой борьбы за власть, и каждый может сопротивляться тому, что партнер стремится принять на себя ответственность и / или слишком напористо и авторитарно берет на себя некоторые обязательства.

Множественный регрессионный анализ, проведенный на разделенной по полу и парам выборке дал следующие результаты: у женщин ($n = 25$; $R = 0,86$; $R^2 = 0,75$; $p < 0,003$) отрицательное влияние на выбор *конфронтативного* копинга оказывают общий диадический копинг мужчины ($\beta = -0,7$; $p < 0,001$), «принятие ответственности мужчиной» ($\beta = -0,65$; $p < 0,01$) и «планирование решения проблемы мужчиной» ($\beta = -0,39$; $p < 0,05$). Положительное влияние оказывает «отрицательный диадический копинг, применяемый мужчиной» ($\beta = 0,3$; $p < 0,05$). Подобные результаты показывают, что общий диадический копинг мужчины, принятие им ответственности, «отрицательный диадический копинг, применяемый мужчиной» и планирование им решения проблемы предсказывают «запуск» *конфронтативного* копинга, применяемого женщиной: т. е. женщина прилагает агрессивные усилия по изменению ситуации, когда

мужчина использует отрицательный диадический копинг, который проявляется во враждебных, амбивалентных и поверхностных действиях / например, словах, имеющих пагубные намерения. Но если мужчина использует общий диадический копинг и / или принятие ответственности и / или планирование решения проблемы, у женщины нивелируются показатели *конфронтативного* копинга. Если мужчина и женщина симметрично работают над разрешением стрессовой ситуации, мужчина принимает свою вину / ответственность и прилагает усилия для разрешения ситуации, то у женщины нет необходимости прилагать агрессивные усилия для разрешения ситуации, она чувствует себя более защищенной, что она не одна, а вместе они справятся с трудностью.

Результаты о стратегиях мужчин ($n = 25$; $R = 0,96$; $R^2 = 0,93$; $p < 0,000$) подтверждают отрицательное влияние на выбор ими *конфронтативного* копинга индивидуальных копинг-стратегий женщины: *бегство – избегание* ($\beta = -0,6$; $p < 0,001$), *самоконтроль* ($\beta = -0,85$; $p < 0,001$) и общий балл диадического копинга у женщины ($\beta = -0,96$; $p < 0,05$). В то же время положительное влияние на совладание мужчин оказывает «поддерживающий диадический копинг, применяемый женщиной» ($\beta = 0,93$; $p < 0,01$). Такие результаты свидетельствуют о том, что стратегии *избегания*, *самоконтроль*, поддерживающий диадический копинг и общий балл диадического копинга у женщины предсказывают «запуск» *конфронтативного* копинга мужчины. Оказывается, мужчина тоже прилагает агрессивные усилия по изменению ситуации, когда женщина, по ее мнению, предоставляет ему проблемно–ориентированную или эмоционально–ориентированную поддержку. Стрессы и трудности первого года совместной жизни партнеров, а также гендерные стереотипы требуют необходимых коммуникативных умений, построения отношений лидерства, в силу чего мужчина может стремиться показать себя независимым и сильным человеком, который способен *сам* справиться с трудной ситуацией. Можно предположить для дальнейших исследований, что большее время / продолжительность совместной жизни может ослабить выраженность и конфонтации как копинга. В некоторых случаях, перерождаясь во враждебность, она ведет к разрыву отношений [5].

Мы установили, что выраженность влияния *конфронтативного* копинга у мужчины уменьшается, если женщина прилагает усилия для *отстранения* от ситуации, контролирует свои эмоции и действия и у нее высокий общий балл диадического копинга, то есть она часто использует диадический копинг, стремится к совместности действий в трудной ситуации.

Таким образом, в динамическом процессе установления отношений, в борьбе за власть в паре партнеры в начале совместной жизни используют *конфронтацию – сопротивление*. При этом совместные усилия для решения проблемы выступают стабилизатором отношений для женщин. А для мужчин стабилизатором является поведение женщина, когда она *избегает* решения проблемы и *контролирует свои эмоции* и действия. Складывается вывод о том, что в начале совместного проживания партнеры подавляют свои индивидуалистические наклонности, в том числе, развитые индивидуальные копинг-навыки, чтобы приспособиться решать проблемы / трудности вместе с партнером, используя диадические стратегии. Когда же диадических стратегий становится недостаточно или их невозможно применять, то «запускается» *конфронтация*. Безусловно, такая ситуация нуждается в осознании и коррекции со стороны партнеров.

Очевидно, что на выбор человеком стратегии совладания влияет определенное поведение партнера. На выбор стратегий женщиной влияет присутствие мужчины в разрешении ситуации (совместные копинг-усилия), принятие / непринятие им ответственности / вины, прилагает ли он усилия для планирования разрешения ситуации, а также как он общается с женщиной, какие поступки совершает. На выбор стратегий мужчиной влияет то, может ли женщина отстраниться от разрешения ситуации, предоставив мужчине возможность быть более активным, насколько контролирует она свои эмоции и действия, дает ли проблемно–

ориентированную или эмоционально-ориентированную поддержку партнеру, и то, насколько развиты у нее навыки совместного совладания.

Данные результаты, говорящие о влиянии и взаимовлиянии индивидуальных и диадических способов совладания со стрессами в близких отношениях, с очевидностью раскрывают механизмы совладания с трудностями совместной жизни партнеров.

1. Крюкова Т.Л., Сапоровская М.В., Куфтяк Е.В. Психология семьи: жизненные трудности и совладание с ними. – СПб.: Речь, 2005.

2. Олифиревич Н.И., Зинкевич-Куземкина Т.А., Велента Т.Ф. Психология семейных кризисов. – СПб.: Речь, 2006.

3. Bodenmann G., Pihet S., Kayser K. The Relationship between Dyadic Coping, Marital Quality and Well-being: A Two Year Longitudinal Study // Journal of Family Psychology. – 2005. – Vol. 20. – №. 3. – P. 485–493.

4. Bodenmann G., Randall A.K. Common factors in the enhancement of dyadic coping // Behavior Therapy. – 2012. – 43. – P. 88–98.

5. Regan P. Close Relationships. – Routledge, NY, 2011.

САМООЦЕНКА И САМООТНОШЕНИЕ НАРКОЗАВИСИМОЙ МОЛОДЕЖИ

И.С. Бубнова

Иркутский государственный университет

Самоотношение личности имеет свою структуру и включает в себя когнитивный, эмоциональный и коннотативный компоненты. В статье представлены результаты эмпирического исследования самоотношения и самооценки у молодых людей, страдающих наркотической зависимостью. Данная статья будет интересна специалистам в различных отраслях психологии и социальной педагогики.

Ключевые слова: самоотношение, самооценка, наркотическая зависимость.

SELF-ESTEEM AND SELF-ATTITUDE OF YOUNG DRUG ADDICTS

I.S. Bubnova

Irkutsk state University

Self identity has its own structure and includes cognitive, emotional and connotative components. The article presents the results of empirical research of self and self-esteem of young people suffering from addiction. This article can be interesting for specialists in various branches of psychology.

Key words: self, self esteem, drug addiction.

Проблема наркотической зависимости является одной из самых серьезных проблем на сегодняшний день. Так, на 2015 г. по данным Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков (ФСКН России) насчитывается около 7 млн человек, большинство из них – молодежь.

Длительное время внимание исследователей к наркомании было сосредоточено на вопросах фармакологического воздействия наркотических веществ, динамике физиологических процессов и общего состояния здоровья при употреблении психоактивных веществ [1], [7]. Вместе с тем известно, что самоотношение является очень важным структурным образованием личности и в данный возрастной период при определенных обстоятельствах именно эта сфера может существенно деформироваться, что нередко ведет к изменению поведения, в частности, к появлению такой его асоциальной формы, как наркомания [2, с. 3].

Самоотношение личности имеет свою структуру и включает в себя когнитивный, эмоциональный и коннотативный компоненты [8]. Можно говорить о тенденции consistency между этими компонентами, поскольку самоотношение является одним из видов аттитюдов, а аттитюды характеризуются этим генеральным свойством.

В ходе настоящего исследования были обследованы 15 лиц, страдающих наркотической зависимостью, в возрасте от 18 до 27 лет. Для изучения особенностей самоотношения нами были использованы следующие методики: тест-опросник самоотношения (В.В. Столина, С.Р. Пантелеева); методика диагностики самооценки Дембо-Рубинштейн.

С помощью теста-опросника В.В. Столина были изучены особенности самоотношения у молодых людей с наркотической зависимостью. Проведение данной методики позволяет сделать следующие выводы. Средние значения по шкале «Интегральное самоотношение» у молодых людей с наркотической зависимостью указывают на то, что в самоотношении дан-

ных лиц присутствуют представления о себе, но они не структурированы, что не позволяет таким лицам сформировать целостный образ Я. Низкие значения свидетельствуют о том, что у молодых людей, страдающих наркотической зависимостью, присутствуют признаки недифференцированности собственного «Я».

По шкале «Самоуважение» средние значения были получены у 60 % опрошенных респондентов, низкие значения – у 40 %. Средние показатели позволяют говорить о недостатке положительного отношения к себе у наркозависимых, отсутствие четких критериев оценки себя. Низкие показатели по данной шкале свидетельствуют о том, что у молодых людей, страдающих наркотической зависимостью, отмечается недостаточная сформированность веры в свои силы, энергетического потенциала, положительной оценки собственных возможностей, способности контролировать свою жизнь.

По шкале «Аутосимпатия» средние значения были выявлены у 47 % опрошенных, низкие значения – у 53 %, высокие показатели в данной выборке респондентов выявлены не были. Низкие значения отражают недостаток самопринятия, самообвинение, наличие эмоциональных реакций к себе негативного характера, таких как раздражение, самоприговор, низкая самооценка и т. д.

Анализ ожиданий положительного отношения к себе у лиц, страдающих наркотической зависимостью, позволил сформулировать следующие выводы. Средние значения были получены у 47 % опрошенных респондентов, низкие значения – у 53 %. Средние значения указывают на то, что лица, страдающие наркотической зависимостью, не имеют выраженных ожиданий в отношении других людей, что может быть обусловлено погруженностью в себя, в свои ощущения и переживания. Низкие значения свидетельствуют о том, что наркозависимые преимущественно склонны ожидать от окружающих негативное отношение к себе.

По шкале «Самоинтерес» средние значения выявлены у 40 % опрошенных респондентов, низкие значения – у 60 %. Средние значения свидетельствуют о том, что у лиц, страдающих наркотической зависимостью, интерес к себе является поверхностным и неустойчивым. Низкие значения свидетельствуют о том, что у наркозависимых интерес к себе, к своему внутреннему миру является недостаточно сформированным и отражают формирование негативного отношения к себе.

Результаты по общим шкалам опросника В.В. Столина показывают, что в структуре самоотношения наиболее проблемными являются сферы отношения к себе и восприятия отношения к другим людям. В то же время в общей структуре самоотношения проявляется недостаточная сформированность самоуважения и аутосимпатии.

По дополнительным шкалам теста В.В. Столина были получены следующие данные. Так, низкие значения по дополнительным шкалам опросника указывают на то, что у наркозависимой молодежи недостаточно сформирован самоинтерес (47 %) и самопонимание (40 %), собственная личность на фоне имеющейся зависимости не представляет особенного интереса, отмечается постоянная озабоченность проблемой физического самочувствия, предупреждение или купирование ломки – всё это деформирует отношение личности к себе, на первый план выступают совершенно другие потребности и мотивы. Результаты изучения самоотношения у людей, страдающих наркотической зависимостью, показывают, что в структуре самоотношения наиболее проблемными сферами являются принятие себя, саморуководство, самопонимание, наличие интереса к себе, восприятие отношения других и самоуважение.

В целом по результатам проведенной методики мы установили, что у молодых людей, страдающих наркотической зависимостью, отмечается недостаточная дифференцированность образа «Я», преобладание негативного отношения к себе, недостаточная сформированность рефлексии и регуляторных функций, отсутствие потребности в самопознании.

С помощью методики Дембо-Рубинштейн мы оценили сформированность самооценки у людей, страдающих наркотической зависимостью. Результаты изучения самооценки по шкалам методики свидетельствуют о том, что разные стороны своей личности молодые люди, страдающие наркотической зависимостью, оценивают примерно в одном континууме и эти показатели являются заниженными. Так, в оценке многих сторон своей жизни люди, страдающие наркотической зависимостью склонны давать низкие оценки самим себе и оценивать себя как недостаточно здоровых, имеющих недостаточно развитые способности, характер, ещё ниже наркозависимые оценивают свой авторитет, свою внешность, свои способности делать что-то самостоятельно.

Показатели уверенности в себе близки к средним значениям, как и показатели ума и способностей. Мы полагаем, что психологический комфорт обуславливает потребность в сохранении какого-то душевного равновесия и гармонии, в соответствии с этим наркозависимые могут положительно оценивать свой ум, свои способности, особенно это может проявляться в умении добыть деньги на очередную дозу или обмануть кого-то.

Необходимо отметить, что заниженные показатели самооценки по большинству шкал соотносятся с выявленными нами особенностями самоотношения, недостаточное принятие себя, критичное отношение ко многим сторонам своей жизни обуславливает низкие оценки.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что самооценка молодых людей, страдающих наркотической зависимостью, является преимущественно заниженной. Результаты констатирующего этапа эксперимента также показали, что самоотношение людей, страдающих наркотической зависимостью, отличается целым рядом особенностей и характеризуется в целом негативной направленностью.

Анализ проблемы исследования позволил нам выделить проблему формирования положительного самоотношения у наркозависимых как одну из важнейших составляющих социальной реабилитации [6]. Это связано с тем, что позитивное восприятие себя и других людей, чувство уверенности в себе, умение управлять собственной жизнью поможет людям преодолеть наркотическую зависимость и адаптироваться в социуме [3; 4].

Исходя из данного положения, нами была разработана психологическая программа, направленная на формирование положительного самоотношения и развития социально значимых навыков [5], которая была успешно апробирована. Цель программы: социальная реабилитация посредством формирования положительного самоотношения у молодежи страдающей наркотической зависимостью.

Обобщая итоги работы по программе, мы отметили, что формы работы, которые использовались с наркозависимыми, являлись достаточно эффективными и оказали положительное влияние на их отношение к себе. Мы полагаем, что достижение выраженной динамики в формировании положительного самоотношения требует гораздо более продолжительной работы. В тоже время, реализованная нами программа помогла сделать первые шаги в этом направлении и достичь определенных результатов. Для их оценки мы провели контрольный этап эксперимента.

В целом, проведенное исследование позволило сформулировать следующие выводы.

Исследование особенностей самоотношения у молодых людей, страдающих наркотической зависимостью, показало, что когнитивный компонент самоотношения характеризуется недифференцированностью оценок себя и других, низкой степенью интереса к своему внутреннему миру, самопознанию, слабой осознанностью своего «Я», наличием конфликтующих между собой стремлений.

Эмоциональный компонент самоотношения отличается низкой степенью симпатии к себе и самопринятия, психоэмоциональным напряжением, тревогой, дискомфортом. Когнитивный компонент самоотношения имеет выраженные черты нарушения саморегуляции,

слабого руководства своей деятельностью, избегание препятствий, борьбы, тенденцией к зависимости и саморазрушения.

В оценке многих сторон своей жизни люди, страдающие наркотической зависимостью склонны давать низкие оценки самих себя и оценивать себя как недостаточно здоровых, имеющих недостаточно развитые способности, характер, ещё ниже наркозависимые оценивают свой авторитет, свою внешность, свои способности делать что-то самостоятельно.

Результаты контрольного этапа эксперимента показали, что после проведенной работы самоотношение приобрело положительный характер, а восприятие отношения окружающих людей стало более позитивным, повысился интерес к своей собственной личности, самооценка стала более адекватной.

1. *Березин С.В.* Психология наркотической зависимости и созависимости: монография. – М., 2001. – 150 с.

2. *Бубнова И.С.* Особенности Я-образа у подростков и его формирование в условиях семейного воспитания: автореф. дис. ... канд. психол. наук / Иркутский государственный педагогический университет. – Иркутск, 2004.

3. *Гейдаров К.М.* Наркомания: социальная болезнь // Биология в школе. – 2006. – № 2. – С. 60–63.

4. *Личко А.Е.* Наркотизм (употребление наркотиков) и подростковая наркомания // Психопатии и акцентуации характера у подростков. – СПб.: «Медицина», 2007. – 138 с.

5. *Павленок П.Д., Руднева М.Я.* Наркомания и токсикология как формы девиантного поведения: теория и практика работы по предотвращению и избавлению от наркотической зависимости // Социальная работа с лицами и группами девиантного поведения: учебное пособие. – М., 2010. – С. 59–69.

6. *Рерке В.И., Бубнова И.С.* К вопросу о жизнестойкости в структуре личностных ресурсов лиц с наркозависимым поведением // Вестник Восточно-Сибирской государственной академии образования. – 2012. – № 17. – С. 70–74.

7. *Рерке В.И., Бубнова И.С.* О некоторых особенностях мотивационно-потребностной сферы личности подростков-наркоманов // Вестник Бурятского государственного университета. – 2010. – № 5. – С. 210–215.

8. *Сарджвеладзе Н.И.* Личность и ее взаимодействие с социальной средой. – Тбилиси: Мецниереба, 1989.

СПЕЦИФИКА ОПЫТА ПРОЩЕНИЯ И ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ СОСТОЯНИЙ ЛИЧНОСТИ ПАЦИЕНТОВ С ПСИХОСОМАТИЧЕСКИМИ РАССТРОЙСТВАМИ

О.Ю. Гроголева, И.Г. Захарова

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

Исследование направлено на изучение социально-психологических характеристик прощения и их связи с эмоциональными состояниями пациентов с диагнозом артериальная гипертензия (АГ). Цель – выявление особенностей агрессии, тревожности и характеристик прощения у пациентов с АГ по сравнению с условно здоровыми испытуемыми. Исследование показало, что условно здоровые респонденты позволяют себе выражение эмоций в социально одобряемых рамках. Пациентам с АГ свойственно осторожное выражение эмоций и проявление мнимого прощения, что, возможно, оказывает влияние на общее состояние здоровья личности.

Ключевые слова: опыт прощения, эмоциональные состояния, артериальная гипертензия.

THE SPECIFICS OF THE EXPERIENCE OF FORGIVENESS AND EMOTIONAL STATES OF THE PERSON OF PATIENTS WITH PSYCHOSOMATIC DISORDERS

O.Yu. Grogoleva, I.G. Zacharova

Dostoevskiy Omsk State University

This research focuses on the study of the socio-psychological characteristics of forgiveness and their correlation with the emotional state of patients with a diagnosis of hypertension (AH). The aim of this study is to determine and compare the relationship of socio-psychological characteristics of forgiveness and emotional states of the patients with hypertension and conditionally healthy subjects. Research has shown that conditionally healthy respondents allow themselves a manifestation of emotional reactions in the socially approved frameworks. Patients with hypertension are peculiar cautious expression of emotions and the manifestation of an imaginary forgiveness that may affect the overall health of the person.

Key words: experience of forgiveness, emotional states, arterial hypertension.

Актуальность исследования опыта прощения и эмоциональных состояний личности связана с неуклонным ростом психосоматических расстройств. Одной из причин возникновения эмоциогенных проблем классики психологии называют нереализованность возможности гармонизации эмоциональных состояний личности через удовлетворение нравственной потребности в прощении. Проблема исследования специфики опыта прощения и эмоциональных состояний личности у пациентов с психосоматическими расстройствами заключается в изучении различных подходов к пониманию психологического механизма прощения и определении специфики влияния прощения на эмоциональное состояние личности, а также возникновение психосоматических расстройств. Вопрос, который лежит в основе нашего исследования, достаточно хорошо изучен в зарубежной психологии, но остается практически неисследованным в отечественной психологии. Ряд зарубежных авторов, таких как Э. Гассин, Р. Энрайт и др., предлагали на рассмотрение свое понимание опыта прощения и способы работы с ним [2; 5]. В научной зарубежной и отечественной литературе накоплен достаточный объем работ теоретического характера, в котором опыт прощения рассматривается с разных сторон. Однако насчитывается слишком мало эмпирических исследований, проводи-

мых с учетом возрастных, гендерных, социальных, профессиональных особенностей человека, позволяющих делать какие-либо обобщения и выводы. Эмпирические исследования проводились в основном с группами верующих взрослых людей и практически не были охвачены другие категории населения.

В ходе данного исследования были рассмотрены особенности взаимосвязи социально-психологических характеристик прощения с эмоциональными состояниями личности пациентов с диагнозом артериальная гипертензия (АГ) и группы условно здоровых. В качестве респондентов выступили 60 испытуемых: 30 человек – пациенты с диагнозом АГ, проходящие курс лечения в МДЦ «Доктор САШ» г. Омска; 30 человек – контрастная группа, в которую вошли условно здоровые испытуемые. Психодиагностический инструментарий включал в себя следующие методики: модифицированная анкета А.С. Чуковой для определения социально-психологических характеристик прощения [4]; опросник Басса-Дарки [1]; шкала прощения Т. Харгрейва для выявления результата прощения [6].

Было установлено, что прощение, как «средство для восстановления хорошего самочувствия» и «возможность приобретения позитивного жизненного опыта, необходимого для духовного роста», рассматривают 60 % условно здоровых и 43 % пациентов ($F = 2,376$, при $p \leq 0,01$); прощение как «выражение любви, которое не зависит ни от каких условий и обстоятельств» выбирают 10 % условно здоровых и 30 % пациентов ($F = 3,642$, при $p \leq 0,01$).

Проведение корреляционного анализа между эмоциональными состояниями и опытом прощения у больных, страдающих артериальной гипертензией, показало, что существует обратная взаимосвязь между искренним желанием быстрого разрешения проблем обидчика и показателями «косвенной агрессии» ($r = -0,520$, $p \leq 0,01$), а также «раздражением» ($r = -0,389$, $p \leq 0,05$).

Возможно, что при работе с прощением пациенты с диагнозом артериальная гипертензия в меньшей степени демонстрируют раздражение или агрессию в силу неодобряемости такого поведения в обществе. Можно предположить, что пациенты с диагнозом А.Г. склонны к вытеснению размышлений о конфликтной ситуации. Вполне вероятно, что неотреагирование агрессии является одной из причин развития А.Г.

«Непрощение ни при каких условиях измены супруга» имеет прямую связь с «тревожностью» ($r = 0,405$, $p \leq 0,05$). Можно предположить, что повышение тревожности пациентов с диагнозом артериальная гипертензия связано с сомнением в верности и преданности супруга. И измену респондент воспринимает как ситуацию, несовместимую с его жизненными принципами. При этом периодическое прощение измены супруга напрямую связано с «негативизмом» ($r = 0,538$, $p \leq 0,01$) и «подозрительностью» ($r = 0,396$, $p \leq 0,05$). По всей видимости, наличие выявленных видов агрессии свидетельствует о присутствии мнимого прощения. Другими словами, человек лишь декларирует факт прощения, не переработав эмоциональный опыт в этой ситуации.

Кроме того, пациенты с диагнозом артериальная гипертензия стараются не выражать эмоциональные реакции в ситуациях, когда имеет место словесное оскорбление, невозврат долга, кража имущества, деспотизм незнакомого человека, стараются с пониманием относиться к эмоциональной нестабильности одного из родителей.

Выявленные факты еще раз подтверждают сформулированное в ходе исследования предположение о сдерживании и вытеснении возникающих негативных эмоций и внешнем прощении своих обидчиков, что, безусловно, отражается на психосоматическом здоровье личности.

Результаты исследования условно здоровых респондентов.

Согласно статистической обработке понимания прощения и эмоциональных состояний условно здоровых испытуемых, существует прямая взаимосвязь между желанием «не упус-

тить возможности напомнить о нанесенной когда-то обиде» и показателями «подозрительность» ($r = 0,534, p \leq 0,01$), а также «враждебность» ($r = 0,432, p \leq 0,05$).

При работе с прощением условно здоровые испытуемые также в меньшей степени демонстрируют явное выражение раздражения или агрессии, при этом считают необходимым в воспитательных целях в ситуации дополнительной помощи напомнить обидчику о причиненном им вреде.

Условно здоровые испытуемые, в отличие от пациентов с диагнозом артериальная гипертония, стараются прямо выражать свои эмоции, не вытесняя их. Об этом свидетельствуют прямые взаимосвязи понимания прощения как средства для восстановления хороших взаимоотношений и таких форм агрессии как: «физическая агрессия» ($r = 0,374, p \leq 0,05$), «подозрительность» ($r = 0,464, p \leq 0,05$), «враждебность» ($r = 0,445, p \leq 0,05$), «агрессия» ($r = 0,388, p \leq 0,05$), «тревожность» ($r = 0,403, p \leq 0,05$). Периодическое прощение психологического насилия со стороны супруга имеет прямую связь с «физической агрессией» ($r = 0,465, p \leq 0,01$). А прощение физического насилия супруга имеет обратную связь с «враждебностью» ($r = -0,365, p \leq 0,05$). Другими словами, условно здоровые респонденты в конфликтной ситуации с супругом готовы простить проявления физической агрессии, при этом может наблюдаться усиление враждебности по отношению к обидевшему супругу.

Интересным является тот факт, что прощение предательства близкого человека имеет обратную связь с «агрессией» ($r = -0,527, p \leq 0,01$), с «физической агрессией» ($r = -0,460, p \leq 0,05$) и с «вербальной агрессией» ($r = -0,487, p \leq 0,01$), а «не прощение ни при каких условиях» имеет прямую связь с «физической агрессией» ($r = 0,387, p \leq 0,05$). Полученные результаты позволяют нам предположить, что в группе условно здоровых испытуемых присутствует опыт полного, истинного прощения, что отражается на снижении общего уровня агрессии и, как следствие, возможности сохранения психосоматического здоровья.

Таким образом, исследование взаимосвязи характеристик прощения с эмоциональными состояниями личности показало, что условно здоровые респонденты позволяют себе проявление эмоциональных реакций, но в социально одобряемых рамках. Кроме того, для пациентов характерно осторожное выражение эмоциональных реакций и проявление скорее внешнего, мнимого прощения, что, возможно, оказывает влияние на общее самочувствие и здоровье личности.

1. Агрессия: понятие, подходы, диагностика: учебно-методическое пособие / сост.: Л.И. Дементий, В.Е. Купченко. – Омск: Омск госуниверситет, 2001.

2. Гассин Э.А. Психология прощения // Вопросы психологии. – 1999. – № 4. – С. 93–104.

3. Печин Ю.В. Становление и развитие психологии прощения в США: краткий обзор // Психологическая наука и образование psyedu.ru. – 2014. – Т. 6. – № 4. – URL: <http://psyedu.ru/journal/2014/4/Pechin.phtml>.

4. Чукова А.С. Психологические характеристики межличностного прощения // Психологические исследования. – 2011. – № 5(19). – С. 16–22.

5. Enright R.D. The Human Development Study Group. The moral development of forgiveness / W.M. Kurtiness, J.L. Gerwitz. Handbook of moral behavior and development. – Vol.1.: Theory. Hills dale. – NJ: LEA, 1991. – P. 123–152.

6. Terry D. Hargrave, Amarillo College, James N. Sells. The development of a forgiveness scale // Journal of Maritaland Family Therapy. – 1997. – Vol. 23. – № 1. – P. 41–62.

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СПРАВЕДЛИВОСТИ ОСУЖДЕННЫХ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И СМЫСЛОЖИЗНЕННЫХ ОРИЕНТАЦИЙ

Н.В. Лейфрид, В.В. Камнева

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

Представлены результаты исследования социальных представлений осужденных о справедливости. Анализируются те дескрипторы, которые наиболее часто используют осужденные для определения этого понятия. Проводится анализ содержания и структуры социальных представлений о справедливости в связи с ответственностью и смысложизненными ориентациями.

Ключевые слова: социальные представления, справедливость.

SOCIAL IDEAS OF JUSTICE OF CONVICTS WITH DIFFERENT LEVEL OF RESPONSIBILITY AND VITAL ORIENTATIONS

N.V. Leyfrid, V.V. Kamneva

Dostoevsky Omsk State University

The article presents the results of a study of social representations of justice criminals . Analyzes the concepts that are often used to determine the validity of the convicts . The analysis of social perceptions of justice in connection with the responsibility and the meaning of life.

Key words: social representations, justice.

Одной из главных проблем пенитенциарной системы является высокий уровень рецидивов преступлений. Она имеет как социальные, политические, экономические корни, так и психологические. Как показывает современная практика, большая часть осужденных воспитывалась в криминальных или антисоциальных семьях, имеют опыт отбывания срока в колониях для несовершеннолетних, что оказывает непосредственное влияние на систему ценностей, направленность личности и мировоззрение в целом.

Согласно С. Московичи, социальные представления – это любые формы убеждений, идеологических взглядов, знаний; это общее видение реальности. Их формирование происходит в обыденном повседневном мышлении с целью осмыслить и интерпретировать окружающую человека социальную реальность, составить непротиворечивую картину социальной действительности. Каждый человек интегрирует и модифицирует социальную информацию, созданную культурой и отдельными группами [4; 5].

Поэтому социальные представления являются каналом между человеком и реальностью, к которой он обращен; разделяются огромным числом людей, передаются от одной генерации к другой и оказывают влияние на каждого члена общества. Тем самым, исследуя представления, становится возможным соединить убеждения людей и реальную действительность, найти отражение ментальности в жизнедеятельности современного человека.

Социальные представления участвуют в становлении личности, помогая ей адаптироваться к социуму и преобразовывать его. Они вступают в тесное взаимодействие с временной перспективой, возникая в настоящем, переходя в будущее, и возвращаясь из прошлого, как форма передачи опыта предками. При этом социальные представления не остаются неизмен-

ными, а находятся в постоянной динамике и движении, находя свое отражение в общении людей и олицетворяя человека как разумное существо, способное мыслить, быть ответственным за собственную жизнь [4; 5].

Пенитенциарные психологи неоднократно обращали внимание на то, что осужденные склонны считать, что никому ничего не должны, в то время как государство им обязано. Это, в свою очередь, выявляет необходимость рассмотрения выраженности параметров ответственного поведения и их влияния на социальные представления о справедливости. Зачастую обращения доходят до Европейского суда по правам человека, на что уходят средства государства и время администрации. Несомненно, самосознание личности претерпевает изменения, когда в ее адрес выносится приговор: кто-то считает себя осужденным справедливо, а кто-то склонен говорить о несправедливости. Помимо ответственности на содержание и структуру социальных представлений о справедливости могут оказывать влияние смысло-жизненные ориентации осужденных, формирующиеся в процессе жизненного пути и становления личности, что представляет интерес в связи с наличием дополнительных деструктивных факторов и непредсказуемости развития или регресса индивида под их влиянием.

Таким образом, поиск личностных детерминант содержания и структуры социальных представлений о справедливости осужденных позволит не только выявить специфику их мировоззрения, но и послужит основанием для коррекционной работы, направленной на ресоциализацию личности, сокращая количество рецидивов. Смысл жизни объединяет в себя жизненные ценности, смыслы и цели, которые являются двигательными силами развития личности, где немаловажную роль играет личностная значимость главного в предмете смысла [3].

Осужденные хуже усваивают требования общества в плане морали, нравственности и права, не мотивированы на соблюдение общественных норм, нередко жалуются на условия в местах лишения свободы.

В нашем исследовании выборкой выступили 100 осужденных мужского пола, отбывающие наказание два и более раз. Для получения результатов была применен метод незаконченных предложений, позволяющий изучить представления о справедливости, опросник «Ответственное поведение» Л.И. Дементий [2], опросник «Смысло-жизненные ориентации» Д.А. Леонтьева [3].

При изучении социальных представлений было выделено шесть групп высказываний:

- 1) справедливость как воздаяние ($M = 6,7 \pm 1,6$);
- 2) справедливость как идеал ($M = 4,9 \pm 1,5$);
- 3) справедливость как равенство ($M = 3,6 \pm 0,4$);
- 4) справедливость как уважение к людям ($M = 3,4 \pm 0,5$);
- 5) справедливость как норма ($M = 2,8 \pm 0,3$);
- 6) справедливость как личная активность ($M = 1,5 \pm 0,3$).

Наиболее часто осужденные определяют справедливость как воздаяние по заслугам, которое включает в себя принципы объективности и гуманности, особенно в тех случаях, когда выносится решение, касаемо судьбы человека, например, негодование по поводу осуждения человека, который не совершал преступления, но получил срок лишения свободы. На втором по значимости месте справедливость рассматривается как некий идеал, скорее как абстрактное понятие, оторванное от реальной действительности и не имеющее непосредственного отношения к их жизни. Наименьшее значение осужденные придают справедливости с позиции личной активности. Следовательно, являясь регулятором человеческого поведения в правовой сфере, в сфере межличностных и деловых отношений [1], представления о справедливости определяют те проблемы, которые обозначают пенитенциарные психологи.

Проведенный регрессионный анализ показал прямое влияние ответственности на такие компоненты представлений о справедливости как норма и личная активность ($\beta = 0,862, 0,406$,

$p \leq 0,01$), тем самым именно данное интегральное свойство личности может выступить ресурсом осознания адекватности / справедливости наказания и необходимости коррекции поведения.

Такой параметр смысложизненных ориентаций как цели в жизни оказывают обратное влияние на социальные представления о справедливости как воздаянии ($\beta = -0,435$; $p \leq 0,01$), а осмысленность жизни – как идеале ($\beta = -0,388$; $p \leq 0,01$). Чем менее целенаправленной является жизнь осужденного, тем больше он соотносит справедливость с понятием воздаяния. С потерей или просто неимением целей в жизни личность может больше обращать внимание на деструктивное желание мести.

Таким образом, проведенное исследование позволило рассмотреть содержание и структуру социальных представлений о справедливости осужденных. Представленные результаты позволили увидеть специфичность понимания осужденными справедливости как базового понятия человеческой культуры.

-
1. *Гулевич О.А.* Направления изучения представлений о справедливости // Вопросы психологии. – 2003. – № 3. – С. 123–132.
 2. *Дементий Л.И.* Ответственность: типология и личностные основания. – Омск: ОмГУ, 2001.
 3. *Леонтьев Д.А.* Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. – 2-е изд. испр. – М.: Смысл, 2003.
 4. *Московичи С.* Социальная психология / под ред. С. Московичи. – СПб.: Питер, 2007.
 5. *Московичи С.* Социальное представление: исторический взгляд // Психологический журнал. – 1995. – Т. 16. – № 1. – С. 3–18.

ПРОАКТИВНОЕ СОВЛАДАНИЕ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ СУБЪЕКТНОСТИ В ПЕРИОД ЗРЕЛОСТИ

А.А. Маленов

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

Статья посвящена изучению копинг-поведения проактивного типа. Основная гипотеза: проактивный копинг является возрастным новообразованием и более характерен для периода зрелости.

Ключевые слова: копинг-поведение, проактивный копинг, зрелый возраст.

PRO-ACTIVE COPING-BEHAVIOUR AS MANIFESTATION OF SUBJECTIVITY IN THE PERIOD OF THE MATURITY

A.A. Malenov

Dostoevsky Omsk State University

Article is devoted to studying of coping-behavior of pro-active type. Main hypothesis: the pro-active coping is an age new growth and is more characteristic of the maturity period.

Key words: coping-behavior, pro-active coping, mature age.

Современное общество изобилует ситуациями вызова, неопределенности, зачастую превышающими ресурсы человека, актуализируя тем самым его совладающую активность. Наиболее целесообразной в сложившихся условиях формой является, на наш взгляд, проактивное совладание, направленное преимущество на взаимодействие с будущими угрозами. Центральная идея проактивного копинга, заложенная в работах Л. Аспинвалла, Р. Шварцера, Е. Грингласса, С. Тауберта [4–6], раскрывается через повышение общего уровня стрессоустойчивости личности за счет накопления и развития ресурсов для заблаговременной активности до появления реального стрессора. Это, в свою очередь, требует от человека сформированной субъектной позиции, поскольку предполагает целенаправленную реализацию ответственного поведения в отношении не только настоящих, но и будущих событий. Опираясь на данный тезис можно предположить, что проактивный копинг выступает своеобразным продуктом совладающей активности личности или, пользуясь терминологией Л.И. Анцыферовой, относится к уровню «метастратегических техник» как обобщенных способов совладания, поскольку включает способность предвидеть и предотвращать трудные ситуации, блокировать их наступление [1]. Логично предположить, что создание такого продукта требует времени, соответствующего опыта и может быть расценено с точки зрения возрастного новообразования. На наш взгляд, обнаружение развитых форм этой совладающей активности более вероятно у взрослых людей, реализующих себя в разных сферах жизнедеятельности, прежде всего, профессиональной и семейной.

Для проверки данного предположения мы обследовали 91 человека в возрасте от 21 до 55 лет (включая представителей ранней, средней и поздней зрелости). Сбор данных осуществлялся с помощью опросника «Проактивное совладающее поведение» (РСІ) Л. Аспинвалла, Р. Шварцера, Е. Грингласса, С. Тауберта в адаптации Е. Старченковой [2]. Для обработки применялись критерии определения значимости различий ϕ^* -Фишера и U-Манна-Уитни.

Опросник позволяет замерить уровень выраженности шести базисных стратегий:

- 1) Проактивное преодоление (постановка целей и саморегуляция их достижения);
- 2) Рефлексивное преодоление (анализ перспективных поведенческих альтернатив с точки зрения их эффективности и имеющихся ресурсов);
- 3) Стратегическое планирование (создание целенаправленного и дифференцированного по задачам плана действий);
- 4) Превентивное преодоление (предвосхищение потенциальных стрессоров и досрочная подготовка к ним);
- 5) Поиск инструментальной поддержки (получение информации, рекомендаций от компетентного социального окружения);
- 6) Поиск эмоциональной поддержки (регуляция эмоционального дистресса через сочувствие других людей) [2].

Данные, полученные с помощью опросника «Проактивное совладающее поведение» на выборке взрослых позволили определить как общий уровень проактивного копинга, так и выраженность каждой конкретной стратегии на выборке в целом и группах, включающих представителей ранней, средней и поздней взрослости.

Выявлено, что большинство взрослых, принявших участие в исследовании, имеют средний уровень проактивного копинга (59,3 %), пятая часть опрошенных имеет высокие показатели (19,8 %) и примерно столько же людей – низкие (20,9 %). Детализация результатов по шкалам позволила уточнить выявленную тенденцию: ни по одной шкале опрашиваемые, не приблизились к максимальному значению, демонстрируя скорее средний уровень выраженности проактивного совладания:

- Шкала 1. Проактивное преодоление (ср. значение = $41,41 \pm 6,08$, макс. – 56);
- Шкала 2. Рефлексивное преодоление (ср. значение = $31,57 \pm 6,14$, макс. – 44);
- Шкала 3. Стратегическое планирование (ср. значение = $10,57 \pm 2,94$, макс. – 16);
- Шкала 4. Превентивное преодоление (ср. значение = $28,31 \pm 5,36$, макс. – 40);
- Шкала 5. Поиск инструментальной поддержки (ср. значение = $17,92 \pm 4,62$, макс. – 32);
- Шкала 6. Поиск эмоциональной поддержки (ср. значение = $12,35 \pm 3,44$, макс. – 20).

Однако, введение уровня развития проактивного совладания, а также применение процедуры ранжирования к используемым стратегиям, позволило выявить наиболее выраженные из них. И в этом случае, общая картина совладающей активности лиц зрелого возраста была достаточно серьезно скорректирована, что позволило приблизиться к подтверждению нашей гипотезы. Первую позицию занимает собственно проактивная стратегия, направленная на стремление достигать поставленных целей (уровень выраженности – 73,9 %), далее следует развитая способность к рефлексии, как особенностей самой трудной ситуации, так и собственных возможностей для ее преодоления (уровень выраженности – 71,8 %), замыкает тройку лидеров превентивное преодоление (уровень выраженности – 70,8 %), направленное профилактику потенциального неблагополучия. Менее выраженными оказались стратегии, связанные с опорой на внешние ресурсы, прежде всего, социальные, способные оказать информационную (уровень выраженности – 56 %) и эмоциональную (уровень выраженности – 61,8 %) поддержку. Способность к стратегическому планированию, предполагающему создание целенаправленного и дифференцированного по задачам плана действий, также оказалась развита в средней степени – уровень выраженности – 66,1%. Таким образом, взрослые люди, имеющие опыт совладания с трудными жизненными ситуациями разного типа, имеют четкое представление о себе как субъекте копинга, способном преодолевать препятствия самостоятельно, опираясь на собственные силы. При этом, они предпочитают не доводить ситуацию «до крайности», а заблаговременно выделять угрожающий фактор и готовиться к его появ-

лению. Несмотря на то, что детальный план действий не всегда в этом случае возможен, сама трудная ситуация и собственные возможности достаточно легко поддаются рефлексии, помогая в период зрелости достигать намеченных целей.

Также, позитивным результатом является отсутствие в выборке большой группы взрослых с несформированной проактивной позицией в отношении жизненных трудностей. Более того, нами были выделены взрослые, для которых эта позиция является более характерной – представители ранней зрелости, что, на наш взгляд, можно расценивать как своеобразную сензитивность этого контингента в отношении проактивного копинга. Тогда как более осторожной оказалась группа взрослых среднего возраста, уступая по этому критерию не только более молодым, но и лицам более старшего возраста:

- Шкала 1. Проактивное преодоление (ср. значение: ранняя зрелость – 42,7, средняя – 41,4, поздняя – 40,2);

- Шкала 2. Рефлективное преодоление (ср. значение: ранняя зрелость – 33,5, средняя – 30,3, поздняя – 30,9);

- Шкала 3. Стратегическое планирование (ср. значение: ранняя зрелость – 11,3, средняя – 9,71, поздняя – 10,6);

- Шкала 4. Превентивное преодоление (ср. значение: ранняя зрелость – 30,0, средняя – 26,7, поздняя – 28,0);

- Шкала 5. Поиск инструментальной поддержки (ср. значение: ранняя зрелость – 18,6, средняя – 17,0, поздняя – 18,0);

- Шкала 6. Поиск эмоциональной поддержки (ср. значение: ранняя зрелость – 13,5, средняя – 11,3, поздняя – 12,1).

Предварительные выводы могут включать новые гипотезы, требующие проверки, в том числе за счет введения дополнительных факторов, как внутреннего, так и внешнего характера. В частности, обнаруженные тенденции косвенно свидетельствуют о динамике проактивной формы совладания, которая, в свою очередь, рассматривается как активный процесс постановки значимых для личности целей и обеспечение их достижения в заданные сроки. Логично предположить, что эта задача преимущественно стоит перед людьми более молодого возраста (в нашем случае от 21 до 25 лет), еще «пробующих», «ищущих» себя. Тогда как лицам старше 40 лет уже сложнее ставить новые и более сложные цели и идти на риск реализуя их. В этом случае, опыт оказывается неоднозначным фактором – он может, как препятствовать, так и способствовать проактивному копингу.

В то же время, взрослые люди, имеющие опыт столкновения с трудными жизненными ситуациями разного типа, очевидно более готовы не только к их прогнозу, но и совершают определенные действия по их предотвращению. И в данном ракурсе можно присоединиться к Д.И. Фельдштейну, который характеризует наше время не только наличием многочисленных кризисов, объективно заданных, нестандартных задач, но и потребностью в Человеке, способном к их активному и продуктивному решению, сохраняющем при этом свой потенциал [3].

На наш взгляд, удовлетворение этой потребности, в том числе связано с реализацией совладающей активности проактивного типа, к которой следует стремиться и целенаправленно формировать в процессе жизнедеятельности.

1. *Анциферова Л.И.* Личность в трудных жизненных условиях: переосмысливание, преобразование ситуаций и психологическая защита // Психологический журнал. – 1994. – № 1. – С. 3–16.

2. *Водопьянова Н.Е.* Психодиагностика стресса. – СПб.: Питер, 2009. – 336 с.

3. *Фельдштейн Д.И.* Проблемы психологии взросления в системе наук о человеке о обществе // Акмеология. – 2005. – № 1. – С. 6–11.

4. *Aspinwall L.G., Taylor S.E.* A stitch in time: Self-regulation and proactive coping // *Psychological Bulletin*. – 1997. – Vol. 121 (3). – P. 417–436.
5. *Greenglass E.* Chapter 3. Proactive coping and quality of life management // *E. Frydenberg (Ed.), Beyond coping: Meeting goals, vision, and challenges*. – London: Oxford University Press, 2002. – P. 37–62.
6. *Schwarzer R., Taubert S.* Tenacious goal pursuits and striving toward personal growth: Proactive coping // *E. Frydenberg (Ed.), Beyond Coping: Meeting Goals, Visions and Challenges*. – London: Oxford University Press, 2002. – P. 19–35.

ТРУДНЫЕ ЖИЗНЕННЫЕ СИТУАЦИИ ПОДРОСТКОВ И СПОСОБЫ СОВЛАДАНИЯ С НИМИ

А.Ю. Маленова, К.В. Малюга

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

Представлен анализ трудных жизненных ситуаций современных школьников, выделены сферы их возникновения, определен уровень школьной тревожности, выявлены приоритетные копинг-стратегии подростков.

Ключевые слова: школьник подросткового возраста, трудные жизненные ситуации, тревожность, копинг-стратегии.

DIFFICULT LIFE SITUATIONS OF TEENAGERS AND WAYS OF THEIR OVERCOMING

A.Yu. Malenova, K.V. Malyuga

Dostoevsky Omsk State University

The analysis of difficult life situations of modern school students is submitted, spheres of their emergence are allocated, the level of school uneasiness is determined, the priority coping-strategy of teenagers are revealed.

Key words: school student of teenage age, difficult life situations, uneasiness, coping-strategy.

На протяжении всей жизни каждый человек сталкивается с ситуациями, которые субъективно переживаются как трудные и нарушающие привычный ход жизни. Нас заинтересовал период отрочества, как наиболее кризисный, с одной стороны, и ресурсный для развития личности, с другой.

Структура исследования предполагала последовательное решение следующих задач:

- 1) определить трудные жизненные ситуации современных школьников, выделив наиболее актуальные;
- 2) оценить реальность и потенциальность трудностей, а также сферы их возникновения;
- 3) определить уровень школьной тревожности и факторы ее вызывающие;
- 4) выявить приоритетные копинг-стратегии школьников при столкновении с трудными ситуациями.

Выборку составили ученики нескольких школ г. Омска в количестве 51 человека (29 девочек и 22 мальчика в возрасте от 12 до 14 лет).

Для сбора необходимых данных применялись анкетирование и тестирование. Последнее включало комплекс методик, адекватных возрасту опрашиваемых: опросник «Лист жизненных событий подростков» О.А. Идобаевой и А.И. Подольского [1], методика диагностики уровня школьной тревожности Б.Н. Филлипса [2], методика «Индикатор копинг-стратегий» Д. Амирхана [3; 4].

Результаты исследования и их обсуждение.

На вопрос – «Какие ситуации являются для Вас трудными», закономерно большинство школьников ответило, связанные с проблемами во взаимоотношениях с друзьями (57,1 % опрошенных). Трудности, возникающие при обучении, беспокоят 50 % подростков. 40,5 % школьников обозначают проблемы во взаимоотношения с родителями как трудноразрешимыми,

тогда как конкретные проблемы во взаимоотношениях с учителями выделили лишь 4,8 % опрошенных.

Несмотря на то, что при анкетировании только 7,1 % подростков указали на присутствие семейных трудностей, именно события, связанные с этой сферой жизни попали в число наиболее значимых по результатам диагностики. По данным тестирования с помощью «Листа жизненных событий подростков» О.А. Идобаевой и А.И. Подольского, наиболее стрессовыми оказались: смерть бабушки (32 % школьников); увеличение ссор с родителями (20 %), ухудшение финансового положения семьи (11 % подростков). Что касается сферы межличностных отношений, то 20 % опрошенных самым высоким отрицательным баллом оценили событие «ссора с другом или подругой, приведшая к разрыву отношений». На наш взгляд, одинаковый процент школьников (20 %), которые оценили увеличение ссор с родителями и ссору с другом как наиболее стрессогенные, иллюстрирует динамику данного возрастного этапа – кроме отношений в семье, ребенка волнуют его взаимоотношения со сверстниками.

В свою очередь, список событий, которые потенциально могли являться стрессовыми для школьников, значительно шире. Наиболее стрессовыми ситуациями для подростков являются связанные с возможной утратой членов семьи (82 % респондентов выделили смерть брата или сестры, 77 % смерть матери или отца), а также присутствие серьезного заболевания у сиблингов или родителей, требующего госпитализации (70 и 66 % соответственно). 77 % школьников, как и в случае с родителями, отмечают смерть близкого друга как сильное стрессовое потрясение. Исключения из школы в качестве угрозы значимо для 64 % подростков.

В сфере личной жизни самым стрессогенным событием, по мнению подростков, стало бы заключение в тюрьму или ограничение свободы (82 % опрошенных). Собственная серьезная болезнь, требующая госпитализации, оценивается негативно 70 % школьников, при этом 66 % испытали бы стресс при обнаружении у них врожденных физических отклонений. Интересным фактом является то, что начало употребления алкоголя и сигарет также переживается большинством школьников как стрессовые события (по 61 %). Возможно здесь проявился эффект социальной желательности, несмотря на то, что обследование происходило анонимно.

Логично предположить, что такое количество и качество жизненных трудностей не могло не отразиться на эмоциональном состоянии школьников, в частности запуская механизмы тревоги, свидетельствующие об эмоциональном неблагополучии. Результаты диагностики показали, что все данные преимущественно локализируются в областях низких (37,7 %) и высоких (37,1 %) значений, самой немногочисленной оказалась группа подростков со средними показателями тревожности (25,26 %). Данные результаты, с одной стороны, подтверждают некоторую полярность оценок, присущих подростковому возрасту, в том числе и при описании собственной личности, с другой, действительно сигнализируют о присутствии эмоционального неблагополучия – большинство школьников (62,3 %) имеют признаки тревоги разной степени интенсивности.

Что касается непосредственно источников переживаний, то, опираясь на данные методики Филлипса, наиболее стрессогенной областью является система «ученик-учитель»: страх ситуации проверки знаний демонстрируют 31 % опрошенных, 28 % отмечают наличие проблем во взаимоотношениях с педагогами. Еще одна зона риска – это ситуации, требующие самовыражения (страх перед ними проявляют 27 % школьников). Такие области, как переживание социального стресса, фрустрация потребности в достижениях, страх не соответствовать ожиданиям окружающих, низкая физиологическая сопротивляемость стрессу, оказались менее стрессовыми – количество школьников с высокими показателями не превышало 15 %.

Закономерно, что появление угрозы на фоне острой эмоциональной реакции в виде тревоги и напряжения, сигнализирующих о стрессовом характере раздражителей, буде запускать механизм совладания. На этапе отрочества, вопрос о сформированности такого меха-

низма стоит особенно остро: задачи для его актуализации уже имеются, а ресурсов может оказаться недостаточно. Результаты нашего исследования, в целом, подтвердили эту закономерность.

Большинство школьников, оценивая свое поведение по преодолению трудностей, часто склоняется к средним оценкам, что скорее свидетельствует об отсутствии ярко выраженных, типичных, проверенных и закрепленных паттернов. Так, активную позицию разрешения проблемы в случае конфликта с одноклассниками занимают всего 9,4 % учеников, тогда как средняя позиция свойственна для 72,9 % подростков, а иногда ее используют 17,8 % школьников. Стратегия поиска социальной поддержки, несмотря на схожие тенденции, все же является более предпочтительной: часто к ней обращаются 18,8 % школьников, иногда 46,9 %. Однако количество тех, кто ее использует редко, достигает 34,4 % подростков. Таким образом, несмотря на значимость межличностных отношений, особую роль сверстника в них, при столкновении с трудностями обращение к последним, а также к значимым взрослым, происходит ограничено, преимущественно подросток пытается рассчитывать на собственные силы. В свою очередь, наименее выбираемой среди школьников стала стратегия избегания: большинство подростков редко занимают эту позицию (76,1 %), а часто используют лишь 10,5 % опрошенных.

Таким образом, мы подтвердили, что у современных школьников стратегии преодоления трудных ситуаций находятся на этапе формирования и закрепления. Намечена некоторая тенденция преобладания активных поведенческих стратегий (разрешение проблем и поиск социальной поддержкой) над стратегией избегания, что можно рассматривать как доминирование скорее адаптивного копинга над дезадаптивным. Однако, эта тенденция требует усиления, в том числе на уровне психологического сопровождения подростков, так как круг стрессовых ситуаций в этом возрасте расширяется, повышая требования к личности и оптимальным формам совладания, а ресурсов самих школьников может быть для этого недостаточно.

1. Подольский А.И., Идобаева О.А., Хейманс П. Диагностика подростковой депрессивности: Теория и практика. – СПб., 2004.

2. Практикум по возрастной психологии / под ред. Л.А. Головей, Е.Ф. Рыбалко. – СПб.: Речь, 2001. – 688 с.

3. Сирота Н.А., Ялтонский В.М. Преодоление эмоционального стресса подростками. Модель исследования // Обозрение психиатрии и медицины им. В.М. Бехтерева. – 1993. – № 1. – С. 53–61.

4. Amirhan J.H. Factor Analytically Drived Measure of Coping: That Coping Strategy Indicator // Journal of Personality and Social Psychology. – 1990. – Vol. 59. – P. 1066–1074.

СИТУАЦИОННЫЕ И ДИПОЗИЦИОННЫЕ ПРЕДИКТОРЫ АКТИВНОГО КОПИНГА В СИТУАЦИИ СЕПАРАЦИИ С РОДИТЕЛЯМИ В ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ

Ю.В. Потапова

Омский государственный медицинский университет Министерства здравоохранения РФ

В статье приводится обзор предикторов выбора активного копинг-стиля в ситуации сепарации с родителями в юношеском возрасте и раскрывается степень их влияния на данный выбор. Выявлено, что активный копинг-стиль чаще присутствует у людей, которые легче в эмоциональном плане переносят сепарацию и являются более зрелыми в личностном плане.

Ключевые слова: сепарация, копинг-стиль, юношеский возраст, детско-родительские отношения.

SITUATIONAL AND DISPOSITIONAL PREDICTORS OF ACTIVE COPING IN THE SITUATION OF SEPARATION FROM PARENTS IN ADOLESCENCE

Yu.V. Potapova

Omsk State Medical University

In this article provides an overview of predictors of active coping style choice in the situation of separation from parents in adolescence and reveals level of it impact on this choice. It was revealed that the active coping style is inherent in the people, that have simple emotional attitude to the separation and they are more mature in the personal terms.

Key words: separation, coping style, adolescence, parent-child relationship.

Сложные жизненные ситуации достаточно часто встречаются на пути у человека. Подобные явления провоцируют личность проявлять те качества, которые в обычных условиях она не актуализует, делать попытки по совладанию с фрустрирующими, тревожащими событиями. Переживание трудных ситуаций нельзя рассматривать исключительно как негативное явление, дестабилизирующее психологическое состояние человека. Они могут стать поводом для объективации человека – перевода его с уровня установки на уровень осознанного, активного восприятия и осмысления реальности [7]. Порой именно возникающие трудности стимулируют человека пересмотреть систему отношений, сложившихся у него с близкими людьми и особенности восприятия важных аспектов реальности. К подобного рода ситуациям можно отнести и ситуацию сепарации с родительской семьей в юношеском возрасте, когда молодой человек уходит из своего дома, чтобы начать самостоятельное отдельное проживание. О важнейшей роли своевременной сепарации говорят многие авторы, отмечая как общефилософский смысл данного события в контексте обретения зрелости личности и ее способности что-то самостоятельно создавать, находить свое место в обществе [8], так и пользу для конкретной молодой семьи, стремящейся выстроить свои традиции и правила, эффективно функционировать, корректно принимая на себя роли родителей и супругов [2]. Кроме этого, ситуация сепарации может способствовать пересмотру прежних установок, стимулировать молодого человека учиться новому, по-иному воспринимать себя и свои отношения с миром. Важным остается вопрос о том, насколько юноша, столкнувшийся с трудностями отдельного проживания, будет проявлять ответственность, активность, самостоятельность при их решении и какие факторы определяют подобное поведение. В данном слу-

чае фокус нашего внимания смещается с совладающего поведения в целом на определенный его вид, когда человек проявляет максимальную субъектную позицию – активный копинг.

Объектом нашего исследования является ситуация сепарации с родителями в юношеском возрасте, предметом – предикторы активного копинг-поведения в данной ситуации.

Задачами исследования выступили: исследование копинг-стратегий в ситуации сепарации и выделение активного копинг-стиля; определение предикторов, оказывающих влияние на данный копинг-стиль.

Выборка составила 306 человек в возрасте от 18 до 25 лет, являющихся студентами омских вузов. Критерии включения в выборку: национальность (русские), состав семьи (полная), сепарационный статус (проживают отдельно от родителей).

Методы исследования – анкетирование и тестирование, использовались следующие методики: опросник COPE (совладающего поведения) К. Карвера, М. Шейера и Дж. Вейнтрауба в адаптации Т. Гордеевой, Е. Осина, Е. Рассказовой [3], шкала психологического благополучия К. Рифф в адаптации Н.Н. Лепешинского [5], самоактуализационный тест (САТ) Э. Шострома (адаптация – Ю.Е. Алешина, Л.Я. Гозман, М.В. Загика, М.В. Кроз) [1], опросник «Psychological Separation Inventory» (PSI) Дж. Хоффмана в адаптации Т.Ю. Садовниковой, В.Н. Дзукаевой [4], анкета «Оценки трудных ситуаций» А.Ю. Маленовой [6], авторская анкета для исследования социально-демографических характеристик и особенностей эмоционального реагирования на ситуацию сепарации. Методы математической статистики: критерий Колмогорова-Смирнова, факторный анализ, регрессионный анализ.

Исследование копинг-стратегий с помощью факторного анализа позволило выделить отдельный копинг-стиль, который, однако, не мог быть обозначен нами как активный копинг, поскольку в него помимо собственно активного совладания (факторная нагрузка: 0,825) входили следующие стратегии: планирование (0,651), подавление конкурирующей деятельности (0,645), сдерживание (0,515). Таким образом, приведенные стратегии предполагают не только активизацию, но и порой подавление определенных поведенческих проявлений, потому мы назвали его копинг-стилем управления активностью.

Использование регрессионного анализа позволило составить уравнение регрессии, в которое вошли как диспозиционные предикторы (личностные особенности, возраст испытуемых), так и ситуационные (эмоциональный и когнитивный компоненты оценки ситуации сепарации).

Копинг-стиль управления активностью = $-7,531 - \text{Значимость ситуации} * 1,055 + \text{Контролируемость ситуации} * 0,905 - \text{Тревога} * 0,386 + \text{Спонтанность} * 0,989 + \text{Автономия} * 0,662 + \text{Самоуважение} * 0,423 + \text{Сензитивность к себе} * 0,381 + \text{Самопринятие} * 0,367 + \text{Контактность} * 0,316 + \text{Познавательные потребности} * 0,307 - \text{Аттitudная сепарация(отец)} * 1,176 + \text{Аттitudная сепарация (мать)} * 1,005 + \text{Функциональная сепарация(мать)} * 0,749 - \text{Конфликтологическая сепарация (мать)} * 0,743 + \text{Возраст} * 1,471$

Перейдем к описанию особенностей испытуемых, склонных к использованию копинг-стиля управления активностью. Такие молодые люди воспринимают ситуацию сепарации как достаточно хорошо контролируемую, при этом не слишком значимую для них. Фактор значимости ситуации складывался из нескольких параметров: это собственно значимость, ее участие в самореализации и стрессогенность. Таким образом, молодые люди считают ситуацию сепарации не слишком стрессогенной, и не отводят ей решающей роли в процессе своего личностного роста. Они считают, что ситуация полностью подвластна им, и испытывают слабую тревогу в связи с ней. Несколько чаще используют данный стиль юноши, хотя и значимых различий не найдено: среди молодых людей среднее значение фактора равно 0,595, среди девушек: -0,158. Чаще старшие испытуемые приходят к использованию копинга пере-направления активности. Что касается их личностных качеств, то у них высоко развиты мно-

гие черты, характеризующие личностную зрелость: спонтанность, автономия, самоуважение, сензитивность к себе, самопринятие, контактность, познавательные потребности. Таким образом, эти люди легко сходятся с другими, но при этом не склонны слепо доверять чужому мнению, они ценят свою личность и не будут долго переживать из-за расставания с родителями: скорее, они займут себя процессом личностного роста и развития (исходя из того, что у них в достаточной мере развиты познавательные потребности). Такие молодые люди по своим суждениям ближе к отцу, чем к матери (высокая аттитюдная сепарация от матери, более низкая от отца), с которой у нее могут наблюдаться напряженные отношения (низкая конфликтологическая сепарация от матери) и к которой они редко обратятся за советом в сложной ситуации (высокая функциональная сепарация от матери).

Таким образом, люди, использующие копинг управления активностью, изначально спокойнее прочих оценивают ситуацию сепарации, они уверены в своих силах, мало тревожатся, и обладают совокупностью суждений, больше похожих на отцовские, чем на материнские. Возможно, «маскулинный» тип мышления заставляет их предпринимать конкретные попытки совладания, либо тормозить поспешные действия, которые могут навредить, а также выстраивать стратегию своего поведения, планировать действия. Вероятно, для них в ситуации сепарации актуальной проблемой является не совладание с эмоциями, а работа с конкретными бытовыми задачами, которые возникают в связи с уходом из родительского дома.

Следует отметить, что высокий уровень личностной зрелости и низкая эмоциональная включенность в ситуацию стимулирует человека самостоятельно решать возникающие в связи с отдельным проживанием проблемы и делает его позицию в ней позицией активного субъекта. В связи с этим можно рекомендовать, если это возможно, определять самостоятельно момент физической сепарации от родительской семьи исходя из степени готовности собственной личности к отдельному проживанию, что будет способствовать более эффективной адаптации к новым условиям.

1. Алешина Е.Ю., Гозман Л.Я., Дубовская Е.М., Кроз М.В. Измерение уровня самоактуализации личности // Социально-психологические методы исследования супружеских отношений / под ред. Ю.Е. Алешинной, Л.Я. Гозмана, Е.М. Дубовской. – М., 1987. – С. 91–114.

2. Варга А.Я., Будинайте Г.Л. Теоретические основы системной семейной психотерапии // Системная семейная психотерапия: классика и современность: учебное пособие. – М.: Класс, 2005. – С. 11–59.

3. Гордеева Т.О., Осин Е.Н., Рассказова Е.И., Сычев О.А., Шевяхова В.Ю. Диагностика копинг-стратегий: адаптация опросника *COPE* // Психология стресса и совладающего поведения в современной российской обществу: материалы II Междунар. науч.-практ. конф.– Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2010. – Т. 2. – С. 195–197.

4. Дзукаева В.П., Садовникова Т.Ю. Опыт использования русскоязычной версии опросника PSI (Psychological Separation Inventory) в изучении сепарации взрослых детей с родителями // Психологическая диагностика: научно-методический и практический журнал. – 2014. – № 3. – С. 3–20.

5. Лепешинский Н.Н. Адаптация опросника «Шкала психологического благополучия» К. Рифф // Психологический журнал. – 2007. – № 3. – С. 24–37.

6. Маленова А.Ю. Экзамен как модель формирования копинг-поведения личности в ситуациях оценивания // Социальная психология в образовании: проблемы и перспективы: материалы междунар. науч.-практ. конф. – Саратов, 2007. – Ч. 1. – С. 239–243.

7. Узнадзе Д.Н. Психология установки. – СПб.: Питер, 2001. – 416 с.

8. Фромм Э. Психоанализ и религия: пер. А. Дванова. – М.: Аст, 2010. – 160 с.

КОГНИТИВНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ПРЕВЕНТИВНОГО КОПИНГА*

С.А. Хазова, Б.Н. Коршиков

Костромской государственной университет

В статье предпринята попытка исследования влияния когнитивных детерминант (оценочная тревожность, самоэффективность, оценка приобретения и потери ресурсов) на превентивный копинг у студентов выпускного курса (n = 50).

Ключевые слова: превентивный копинг, самоэффективность, оценочная тревожность, потеря ресурсов, приобретение ресурсов.

COGNITIVE DETERMINANTS OF THE PREVENTIVE COPING

S.A. Hazova, B.N. Korshikov

Kostroma State University

This article makes an attempt to study the influence of cognitive determinants (assessed anxiety, self-efficacy, evaluation of acquisition and loss of resources) on preventive coping among the students of the senior class (n = 50).

Key words: preventive coping, self-efficacy, assessment anxiety, resource loss, resource gain.

В процессе жизнедеятельности каждому человеку приходится сталкиваться с ситуациями, которые произойдут в будущем, но уже сейчас субъективно переживаются как трудные. Наиболее стрессогенными при этом являются ситуации, в которых человеку приходится сталкиваться с внешней оценкой. Способность человека совладать с такими ситуациями характеризует его как субъекта, отличающегося высокой активностью, самодетерминацией и ответственностью за собственные выборы и жизнь в целом. Часто именно превентивный копинг, в ходе которого субъект усиливает сопротивление стрессовому воздействию и аккумулирует психологические ресурсы для преодоления возможных стрессовых ситуаций в будущем, есть наиболее оптимальный и эффективный способ совладать, поскольку он направлен на «менеджмент риска» (Schwarzer, 2000; Schwarzer & Knoll, 2003; Старченкова, Подсадный, 2010)

Известно, что совладающее поведение детерминируют огромное количество факторов, начиная с устойчивых личностных характеристик субъекта и заканчивая социально-культурным аспектом окружающей среды. Одним из ключевых факторов в этом контексте выступает фактор оценки собственных возможностей, то есть когнитивный фактор. Однако, в настоящее время, на наш взгляд, в психологической науке существует довольно мало исследований, посвященных влиянию на превентивный копинг когнитивных детерминант, в частности таких как, ментальные ресурсы, самоэффективность и оценочная тревожность.

Это и определило *цель* нашего исследования: изучение влияния когнитивных детерминант (самоэффективности, оценочной тревожности) на превентивный копинг у студентов выпускных курсов, т.к. именно этот период происходит один из самых значимых стрессовых событий связанных с ситуацией оценки, – государственные экзамены. Были проведены два

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-28-00087), Институт психологии РАН.

замера – аз полгода до государственной аттестации и за полтора месяца. *Выборку исследования* составляют 50 студентов старших курсов на базе Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Пол испытуемых не учитывался. В исследовании использованы следующие *методики*: 1. Методика «Проактивное совладающее поведение» (Аспинвал, Шварцер, Тауберт, 1999, адаптация Е. Старченковой, 2009), при статистической обработке использовалась только шкала «Превентивное преодоление»; 2. Опросник «Потери и приобретения персональных ресурсов» (ОППР) (Н.Е. Водопьянова, М.В. Штейн, 2003); 3. Опросник оценочной тревожности Ч.Д. Спилбергера *Test Anxiety Inventory (TAI)* (В адаптации Карандашева и др., 2004); 4. Опросник общей самооффективности Р. Шварцера и М. Ерусалема в адаптации В.Г. Ромека (Шварцер, Ерусалем, Ромек, 1996).

Результаты исследования и их обсуждение. Первым важным результатом было изменение выраженности превентивного копинга во времени ($T = 23,0$, $p \leq 0,000$): по мере приближения к экзамену от первого среза в январе ($M = 23,3$, $Std.Dev. = 4,73$) ко второму срезу в мае ($M = 33,3$, $Std.Dev. = 4,69$) произошло его существенное увеличение, то есть превентивный копинг усиливается по мере приближения к стрессовой ситуации. Чем ближе стрессовая ситуация, тем активнее протекают процессы целеполагания и формирования четкого плана действий для того, чтобы максимально нивелировать возможные негативные последствия стресса. Этот результат был ожидаемым, поскольку схожая тенденция в отношении проблемно-ориентированного совладания фиксировалась и другими исследователями (см., например, Кучина, 2009).

Второй важный факт касался исследования оценки респондентами собственных ресурсов, их потери и приобретения в данной ситуации. Результаты говорят в пользу высокого и достаточного уровня стрессоустойчивости у 75 % студентов и низкого уровня у 25 %. Этот показатель отражает индекс ресурсности человека, то есть соотношение их приобретения и потери за данный период времени. Интересно, что изменений индекса ресурсности по мере приближения к экзаменам не произошло.

Далее, нами исследовалась оценочная тревожность. За полгода до итоговой аттестации 50 % студентов обладают умеренным уровнем оценочной тревожности, то есть способны к адекватному восприятию ситуации оценки и проверки знаний и в принципе рассчитывают на эффективное совладание с ней, 40 % пока еще о результатах экзаменов не тревожатся, поскольку ситуация воспринимается ими как достаточно отдаленная и пока еще нестрессогенная, 10 % уже сейчас переживают ее как угрожающую их самооценке и не уверены в результате. За полтора месяца до государственной аттестации 89 % студентов имеют высокую оценочную тревожность ($T = 0,0$, $p \leq 0,000$), то есть неуверенны в результатах, переживают за оценки, испытывают страх и плохо контролируемую тревогу. При этом такие результаты не зависят от успешности студентов в предыдущие сессии.

Измерение самооффективности за полгода и за полтора месяца до сессии дало приблизительно одинаковые результаты: большая часть студентов имеют средний (43 % в первом замере и 54 % во втором) либо высокий (47 и 40 % соответственно) уровень воспринимаемой самооффективности, то есть они оценивают себя как достаточно уверенных в своих возможностях контролировать ситуацию, и только 10 и 6 % соответственно не уверены в своих силах. Однако показательно, что по мере приближения к экзаменам несколько снизилось количество студентов с высокой самооффективностью и низкой и возросло – со средней.

Наконец, для доказательства влияния когнитивных детерминант на превентивный копинг нами был рассчитан коэффициент регрессии. Результаты были несколько неожиданными. Во-первых, оказалось, что все изучаемые переменные в совокупности детерминируют частоту превентивного копинга ($F = 3,61$, $p < 0,008$). Во-вторых, ни самооффективность, ни оценочная тревожность не оказывают влияния (хотя мы этого ожидали) на превентивный копинг.

Эти данные требуют проверки и дальнейшего осмысления, поскольку все известные нам исследования свидетельствуют о том, что эти личностные образования являются значимыми предикторами выбора копинг-стратегий и его эффективности (см., например, Хазова, 2007).

В-третьих, наиболее значимым предиктором выступает состояние ресурсов: показатели приобретения ресурсов ($\beta = 0,418, p \leq 0,046$), потери ресурсов ($\beta = -0,666, p \leq 0,002$) и общий индекс ресурсности ($\beta = -0,834, p \leq 0,000$). Все эти данные могут быть интерпретированы следующим образом:

– оценка достаточности накопленных и сохранных ресурсов и низкой их потери оказывает мотивирующее действие на превентивный копинг, позволяет человеку предпринимать предупредительные меры и воспринимать себя достаточно «вооруженным» перед лицом предстоящего стресса, что повышает уровень субъективного благополучия;

– высокий индекс ресурсности говорит о сбалансированности жизненных разочарований и достижений, высоком адаптационном потенциале и низкой стрессовой уязвимости, следовательно, необходимость в превентивном копинге значительно снижается.

Таким образом,

1. По мере приближения к стрессовой ситуации превентивный копинг становится более выраженным, что позволяет нивелировать негативное влияние будущего стресса.

2. Наиболее значимым предиктором превентивного копинга является оценка собственных ресурсов и их состояния, то есть оценка собственных возможностей и их достаточности / недостаточности с точки зрения совладания с предстоящим стрессом.

1. *Кучина З.Б.* Совладание с экзаменационным стрессом у студентов вуза (на примере интернет-экзамена) // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. – 2009. – Т. 15. – № 4. – С. 225–232.

2. *Старченкова Е.С., Подсадный С.А.* К вопросу проактивного совладающего поведения // Психология совладающего поведения: материалы II Междунар. науч.-практ. конф. (Кострома, 23–25 сент. 2010 г.): в 2 т. /отв. ред.: Т.Л. Крюкова, М.В. Сапоровская, С.А. Хазова. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2010. – Т. 1. – С. 67–69.

3. *Хазова С.А.* Роль свойств личности в совладании с трудностями // Психология совладающего поведения: материалы междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред.: Е.А. Сергиенко, Т.Л. Крюкова. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2007.

4. *Aspinwall L.G., Taylor S.E.* A stitch in time: Self-regulation and proactive coping // *Psychological Bulletin*. – 1997. – Vol. 121 (3). – P. 417–436.

5. *Folkman S., Schaefer C., Lazarus R.S.* Cognitive processes as mediators of stress and coping // V. Hamilton, D.M. Warburton (Ed.). *Human stress and cognition*. – Chichester, England: Wiley, 1979. – P. 265–298.

6. *Schwarzer R., Knoll N.* Positive coping: mastering demands and searching for meaning // *Comprehensive Handbook of Psychology*. – Vol. 9, ed. AMNezu, CM Nezu, PA Geller. – New York: Wiley, 2003.

ПРОБЛЕМА ОТКРЫТОСТИ ДИАГНОЗА ВИЧ-ИНФЕКЦИИ КАК ФАКТОР СОВЛАДАНИЯ СО СТРЕССОМ БОЛЕЗНИ

О.В. Шаргородская

Костромской государственный университет

Рассматривается совладающее поведение ВИЧ-инфицированных людей. Поиск ресурсов совладания, в ситуации болезни (ВИЧ-инфекции), затруднено различными факторами: стигматизация людей, живущих с ВИЧ, ограниченная социальная сеть, социокультурный контекст и т. д.

Ключевые слова: совладающее поведение, одиночество, открытость / закрытость диагноза ВИЧ, копинг-ресурс.

THE ISSUE OF OPENNESS OF DIAGNOSIS OF HIV INFECTION AS A FACTOR OF COPING WITH STRESS ILLNESS

O.V. Shargorodskai

Kostroma State University

Search for resources of coping in the situation of the disease (HIV), is difficult due to various factors: the stigmatization of people living with HIV, limited social network, a social and cultural context, etc.

Key words: coulduse behavior, loneliness, openness/closeness of their HIV status, coping resources.

В настоящее время в нашей стране всё более актуальной становится проблема ВИЧ – инфекции с психологической точки зрения. Совладающее поведение ВИЧ-инфицированных людей это новое и малоизученное направление в науке. В то время как людей, живущих с ВИЧ, становится всё больше, а в связи с отсутствием единой линии психологической помощи ВИЧ-инфицированным людям в совладании с болезнью требуется разработанность проблемы, выработка методов и определённой научно-обоснованных способов оказания психологического сопровождения.

Заболевание ВИЧ-инфекцией характеризуется поражением иммунной системы, приводящее к состоянию, известному под названием «синдром приобретённого иммунного дефицита» (СПИД). При этом заболевании (ВИЧ-инфекция) у больного развиваются «Оппортунистические заболевания»: тяжелые формы инфекции, вызванных условно-патогенными возбудителями, и некоторые онкологические заболевания [1].

Человек, столкнувшийся с проблемой ВИЧ, а именно постановкой на учёт в специализированное учреждение испытывает стресс, кризис, переломный момент в жизни, который сопровождается стигматизацией, одиночеством, неприятием диагноза, и как следствие депрессивные расстройства.

Следовательно, столкнувшись с данными психическими состояниями, психологическая помощь ВИЧ-инфицированными людьми востребована и имеет важный социальный контекст.

В нашем исследовании совладающего поведения ВИЧ-инфицированных людей участвовали 103 человека (из них 38 мужчин и 65 женщин) в возрасте от 17 до 46 лет, давших согласие принять участие в исследовании, и состоящих на диспансерном учете с диагнозом

ВИЧ-инфекция на разных стадиях заболевания (16 человек с «сырым стрессом» – относительно недавно был поставлен диагноз ВИЧ, не более полугода прошло с момента постановки диагноза; 87 человек – «давний стресс» с момента постановки диагноза прошло более 1 года) с разными путями заражения (55 человек – половой путь заражения, 48 человек наркотический путь заражения), и из разных социальных слоев.

Опираясь на полученные результаты мы отмечаем, что люди, живущие с ВИЧ, относятся к особой субкультуре в нашем обществе: они считают себя изгоями, невезучими и виноватыми в том, что заразились. Воспринимают общество, других людей вокруг как враждебных и не заслуживающих доверия. Способы их восприятия ситуации своей болезнью и способы совладания культурно-обусловлены их принадлежностью к группе людей с диагнозом ВИЧ и в связи с этим специфичны. Но еще до постановки диагноза они отличались личностным неблагополучием: инфантилизмом, социальной безответственностью, отсутствием заботы о себе, своем здоровье и жизни [3].

Одной из важнейших проблем ВИЧ-инфицированных людей является их одиночество. Наше понимание *одиночества* как воспринимаемого дефицита в социальных и межличностных отношениях, которые субъект определяет как неудовлетворяющие его потребности связывает его с когнитивно-эмоциональной оценкой человеком своих социальных связей, отношений (социальной сети), которые качественно неадекватны или количественно невелики.

Так в нашем исследовании выявлено, что люди, живущие с ВИЧ, испытывают именно «социальное одиночество» гораздо острее, чем здоровая выборка, встающее барьером в совладании с болезнью (ВИЧ – инфекцией); а «эмоциональное одиночество» за счёт контроля над своим эмоциональным фоном ими ощущается в меньшей степени [2].

Социальная сеть людей, живущих с ВИЧ, чрезвычайно мала за счёт их стигматизации, социального отвержения и их собственного дистанцирования от других (они «бегут» от контактов). В большинстве случаев больные ВИЧ остаются один на один со своими переживаниями, так как страх разглашения диагноза, страх быть отвергнутым является психологическим барьером для общения с другими, доверия к миру и людям. Данный факт также культурно обусловлен.

В исследованиях данной проблематики датские учёные выделили ресурс в ослаблении депрессивного состояния при наличии диагноза ВИЧ – «степень открытости диагноза» [4].

Полученные данные показали, что чем больше открытость диагноза социуму, значимым людям и т. д., тем ниже уровень депрессии. Тогда как высокий уровень депрессивности отмечают люди, живущие с ВИЧ, с полностью закрытым диагнозом. Также выделен ещё один критерий «средний уровень открытости». Респонденты данной группы отмечали средний уровень депрессивного расстройства.

Мы взяли данные критерии как копинг-ресурс в совладании в ситуации болезни ВИЧ-инфекции и получили следующие результаты:

Женщины чаще мужчин склонны скрывать свой диагноз ($U = 805$ $p = 0,002$). Однако наличие значимого человека способствует открытости диагноза ($U = 710$ $p = 0,000$). Также очевиден и тот факт, что с одной стороны близкий человек и способствует раскрытию, то с другой вызывает страх быть отвергнутым, что усиливает стигматизацию.

Выявлено различие степени раскрытости диагноза у людей, заразившихся ВИЧ разными путями. Наркотический путь заражения более склонен к открытию своего диагноза ($U = 855$ $p = 0,01$), чем половой путь заражения.

Большая открытость диагноза у людей, которые имеют статус ВИЧ-инфицированный давно, чем у тех, кто приобрел его относительно недавно ($U = 332$ $p = 0,000$). Сырой стресс постановки диагноза ВИЧ указывает нам на непринятие и неосмысление приобретённого заболевания.

Дисперсионный анализ степени открытости диагноза и депрессивности показал влияние раскрытости на некоторые компоненты её показателей по методике Бека.

Степень открытости диагноза влияет ($F = 5,082$ $p = 0,008$) на переживание печали, причём наименьший уровень переживания печали у людей с умеренной степенью открытости диагноза для социума. Самый высокий уровень печали у тех, чей диагноз совершенно закрыт для социума.

Выявлено также влияние степени открытости диагноза социуму ($F = 4,242$ $p = 0,017$) на самоотрицание как показатель депрессивности, где мы наблюдаем ту же закономерность, что и в отношении печали.

Степень открытости диагноза социуму влияет ($F = 3,286$ $p = 0,021$) на уровень самообвинения в сложившейся ситуации ВИЧ-инфицирования, очевидно, чем больше степень открытости диагноза социуму, тем ниже уровень самообвинения у ВИЧ-инфицированного.

Проявление плаксивости у ВИЧ-инфицированных также обусловлено степенью открытости диагноза социуму ($F = 3,375$ $p = 0,024$), здесь самый низкий уровень плаксивости отмечается у людей с умеренной степенью открытости диагноза социуму. При закрытом диагнозе для социума, также как и при совершенно открытом отмечается высокий уровень плаксивости у людей, живущих с ВИЧ, что является показателем наличия депрессии.

Еще один из признаков депрессии «потеря сексуального влечения» обусловлен уровнем открытости диагнозу социуму ($F = 3,445$ $p = 0,036$), в данном случае потеря сексуального влечения как признак депрессии характерно для тех, у кого закрыт диагноз для социума, так и тех, у кого он полностью открыт.

Данные факты указывают нам на то, что при наличии значимого человека степень открытости диагноза выше, чем у одиноких людей.

Такие влияния как страх быть отвергнутым, стать изгоем обуславливают копинг-ресурсы и как следствие совладание с диагнозом ВИЧ.

Следовательно, наличие значимого человека, доверительные отношения с ним должны бы выступать ресурсом, с нашей точки зрения, способствующим совладанию со стрессом ВИЧ-инфицирования, однако в данном случае он не осознается и не используется. Из всего вышесказанного мы делаем вывод, что у большинства людей, живущие с ВИЧ ответственность за свое благополучие (здоровье, семейные отношения и т. д.), благополучие значимых для них людей не является важным жизненным аспектом. Также данная категория людей не принимают на себя социальную ответственность, а именно не сообщают о своём диагнозе половым партнёрам, врачам и д.т., что приводит к дальнейшему распространению ВИЧ.

1. Покровский В.В., Ермак Т.Н., Беляева В.В., Юрин О.Г. ВИЧ-инфекция: клиника, диагностика и лечение / под общ. ред. В.В. Покровского. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: ГЭОТАР-МЕД, 2003. – С. 488.

2. Крюкова Т.Л., Шаргородская О.В. Одиночество как барьер в совладании с болезнью (ВИЧ-инфекции) // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова: Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокенетика. – 2014. – № 3 (20). – С. 152–156.

3. Крюкова Т.Л., Шаргородская О.В. Социокультурный контекст копинга в ситуации болезни (ВИЧ-инфекции) // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. – 2012. – № 4 (18). – С. 135–142.

4. Rodkjaer L. et. al. HIV-infected individuals with high coping self-efficacy are less likely to report depressive symptoms: a cross-sectional study from Denmark // International J. of Infectious diseases. – 2014. – Vol. 22. – P. 67–72.

СЕКЦИЯ
«ПРОБЛЕМА АКТИВНОСТИ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ
В ИССЛЕДОВАНИЯХ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ»

УДК 374.8

РАЗВИТИЕ СУБЪЕКТНЫХ КАЧЕСТВ РОДИТЕЛЕЙ
В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ ИХ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ
ПОСРЕДСТВОМ АНДРАГОГИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

О.В. Артемьева

Педагогический институт Иркутского государственного университета

Рассматриваются возможности развития субъектных качеств родителей в процессе формирования их педагогической культуры, обозначается роль андрагогического взаимодействия в развитии субъектных качеств.

Ключевые слова: педагогическая культура, андрагогический подход, субъект, субъектные качества, андрагогическое взаимодействие, активные методы обучения.

THE DEVELOPMENT OF PARENTS' SUBJECTIVE FEATURES
IN THE PROCESS OF FORMATION THEIR PEDAGOGICAL CULTURE
WITH THE ANDRAGOGICAL INTERACTION

O.V. Artemeva

Pedagogical institute of the Irkutsk State University

The article is devoted to possibility of the development parents' features in process of formation their pedagogical culture. The article defines the role of pedagogical interaction in the development of the subjective features.

Key words: pedagogical culture, andragogical approach, subject, subjective features, andragogical interaction, active teaching methods.

Семья на протяжении многих столетий остается важнейшим социальным институтом, благодаря которому обеспечивается устойчивость человеческого общества, становление молодого поколения.

Социальные перемены в обществе, выражающиеся в утрате психической стабильности, повышении требований к социальной и профессиональной мобильности человека, быстром устаревании информации, нарушении системы ценностей, снижении уровня нравственного развития привели в числе одного их последствий к снижению уровня педагогической культуры родителей. На фоне экономической нестабильности, низкого материального достатка в семьях стали наблюдаться формализация контактов родителей с ребенком, исчезновение со-

вместных форм деятельности, возрастание дефицита теплоты и внимательного отношения друг к другу. Параллельно с этим методы воспитательного воздействия стали гораздо менее эффективными: общение часто заменяется просмотром телевизора или компьютерными играми, поощрение выражается в материальной форме, наказание приобретает форму тотальных неаргументированных запретов.

Сам родитель как личность также подвергается серьезной деформации: саморазвитие отодвигается на второй план, потребность в общении с ребенком снижается, уменьшается активность родителя в процессе воспитания, ответственность за воспитание возлагается на коммерческие образовательные центры и т. д.

На данный момент проблема изучения педагогической культуры родителей в педагогике рассматривается в нескольких аспектах: раскрывается сущность педагогической культуры, ее структура и этапы формирования (Е.В. Бондаревская, И.В. Гребенников, В.А. Мижеригов и др.); освещаются пути формирования педагогической культуры родителей (Е.В. Бондаревская, Р.В. Овчарова и др.), отдельные исследования затрагивают условия формирования педагогической культуры родителей обучающихся (А.Т. Кокоева, С.Н. Щербакова). При этом многие исследователи видят одну из причин недостаточной эффективности работы по формированию педагогической культуры в используемых методах взаимодействия, которые часто создают не равноправный двусторонний диалог между учителем и родителями, а назидательный монолог со стороны учителя, что усиливает дистанцию между семьей и школой.

В педагогическом энциклопедическом словаре мы находим следующее определение: «Педагогическая культура – совокупность специфических «механизмов» и средств, овладение которыми делает семью способной организовать воспитательный процесс и руководить им в соответствии с определенными общественными требованиями» [7, с. 316].

А.Т. Кокоева [6] определяет педагогическую культуру родителей как личностное образование, которое выражается в ценностно-гуманном отношении к ребенку, в творческом владении педагогическими технологиями, в отношениях взаимодействия семьи и школы, в гуманистическом стиле взаимодействия с детьми. Ключевым механизмом является четкое осознание воспитательных целей и способов их достижения. Способы достижения представляют собой определенные знания и умения, которые позволяют более эффективно выстраивать процесс воспитания ребенка.

Согласно мнению Е.В. Бондаревской [1], педагогическая культура представляет собой интегративную характеристику педагогического процесса, в котором наблюдается единство объекта, субъекта, содержание механизмов, системы и цели.

Большое внимание исследователей сейчас привлекает андрагогический подход к организации взаимодействия с родителями, как одно из наиболее перспективных направлений развития взрослых людей в целом (О.В. Гордина [4]) и развития сотрудничества школы и семьи по многим вопросам в частности. Отличительной особенностью данного подхода является правильное восприятие родителей не в качестве учеников, а в качестве партнеров в процессе совместного развития, решения задач обучения и воспитания детей. Этот подход позволяет учителю пересмотреть содержание, методы и приемы работы с родителями и качественно повысить эффективность взаимодействия с родителем как субъектом воспитательного процесса.

Субъект – это человек, характеризующийся активной деятельностью, сознанием, волей, способный действовать целенаправленно и достигать поставленной цели [7].

Становление родителя как субъекта взаимодействия предполагает развитие у него субъектных качеств: активности, ответственности, инициативности, решительности, целеустремленности и т. д.

В традиционном подходе школы к взаимодействию на родителей распространяется педагогическая модель, в которой доминирующее положение занимает обучающий, именно на

нем сконцентрированы все параметры процесса обучения, цель содержание, формы, методы, средства и т. д. Это обусловлено тем, что личность обучающегося является несформированной, характеризуется зависимым экономическим и социальным положением, малым жизненным опытом, отсутствием серьезных проблем, для решения которых необходимо учиться, отсюда более низкой мотивацией к обучению. Поэтому роль обучающегося в педагогической модели достаточно пассивна, по сравнению с ролью обучающегося в андрагогической модели. Как указывают О.В. Гордина [5] и другие авторы, взрослый обучающийся является активным элементом и фактически равноправным субъектом процесса обучения.

Субъект может определять перспективу своей жизнедеятельности, проявлять активность в стремлении достичь цели, принимать решения и анализировать свои действия. Этот уровень развития позволяет человеку сознательно воздействовать на окружающий мир, изменять мир и изменять себя.

Развитие субъектных качеств родителей в процессе формирования их педагогической культуры означает, что родители становятся не просто активными участниками процесса воспитания, они осмысливают свои действия, стремятся понять закономерности и особенности развития ребенка, научиться взаимодействовать с ребенком как личностью, использовать более эффективные стратегии педагогического воздействия.

В этом способен помочь андрагогический подход к организации взаимодействия педагога и родителей в условиях общеобразовательной школы. На основе данного подхода может быть создано андрагогическое взаимодействие.

Взаимодействие выступает в качестве универсальной характеристики педагогического процесса или его основы. Исходя из понимания сущности андрагогики и андрагогического подхода к образованию, мы можем определить андрагогическое взаимодействие как процесс информационного и личностного обмена, который происходит между преподавателем (андрагогом) и обучающимися (взрослыми) и способствует саморазвитию и самоактуализации всех участников образовательного процесса, решению поставленных задач.

Цель андрагогического взаимодействия – достижение личностного роста, содействие самоактуализации взрослого человека (родителя), развитие саморегуляции, формирование идентичности.

Андрагогическое взаимодействие осуществляется в условиях общения протекающего на фоне учебной деятельности. Соответственно воздействие андрагога на личность обучающихся осуществляется посредством используемых им методик образования взрослых.

В работе Л.Е. Васильевой [2] отмечается, что на формирование педагогической культуры родителей оказывают влияние те формы, методы и приемы работы, которые используют образовательные учреждения и педагоги, в частности для повышения педагогической культуры. При этом исследователь отмечает, что не все методы и формы одинаково эффективны в решении данных задач и приводит данные о том, как могут быть использованы отдельные формы. В данном случае, большое внимание следует уделить активным формам взаимодействия с родителями. Эти формы обладают целым рядом преимуществ и могут способствовать повышению педагогической культуры родителей посредством формирования у них активной позиции.

В.И. Подобед [8] отмечает, что благодаря интерактивным формам взаимодействия, ломаются стереотипы традиционных форм взаимодействия, например, собрания. Использование интерактивных форм взаимодействия повышает готовность родителей к взаимодействию со специалистами, формируют у них уважение и интерес к работе специалистов образовательного учреждения, а также формируют представления об их работе.

Построению андрагогического взаимодействия способствует использование активных методов обучения. Активные методы обучения – это система методов, которые обеспечива-

ют активность и разнообразие мыслительной и практической деятельности обучаемых, создают условия для самопознания в процессе освоения знаний. В их число входят метод анализа конкретных ситуаций, кейс-стади, метод решения практических задач, фокус-группы, тренинги, деловые игры, дискуссии и т. д.

Таким образом, анализ проблемы показывает, что именно андрагогическое взаимодействие позволяет создать благоприятные условия для становления субъектной позиции родителя в процессе становления его как носителя педагогической культуры.

1. *Бондаревская Е.В.* Гуманистическая парадигма личностно-ориентированного образования // Педагогика. – 2007. – № 4. – С. 11–17.

2. *Васильева Л.Е.* Повышение педагогической культуры родителей на занятиях клуба «Семья и школа» // Взрослые и дети: этнопедагогические проблемы семейного воспитания: материалы Всерос. науч.-практ. конф. – Чебоксары: ЧГПУ, 2007. – С. 60–67.

3. *Галичин В.А.* Основные характеристики и тенденции развития образования взрослых в условиях глобализации // Век глобализации. – 2012. – № 1. – С. 26–29.

4. *Гордина О.В.* Неформальное образование взрослых как социально-педагогический феномен // Вестник Восточно-сибирской государственной академии образования. – 2012. – № 17. – С. 111–114.

5. *Гордина О.В.* Жизнетворчество как феномен, реализующийся в неформальном образовании взрослых // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2013. – № 6 (26). – С. 58–63.

6. *Кокоева А.Т.* Формирование педагогической культуры родителей: автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Владикавказ, 2003. – 20 с.

7. Педагогический энциклопедический словарь / гл. ред. Б.М. Бим-Бад. – М.: Большая российская энциклопедия, 2006. – 528 с.

8. Современные адаптивные системы и технологии образования взрослых: методическое пособие / под ред. В.И. Подобеда, А.Е. Марона. – СПб.: ГНУ «ИОВ РАО», 2000. – Т. 3. – Кн. 1. – 184 с.

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СРЕДНЕМ ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ

К.С. Грицкевич

Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева

В статье представлены результаты исследования особенностей развития ответственности в среднем подростковом возрасте. Разработан и представлен комплекс рекомендаций, которые будут способствовать развитию и формированию ответственности.

Ключевые слова: ответственность, средний подростковый возраст.

FEATURES OF THE DEVELOPMENT OF RESPONSIBILITY ON THE AVERAGE TEENAGER

C.S. Gritskevich

Krasnoyarsk state pedagogical University V.P. Astafiev

The article presents the results of research of features of development of responsibility of the average teenager. Developed and presented a set of recommendations that will contribute to the development and accountability.

Key words: responsibility, middle adolescence.

В Федеральных государственных образовательных стандартах общего образования второго поколения отражены основные направления развития личности, в которые, в частности, входит способность к самостоятельным поступкам и действиям, совершаемым на основе морального выбора, ответственность за их результаты, целеустремленность, настойчивость при их достижении [3].

По мнению В.П. Преядина в условиях переоценки ценностей и идеалов проблема воспитания ответственности учащихся в среднем подростковом возрасте является одной из приоритетных. На протяжении длительного советского периода в нашем обществе говорили о коллективной ответственности. Новые социальные условия требуют персональной ответственности человека, поэтому обществу нужны люди, готовые самостоятельно принимать решения в ситуации выбора, обладающие ответственностью [3].

Е.А. Леванова отмечает, что подростковый возраст является сензитивным периодом для формирования ответственности, так как появляется чувство взрослости, стремление быть самостоятельным и независимым. В данный период подросток старается утвердиться, найти свое место в обществе [2]. Согласно В.Г. Казанской ответственность является качеством личности, которое входит в нравственную систему и формируется как в школе и семье, так и в повседневной жизни. В подростковом возрасте данное качество несет в себе огромную ценность, так как чувство взрослости не будет подкреплено без ответственности [1].

Цель нашего исследования, проведенного в 2015–2016 уч. г. на базе СОШ № 152 г. Красноярска, – изучение ответственности в среднем подростковом возрасте. Эмпирическую базу исследования составили 60 подростков в возрасте от 14 до 15 лет, обучающихся в 8 классе.

Для исследования ответственности в среднем подростковом возрасте использовались следующие методики: «Экспресс-диагностики ответственности» (В.П. Преядина), «Ответст-

венность, саморегуляция, страсть, риск» (В.П. Прядина), Тест-опросник субъективного контроля Дж. Роттера адаптированный Е.Ф. Бажиным, С.А. Голькиной, А.М. Эткингом, Тест «Принятие ответственности» (В.П. Прядин), Тест-опросник Кеттелла для подростков (14 PF).

Для более эффективного проведения исследования с помощью методик «Экспресс-диагностики ответственности» (В.П. Прядина) и «Ответственность, саморегуляция, страсть, риск» (В.П. Прядина) респонденты были разделены на пять групп по принципу преобладающего уровня саморегуляции и ответственности: высокий уровень ответственности и саморегуляции (13,3 %), высокий уровень ответственности и средний уровень саморегуляции (6,7 %), средний уровень ответственности и высокий уровень саморегуляции (21,7 %), средний уровень ответственности и саморегуляции (50 %), низкий уровень ответственности и саморегуляции (8,3 %).

В полученных группах респондентов был проведен ряд методик, выявляющих степень принятия моральных норм, уровень субъективного контроля и принятие ответственности: Тест-опросник субъективного контроля Дж. Роттера адаптированный Е.Ф. Бажиным, С.А. Голькиной, А.М. Эткингом, Тест «Принятие ответственности» (В.П. Прядин), Тест-опросник Кеттелла для подростков (14 PF).

Первая группа респондентов с высоким уровнем ответственности и высокой саморегуляцией по проведенным методикам показала высокий уровень степени принятия моральных норм (62,5 %) и ответственности (62,5 %). Следовательно, полученные результаты характеризуют группу респондентов как «надежных», то есть полных планов, исполнительных, требовательных к себе, на которых можно положиться в любых ситуациях, а также отвечающих за совершенные поступки. Уровень субъективного контроля в основном выражен интернальным типом, который выражается в достижении успеха без помощи кого-либо, способности добиваться своего в будущем (Ид – 75 %). В учебной деятельности полагаются в основном на себя (Ип – 75 %). Могут контролировать отношения с другими людьми в формальной и неформальной обстановке (Им – 75 %). Взятие ответственности за свое здоровье (Из – 50 %). Но при этом отдельные респонденты группы не берут на себя ответственность за здоровье (50 %), за возникающие ситуации в семье (Ис – 87,5 %). Приписывают и перекладывают ответственность за собственные неудачи и неприятности (Ин – 75 %). Большинство событий являются для них результатом случая (Ио – 62,5 %).

Особенностью второй группы респондентов явилось преобладание среднего уровня принятия ответственности (75 %) и моральных норм (50 %). Выражается это в ситуативном проявлении взятия на себя ответственности за совершенные поступки. Уровень субъективного контроля, как и в первой группе, соответствует интернальному типу, но отличием является то, что данная группа респондентов берет на себя ответственность за здоровье (Из – 75 %) и обвиняет себя в собственных неудачах (75 %).

Третья группа респондентов отличается от предыдущих тем, что уровень субъективного контроля по шкале достижений (69,2 %) и производственных отношений (61,5 %) находится в экстернальном типе. Это говорит о приписывании своих достижений различным обстоятельствам, а также склонности не брать ответственность за свои учебные успехи и неудачи. Данная группа респондентов характеризуется высоким принятием ответственности (53,8 %) и моральных норм (53,8 %).

Четвертую группу со средним уровнем ответственности и средней саморегуляцией можно охарактеризовать как «непостоянных», «переменчивых», выражающееся в среднем уровне принятия ответственности (50 %), но при этом низкое принятие моральных норм (60 %). Это находит отражение склонности к ситуативному реагированию на различные события, выражающееся в отсутствии устойчивой реакции на принятие ответственности и моральных норм. Уровень субъективного контроля данной группы респондентов показывает преоблада-

ние экстернального типа. Характеристикой будет являться приписывание своих достижений (Ид – 63,3 %) и неудач (Ин – 80 %) различным обстоятельствам, перекалывание ответственности на других членов семьи в возникающих семейных ситуациях (Ис – 93,3 %), нет наличия попытки сформировать свой круг общения (Им – 70 %), надежда на случайное выздоровление, за которое отвечаю другие (Из – 70 %). Большинство событий являются для них результатом случая (Ио – 62,5 %). Отдельные респонденты группы для успеха в учебной деятельности полагаются на себя (Ип – 60 %).

Существенное отличие пятой группы респондентов от всех предыдущих дает право причислить ее к категории «неблагонадежных». Данная характеристика проявляется в низком уровне принятия моральных норм (80 %) и ответственности (80 %). Полученные данные показывают, что у данной группы респондентов возможно нет сформированной внутренней системы ценностей, осуществляющей контроль и регуляцию деятельности, поэтому происходит переложение ответственности на других, на них нельзя положиться в трудных ситуациях, они не отвечают за совершенные поступки. Уровень субъективного контроля выражен экстернальным типом (100%), который находит свое отражение в том, что большинство событий являются результатом случая, приписывание своих неудач и достижений случайным событиям, перекалывание ответственности за свое здоровье, за успехи в учебной деятельности и за различные ситуации в семье на других, отсутствие попытки сформировать круг общения.

На основе полученных результатов первая группа респондентов не нуждается в мероприятиях по развитию и формированию ответственности. Для остальных, в особенности четвертой и пятой группы, необходимы мероприятия, которые повысят ответственность. Необходимо включать респондентов в школьные мероприятия, которые несут в себе ответственность, развивают активность. Давать различные общественные поручения, за исполнение которых будут отвечать. Но при этом каждому из них должна быть представлена свобода выбора, чтобы была возможность зарождения интереса в исполнении мероприятия (поручения). Родители должны избавлять от излишней опеки, давать возможность принятия самостоятельного решения, оценивать результат собственных действий. Кроме учебных занятий и заданий, должны быть обязательные (постоянные и временные) поручения по дому выполнение которых позволило бы понять и почувствовать свою значимость в семье. Если возможен отказ от выполнения поручения, то лучше его не давать, или продумать аргументы необходимости его выполнения. Также возможно составление и выполнение режима дня, с входящими в него обязанностями, за которые необходимо нести ответственность и отвечать за их реализацию. На первых этапах привыкания к режиму наличие поддержки и контроля со стороны родителей обязательно. В школе возможно проведение тренинга на формирование и развитие ответственности.

Таким образом, из вышесказанного можно сделать вывод о том, что в среднем подростковом возрасте нет четко сформированной ответственности, поэтому необходим комплекс мер повышающих ее формирование и развитие. Также, в мероприятиях должны активно участвовать не только сами подростки, но и их родители и учителя, которые являются главными организаторами.

1. *Казанская В.Г.* Подросток. Трудности взросления. – СПб.: Питер, 2008.

2. *Леванова Е.А., Шевченко С.И., Ковалевская М.В.* Родители и подростки: навстречу друг другу / под общ. ред. Е.А. Левановой. – М.: «Педагогическая литература», 2010.

3. *Пряedin В.П.* Воспитание ответственности у подростков: научно-методическое пособие / Гос. образоват. учреждение высш. проф. образования ХМАО – Югры «Сургут. гос. пед. ун-т»: науч. ред. В.П. Пряedin. – Сургут: РИО СурГПИУ, 2013.

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ПОЖИЛЫХ ЛЮДЯХ В ЮНОШЕСКОЙ СРЕДЕ

Е.А. Дианова

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

В статье представлены результаты исследования межпоколенных отношений, в частности отношение представителей юношества к пожилому человеку. В ходе исследования было выявлено, что у представителей юношества существует тенденция стереотипизации пожилого человека, а так же предвзятое отношение к старости.

Ключевые слова: социальные представления, пожилой возраст, юношество, эйджизм.

GENDER FEATURES OF SOCIAL PERCEPTIONS A OF THE ELDERLY PEOPLE IN THE YOUTH ENVIRONMENT

E.A. Dianova

Dostoevsky Omsk State University

This article presents the research results of relationship between generations, in particular, the relationship of young people to older generation is investigated. In the course of study it is determined that the definite stereotypes of old people are typical for the youth representatives of the society, as well as prejudice attitude to old people.

Key words: ageism, discrimination, representation, advanced age, young adults

Проблема взаимоотношений молодого поколения и пожилых людей была актуальна и важна во все общественно-исторические периоды жизни общества. А отношения между старцами и молодым поколением менялось из года в год, из века в век.

К сожалению, в современном мире вновь прослеживается тенденция стереотипизации пожилого человека и негативного и предвзятого отношения к данному возрастному периоду. Если взросление является долгожданным этапом в жизни человека, связанным с приобретением опыта и социально необходимых навыков, то старость, наоборот ассоциируется с их утратой, слабостью и болезненностью, беспомощностью и скудностью интересов и потребностей.

Явление возрастной дискриминации стало объектом изучения социологов и психологов относительно недавно – в 1950–1960-е гг. В 1969 г. американский социолог Р.Н. Батлер для обозначения возрастной дискриминации ввел понятие эйджизм, по аналогии с расизмом и сексизмом, в России же эта тема, несмотря на свою значимость, начала изучаться лишь в начале XX в. [2].

Несмотря на то, что в современной России значительную долю населения занимают люди, чей возраст старше 60 лет, прослеживается тенденция понижения социального статуса пожилого человека: политические мероприятия, направленные на поддержку пожилого человека и повышения уровня жизни, по сути, являются формальными и не выступают мощным помощником и социальной опорой для данной группы. Обложки СМИ пестрят заголовками о бедственном положении пожилых людей, которые сталкиваются с пренебрежением не только со стороны государства и власти, но и испытывают значительные трудности в семейной жизни [3].

Особенно важно проследить, каково отношение молодежи к пожилому человеку, т. к. первая группа является важным потенциалом развития общества, а вторая носителем культурно-исторического развития. Преемственность между поколениями, в современных условиях экономического и политического расслоения представляется значимой. Возобновление межпоколенных контактов могло бы стать стабилизирующим фактором в современном обществе, для успешного развития которого важно объединить опыт, знания и мудрость пожилых с жизнерадостностью, здоровьем и оптимизмом молодых людей.

Таким образом, предмет исследования выступили социальные представления юношества о пожилых людях.

Целью исследования стало изучение гендерных особенностей социальных представлений юношества о пожилом человеке.

Для достижения исследовательской цели были поставлены следующие задачи:

1. Изучить поведенческие установки представителей юношества по отношению к пожилым людям.
2. Выявить особенности представлений юношества о пожилых людях.
3. Сравнить поведенческие установки и представления о пожилом человеке у юношей и девушек.

В качестве предположений были сформулированы следующие гипотезы:

1. У представителей юношества существует тенденция негативного отношения к пожилому человеку
2. В юношеской среде преобладают предвзятые и негативные представления о пожилом человеке.
3. Девушки по сравнению с юношами проявляют большую терпимость к пожилому человеку.

В выборку вошли юноши (33 человека) и девушки (34 человека) от 18 до 25 лет. Таким образом, общая выборочная совокупность составила 67 человек.

Основным методом сбора информации стала авторская анкета, составленная для анализа обсуждаемой проблемы, которая включала в себя вопросы, направленные на изучение образа пожилого человека, представлений и поведенческих установок молодых людей о пожилых. Так же в анкету был включено шкалирование (личностный дифференциал В.М. Бехтерева) [4], и методика «Неоконченные предложения» – для более глубокого и объективного изучения поставленных целей.

Способом обработки и анализа данных явились первичная описательная статистика, контент-анализ и качественный анализ данных.

Результаты анкетирования показывают, что представители юношества не проявляют негативных поведенческих установок по отношению к пожилым людям, а наоборот – стараются оказать помощь, которая не представляется молодым людям обузой и тягостью, с терпением и пониманием относятся к особенностям такого возрастного периода как старость.

В ситуациях оказания помощи пожилым людям 10 % испытуемых указало свой вариант ответа, который включает в себя следующее: «досада», «я сделал так, как и должно быть», «чистая совесть», «сделал хорошее дело – день прошел не зря», «почему этого не сделали мужчины?».

В ситуациях, когда возможность оказания помощи пожилому человеку отсутствовала, 7,5 % испытуемых так же указало альтернативный вариант ответа, среди которых – «угрызение совести», «грязная совесть», «молчаливое порицание общества и самого человека», «мне не удобно», «растерянность».

Следует отметить, что ни один респондент не ответил, что испытывает злорадство, когда видит, что пожилой человек нуждается в помощи.

Полученная совокупность ответов, на наш взгляд, свидетельствует о наличии чувства долга перед пожилым человеком, необходимости оказания помощи и поддержки.

Результаты анкетирования можно объяснить тем, что участниками опроса явились учащиеся вузов. Как правило, люди, получающие высшее профессиональное образование – эрудированны, воспитаны, терпеливы и лояльны. Но не стоит забывать о том, что в анкете были заданы вопросы, направленные на изучение поведения юношей в ситуациях, где помощь пожилому человеку социально-одобряема, а отказ или ее отсутствие осуждается. Иначе говоря, свою роль мог сыграть фактор социальной желательности, и даже не смотря на конфиденциальность исследования, респонденты могли несколько преувеличить и приукрасить действительность.

С целью выявления имплицитных представлений и ассоциаций представителей молодежи о пожилом человеке, была проведена методика «Неоконченные предложения».

На просьбу охарактеризовать пожилого человека был получен широкий диапазон характеристик, которые были объединены в три группы: *негативное восприятие* (немогущность, усталость, увядание, пессимизм, брюзжание, все самые отвратительные качества, что есть у человека, присущи пожилому) – 42 % респондентов; *нейтральное восприятие старости как особого периода жизни* (бережливость, сентиментальность, спокойствие, любопытство) – 23 %; *положительное восприятие* (забота о близких, грамотность, щедрость, трудолюбие) – 35 %.

Среди основных преимуществ старости отмечают опыт, мудрость, умиротворенность, общение с детьми и внуками; среди главных недостатков – болезни, немогущность, одиночество и низкие доходы.

Результаты открытого вопроса существенно расходятся с результатами анкеты, где, скорее всего, как и предполагалось выше, выбирались социально одобряемые варианты поведения, нежели соответствующие действительности. Что свидетельствует о существовании латентных форм геронтологического эйджизма, который включает в себя внутренние м.б. имплицитные негативные установки о пожилом человеке.

Для более подробного исследования отношения молодежи к пожилому человеку была проведена методика «Личностный дифференциал» В.М. Бехтерева [4], рассматривающая образ пожилого человека с опорой на три фактора: «Оценка» – 6,7 (Уровня привлекательности), «Сила» – -14,8 (волевые стороны личности, независимость, уверенность), «Активности» – -5,4 (экстравертированности и интровертированности личности).

Отсюда следует, что в современной среде молодых людей существует стереотип старости, носящий негативный характер, однако он носит скрытый, недостаточно осознанный характер.

Сравнивая отношение юношей и девушек к пожилому человеку можно сделать вывод о том, что наличие стереотипа старости не имеет гендерной специфики. И юноши и девушки в различных ситуациях взаимодействия с пожилым человеком проявляют себя по-разному, поведение носит как позитивный, так и негативный характер.

Стоит отметить, что юноши в большей степени стараются избегать общественных конфликтов с пожилыми людьми, аргументируя это нежеланием вступать конфликт или исходя из мотивов своего воспитания, чаще пропускают пожилых людей впереди себя в очереди. Девушки же в данных ситуациях поступают по настроению. Стоит отметить, что незначительно больший процент опрошенных юношей (82 %), нежели девушек (79 %), указал, что считает необходимым уступать места пожилым людям в общественном транспорте, однако далее фигурировали ответы юношей о том, что они в принципе не уступают места в общественном транспорте (6 %), чего нельзя сказать о девушках (ни одна испытуемая не выбрала вариант ответа «не уступаю»).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что нельзя проследить тенденцию негативного или положительного отношения к пожилому человеку, сопоставляя ответы юношей и девушек. Как те, так и другие способны как помогать пожилым людям, так и действовать в угоду своим потребностям и желаниям, не проявляя терпеливого отношения к пожилому человеку, вступать в конфликты.

В заключении стоит сказать о том, что в современной среде молодых людей все-таки существует стереотип старости, носящий негативный характер и включающий в себя представление о бедности, беспомощности и социальной незащищенности пожилого человека, однако он находится в зачаточном состоянии и не переходит в проблему эйджизма.

Возможно, это связано с тем, что у 95 % опрошенных есть родственники пожилого возраста, 16 % из которых проживают совместно. Так же следует указать влияние Российской ментальности, которая издревле включала в себя существование и преобладание расширенных семей. Можно предположить, что уважение к старшим пока сохраняется в «исторической памяти» молодых людей и поэтому исследование продемонстрировало недостаточную осознанность представлений о пожилом человеке.

Для преодоления зарождающегося в Российском обществе феномена эйджизма следует разрабатывать политику, направленную на формирование у молодежи позитивного образа старения и пожилого человека. Разрабатывать мероприятия по интеграции и взаимодействию пожилых людей и молодежи. А так же осуществлять меры социальной и экономической поддержки пожилого населения страны.

1. *Анциферова Л.И.* Поздний период жизни человека: типы старения и возможности поступательного развития личности: учебное пособие по психологии старости / ред.-сост. Д.Я. Райгородский. – Самара: Изд. дом БАХРАХ-М, 2004. – С. 492.

2. *Василенко Н.Ю.* Социальная геронтология. – Владивосток: Изд-во Дальневосточный ун-т, 2003. – С. 33.

3. *Краснова О.В., Лидерс А.Г.* Социальная психология старения: учебное пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2002. – 288 с.

4. URL: <http://psylab.info>.

ВЗАИМОСВЯЗЬ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СОТРУДНИКОВ И СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КЛИМАТА КОЛЛЕКТИВА

А.Е. Ермоленко

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

В данной статье представлены результаты исследования социально-психологического климата коллектива и коммуникативной компетентности сотрудников на примере работников организации в сфере СМИ, а именно: журналистов, фото-журналистов и редакторов. Итогом данной работы является заключение о наличии значимых как положительных, так и отрицательных корреляций у двух из трех компонентов коммуникативной компетентности, когнитивного и эмоционального, представленных коммуникативными умениями и эмпатией, с показателями социально-психологического климата, такими как: ответственность, сплоченность, стремление сохранить целостность, открытость и организованность.

Ключевые слова: социально-психологический климат, коммуникативная компетентность, эмпатия, коммуникативные умения, коммуникативный контроль.

THE RELATIONSHIP OF COMMUNICATION COMPETENCE OF EMPLOYEES AND SOCIO-PSYCHOLOGICAL CLIMATE OF THE TEAM

A.E. Ermolenko

Dostoevsky Omsk State University

This paper presents the results of research on the socio-psychological climate of the collective and communicative competence of employees on the example of workers' organizations in the field of media, namely journalists, photo-journalists and editors. The result of this work is the conclusion on the existence of significant, both positive and negative correlations in two of the three components of communicative competence, cognitive and emotional, represented communicative skills and empathy, with indicators of socio-psychological climate, such as: responsibility, solidarity, the desire to preserve the integrity, transparency and organization.

Key words: socio-psychological climate, communicative competence, empathy, communication skills, communicative control.

До сих пор в отечественной психологии существует проблема противоречивости информации по вопросам представления как о коммуникативной компетентности, так и социально-психологическом климате. Так же нераскрытым остается вопрос о возможной взаимосвязи данных явлений.

Тематика изучения социально-психологического климата не нова, однако до сих пор не потеряла своей актуальности. Организациям и предприятиям по-прежнему важен показатель продуктивности своих работников, который достигается, в том числе, и за счет совместной, слаженной работы. Данные показатели, в свою очередь, тесно связаны с явлением социально-психологического климата. Поэтому до сих пор является актуальной проблема факторов социально-психологического климата и нахождения значимых взаимосвязей между ним и другими психологическими явлениями, для возможности понимания того, что влияет на данный феномен и каким образом можно добиться улучшения его показателей.

В следствии этого, данная работа является актуальной так как позволяет рассмотреть взаимосвязь компонентов коммуникативной компетентности и показателей социально-пси-

хологического климата, а следовательно осветить часть проблематики, о которой говорилось выше.

Кроме того, наше исследование проводится на конкретной организации в сфере СМИ. Нашу выборку составляют сотрудники-журналисты. Для них высокий уровень коммуникативной компетентности может являться не только средством поддержания благоприятного социально-психологического климата, но и выступает обязательным условием их компетентности, как профессионалов. Вот почему данная работа может показать какая взаимосвязь существует между коммуникативной компетентностью и социально-психологическим климатом. Кроме того, данные нашего исследования будут полезны другим организациям, предприятиям и учреждениям, где коммуникативная компетентность не только положена в основу поддержания здорового климата, но и является обязательной составляющей профессионального портрета работника. Примером таких организаций могут являться все, где сотрудники занимают профессии типа человек-человек, а следовательно наша работа имеет и практическое значение.

Проанализировав разные точки зрения, в рамках нашего исследования мы решили придерживаться мнения А.Г. Ковалева и В.И. Панферова и обозначать социально-психологический климат как: «социально-психологическое явление, которое складывается в коллективе в процессе трудовой деятельности и под влиянием формальных и неформальных коммуникаций, выстраивающих определенную структуру отношений, а так же явления, которое формирует определенный эмоциональный фон группы и оказывает существенное влияние на ее работоспособность» [1].

В качестве базового понятия коммуникативной компетентности используется точка зрения Л.А. Петровской и Е.В. Сидоренко, которые определяют ее как характеристику личности, составляющую совокупность навыков и умений, необходимых для эффективного общения, позволяющую субъектам выстраивать грамотную, качественную межличностную коммуникацию и взаимодействие [5].

Понимание структуры коммуникативной компетентности в нашем исследовании взято из идей Я.Л. Коломенского и Е.М. Алифановой и представляет собой триединство компонентов: когнитивного, эмоционального и поведенческого. При этом, когнитивный компонент рассматривается как совокупность таких умений как: умение вступать в контакт, умение принимать и оказывать знаки внимания, умение реагировать на критику и др. Поведенческий компонент представляет собой способность к коммуникативному контролю. Эмоциональный компонент представлен эмпатией [7].

Социально-психологический климат, по мнению А.Г. Ковалева и В.И. Панферова, может быть представлен в нескольких планах: идеологическом, нравственном, эмоциональном, когнитивном и поведенческом [1], что является созвучным с компонентами коммуникативной компетентности. Понимание данных компонентов так же перекликается, из чего можно сделать вывод о связи коммуникативной компетентности и социально-психологического климата. Так эмоциональный компонент коммуникативной компетентности Я.Л. Коломенский отождествляет с демонстрацией взаимного понимания, восприятия, сопереживания [7], т. е. как раз тех качеств, которые обеспечивают позитивную эмоциональную окраску психологических связей членов коллектива, через проявления симпатий и сближения за счет эмпатии и отзывчивости. Понимание поведенческого компонента Е.М. Алифановой представляется как способность человека к сотрудничеству, инициативности и совместной деятельности [7], т. е. представлено теми качествами и способностями, которые помогают людям устанавливать общие цели и задачи, двигаться в одном направлении. Таким образом данные представления согласуются с пониманием социально-психологического климата.

Целью данного исследования является выявление взаимосвязи коммуникативной компетентности сотрудников с уровнем социально-психологического климата коллектива, а имен-

но, взаимосвязи трех компонентов коммуникативной компетентности с показателями социально-психологического климата.

В связи с этим в исследовании был использован ряд методик. Социально-психологическая самооценка коллектива (О. Немов) [3]. Шкала эмоционального отклика А. Мехрабиана и Н. Эпстайна в адаптации Ю.М. Орлова и Ю.Н. Емельянова (для изучения эмоционального компонента коммуникативной компетентности) [4]. Тест коммуникативных умений Л. Михельсона в адаптации Ю.З. Гильбуха (изучение когнитивного компонента, тест позволяет понять уровень развития таких коммуникативных умений как: умение оказывать и принимать знаки внимания, реагировать на критику и провоцирующее поведение со стороны собеседника, умение обратиться с просьбой, ответить отказом на чужую просьбу, умение вступить в контакт с другим человеком и др.) [2]. Тест контроль в общении, приводится в работе Э.Г. Скибицкого и И.Ю. Скибицкой (изучение поведенческого компонента, а именно, выявление уровня коммуникативного контроля) [6].

Выборка исследования: журналисты и журналисты-фотографы издательского дома и их непосредственные руководители, главные редакторы, 30 человек (2 главных редактора смежных направлений, 5 фотографов-журналистов и 23 журналиста), что представляет собой два отдела одного коллектива, мужчины и женщины от 25 до 45 лет. Средний возраст 33 года.

По результатам исследования выявлено, что социально-психологический климат в рассматриваемом коллективе можно охарактеризовать как оптимальный. На данном уровне находятся пять из семи возможных показателей: сплоченность, сохранение целостности, контактность, ответственность, информированность. Результаты по оставшимся показателям: организованность и открытость, соотносятся с идеальным уровнем.

В рамках исследования трех компонентов коммуникативной компетентности были получены следующие результаты.

Исследование эмоционального компонента, представленного эмпатией, показало, что данная способность у персонала выражена в разной степени. Сотрудники обладают способностью к эмпатии от среднего уровня до очень высокого, низкого не обнаружено. При этом половина сотрудников находится на высоком уровне, треть обладает очень высоким и лишь 17 % средним.

Данные результаты говорят о том, что у сотрудников развито умение сопереживать другим людям. Большинство из них довольно эмоциональны, способны демонстрировать аффилиативное поведение, не склонны бурно и часто проявлять агрессию, могут прогнозировать развитие отношений между людьми. Часть сотрудников более склонна судить о других по поступкам, чем доверять личным впечатлениям, могут контролировать эмоции, но качество прогноза развития отношений между людьми, по сравнению с другими сотрудниками у них ниже.

Исследование когнитивного компонента показало, что все рассматриваемые нами коммуникативные умения присутствуют у сотрудников коллектива. Наиболее развиты такие умения как: умение оказывать и принимать знаки внимания и умение вступить в контакт с другим человеком. Наименее развиты: реагирование на попытку вступить в контакт и реагирование на справедливую критику.

Данные результаты, возможно, можно объяснить спецификой деятельности сотрудников. Журналистам важно устанавливать первый контакт, поэтому высокое развитие умений оказывать знаки внимания и вступать в контакт являются следствием их профессиональной деятельности.

Исследование поведенческого компонента показало, что большинство сотрудников находится на среднем уровне коммуникативного контроля, а 16 % демонстрируют высокий.

Данные результаты говорят о том, что большинство сотрудников в коллективе искренни, но сдержанны в своих эмоциональных проявлениях, считаются в своем поведении с ок-

ружающими людьми, по возможности подстраиваясь друг под друга. Меньшая часть сотрудников легко входит в любую роль, гибко реагирует на изменения ситуации и в состоянии предвидеть впечатление, которое произведет на других.

Таким образом, исходя из полученных данных, можно говорить о сотрудниках данного коллектива, как о лицах, обладающих способностью к эмпатии, с развитыми коммуникативными умениями и способностью к коммуникативному контролю.

Исходя из целей нашей работы также необходимо было изучить, существует ли взаимосвязь показателей социально-психологического климата с каждым из компонентов коммуникативной компетентности.

По данным исследования, связи показателей социально-психологического климата и поведенческого компонента не обнаружено.

Данный результат является удивительным для нас и, возможно, объясняется тем, что уровень коммуникативного контроля сотрудников коллектива, при статистической проверке, показал не соответствие закону нормального распределения.

Существует взаимосвязь с эмоциональным компонентом. Ответственность, как показатель социально-психологического климата, обратно коррелирует с эмпатией, как эмоциональным компонентом коммуникативной компетентности сотрудников.

Данный результат говорит о том, что, чем выше уровень эмпатии, тем ниже ответственность. Возможно, данный вывод можно объяснить явлением распределения ответственности в группе. Эмпатия позволяет людям сблизиться в эмоциональном плане, а значит больше сплотиться, чем сплоченной группа, тем больше вероятность распределения ответственности на всех ее членов, без выделения конкретных персон, а следовательно ниже уровень ответственности для каждого сотрудника.

Существует взаимосвязь с когнитивным компонентом. Прямо коррелируют такие показатели социально-психологического климата и коммуникативные умения как: ответственность и умение обратиться с просьбой; стремление сохранить целостность и умение оказывать и принимать знаки внимания; сплоченность и два умения: оказывать сочувствие и вступать в контакт; контактность и умение обратиться с просьбой; открытость и умение оказывать и принимать знаки внимания; организованность и умение вступить в контакт с другим человеком. Обрато коррелируют такие показатели социально психологического климата и коммуникативные умения как: сплоченность и реагирование на несправедливую критику; организованность и умение оказать поддержку.

Данные результаты показывают, что большинство показателей социально-психологического климата взаимосвязаны с коммуникативными умениями, а следовательно, можно говорить о значимости когнитивного компонента коммуникативной компетентности для социально-психологического климата. Более того, большинство этих взаимосвязей прямые, что говорит о том, что чем выше коммуникативные умения, тем выше социально-психологический климат. Так, например, чем более развиты умения сочувствовать и вступать в контакт, тем выше сплоченность, а чем более развито умение обращаться с просьбой, тем выше контактность и ответственность.

Таким образом, исходя из результатов нашего исследования, можно сделать вывод о наличии значимых взаимосвязей между компонентами коммуникативной компетентности сотрудников и показателями социально-психологического климата коллектива, что дает возможность говорить о значимости развития коммуникативной компетентности для поддержания качественного социально-психологического климата.

1. Бойко В.В., Ковалев А.Г., Панферов В.И. Социально-психологический климат коллектива и личность. – М.: Мысль, 2008. – 193 с.

2. *Михельсон Л.* Тест коммуникативных умений. – URL: <http://azps.ru/tests/5/mihelson.html>.
3. *Немов Р.С.* Психология: в 3 кн. – Кн. 3: Психодиагностика: учебник. – М.: ВЛАДОС, 2008. – 631 с.
4. Психодиагностика толерантности личности / под ред. Г.У. Солдатовой, Л.А. Шайгеровой. — М.: Смысл, 2008. – 172 с.
5. *Сидоренко Е.В.* Тренинг коммуникативной компетентности в деловом взаимодействии. – СПб.: Речь, 2008. – 208 с.
6. *Скибицкий Э.Г., Скибицкая И.Ю.* Основы делового общения: учебное пособие. – Новосибирск: НГАСУ, 2008. – 388 с.
7. *Соловьева О.В., Аникеева О.В.* Коммуникативная компетентность психолога: подходы и концепции // Вектор науки ТГУ. – 2012. – № 1 (8). – С. 267–269.

КРИТЕРИИ АДАПТИРОВАННОСТИ СТУДЕНТОВ МЛАДШИХ КУРСОВ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ

А.А. Мантахаева

Педагогический институт Иркутского государственного университета

Автор анализирует проблему измерения уровня адаптированности студента на первом этапе обучения. Предлагаются два основных критерия адаптированности студентов младших курсов в вузе: социальный и психологический, также автор выделяет основные показатели данных критериев и диагностический инструментарий.

Ключевые слова: адаптация, критерии адаптированности, студенты, социальные критерии, психологические критерии.

CRITERIONS OF ADAPTEDNESS FIRST YEAR STUDENTS IN UNIVERSITIES

A.A. Mantakhaeva

Pedagogical institute of the Irkutsk State University

The author analyzes the problem of measuring the level of adaptation of students *in the first stage of study*. There are two basic criterions of adaptation of students at university: social and psychological, as the author identifies the main indicators of these criterions and diagnostic *instruments*.

Key words: adaptation, criterions of adaptation, students, social criterion, psychological criterion.

Проблема адаптации личности в социуме актуальна во все времена. Поиском решения данной проблемы занимаются философы и социологи, психологи и педагоги. Проблема учебной адаптации студентов является одной из основных для системы образования. От степени успешности адаптации на первоначальном этапе обучения в вузе во многом зависят дальнейшая профессиональная карьера и личностное развитие будущего специалиста.

Для того чтобы определить адаптирован ли студент на определенном этапе обучения необходимо определить критерии адаптированности студента. Как показывает анализ литературы, среди специалистов нет единства в данном вопросе, подходы к определению критериев адаптированности существенно отличаются. Рассмотрим некоторые из них.

Ияд Хамад, в результате многолетних наблюдений и экспериментов, пришел к следующему выводу: «успешность усвоения учебных программ вуза зависит от силы, подвижности и уравновешенности нервных процессов, темперамента, свойств личности, уровня функционирования жизнеобеспечивающих структур организма. В связи с этим экспертные системы для прогнозирования эффективности процесса обучения в вузе, вероятности развития психосоматических расстройств целесообразно разрабатывать на базе интегральной оценки комплекса разноплановых показателей, прежде всего, путем определения функционального состояния организма с учетом индивидуально-психологических качеств человека, развития пограничных психофизиологических состояний и связанных с ними дезадаптационных соматических и психологических расстройств» [4].

Авторские критерии оценки результативности адаптационных мероприятий первокурсников в вузе Ю.И. Толстых выглядят следующим образом: «удовлетворенность вузовским

обучением; результативность обучения в вузе; активность в учебной и общественной жизни вуза; удовлетворенность собой как личностью» [7].

Е.А. Лебедевой выделены следующие критерии социальной адаптации студентов: «необходимая сумма социальных и профессиональных знаний; социальная зрелость молодого человека, проявляемая в готовности выполнять требования, социальные функции, соответствующие возрасту и статусу; эмоциональное состояние, отражающее удовлетворенность студента пребыванием в вузе; умение студента разрешать конфликты с другими членами группы; социальная дисциплина, проявляемая в способности индивида сознательно соблюдать нормы поведения в студенческой среде; ценностно-ориентированное единство членов группы в отношении к учебе, избранной специальности, социально-культурной деятельности» [6].

Т.А. Калуженина определяет три основных подхода к анализу социальной адаптации: «через приспособление к существующим обстоятельствам путём вхождения в среду и изменения себя; через преобразование среды; через адаптацию путём самоустранения или ухода из среды» [5].

Н.В. Басалаева выделяет психологические критерии успешности адаптации: «наличие социальной поддержки со стороны других людей (отношения с друзьями, родственниками, преподавателями); самостоятельно предпринимаемые сознательные усилия в сфере социализации; высокий уровень психологического здоровья (психоэмоциональная устойчивость, удовлетворенность); адекватность самооценки; принятие ценностей среды» [1].

Исходя из понимания адаптации, А.А. Виноградова предложила следующую систему критериев адаптированности:

- «Когнитивный критерий – успешная результативная познавательная деятельность в условиях образовательной среды вуза.

Показатели: установка на обучение (готовность обучающегося к включению в учебную деятельность и выполнению поставленных учебных задач), умение самостоятельно работать с литературой, умение представить знания, вовлеченность в творческую и исследовательскую деятельность; сформированность, глубина, систематичность и действенность знаний; уровень овладения познавательной деятельностью (алгоритмическая деятельность, творческий поиск и преобразование).

- Мотивационно-волевой критерий – готовность, приложив усилия для приобретения компетенций, необходимых для избранной специальности.

Показатели: посещаемость занятий, умение планировать и распределять время на учебу и досуг, участие в конференциях, осознание необходимости и перспективности освоения учебной дисциплины, самостоятельность в выполнении заданий, активность в саморазвитии, стремление узнать, освоить больше, чем предлагают учебные программы, понимание роли и значения изучаемых дисциплин для будущей профессии, настойчивость в преодолении затруднений, степень самореализации, адекватность самооценки.

- Социально-коммуникативный критерий – умение налаживать социально-коммуникативные связи.

Показатели: наличие в группе друзей, умение избегать и улаживать конфликты, уверенность в себе и отсутствие закомплексованности в общении, проявление инициативы, взаимопомощь» [2].

А.А. Жаренковой определены критерии адаптированности студента к жизнедеятельности вуза, в качестве которых выступают: «успешность учебно-познавательной деятельности, бесконфликтность и удовлетворенность сложившейся системой взаимоотношений с окружающими, степень сохранности физического здоровья и уровень эмоционального благополучия» [3].

На основе рассмотренных и собственных положений, мы определили критерии, показатели и инструменты определения уровня адаптированности первокурсников в вузе к новому

процессу обучения и новому социальному окружению. Основных критериев два: социальный и психологический.

Показателями социального критерия адаптированности студентов младших курсов являются направленность личности в общении, ценностные ориентации в сфере межличностного общения, как индивидуальная «коммуникативная парадигма», включающая представления о смысле общения, его целях, средствах, желательных и допустимых способах поведения в общении, индивидуальные особенности коммуникативной компетентности, этического сознания, важные аспекты профессионального сознания. Инструментом измерения может выступать опросник направленности в общении (НЛО) С.Л. Братченко. Данная проективная методика позволяет получить важную информацию о глубинных особенностях психики (в данном случае – об имплицитной теории общения респондента, о его ведущих, но не всегда осознаваемых коммуникативных установках).

Показателями психологического критерия адаптированности студентов-первокурсников являются такие психические состояния как агрессивность, ригидность, конфликтность, фрустрация. Инструментом измерения может выступать тест поведения в конфликтной ситуации К. Томаса. Данный тест позволяет диагностировать предрасположенность к конфликтному поведению и способы (стили) поведения в конфликтной ситуации.

Кроме этого важнейшим показателем адаптированности является уровень тревожности, чувство бодрости/усталости, субъективная оценка человеком своих переживаний, ощущений, действий. Инструментом измерения выступает шкала самооценки тревожности Ч. Спилбергера – Ю.Л. Ханина. Данная методика предназначена для оценки состояния тревоги и определения тревожности как свойства личности.

Таким образом, мы определили два основных критерия адаптированности студентов младших курсов в вузе: социальный и психологический. Выделили основные показатели данных критериев и определили инструментарий для определения адаптированности студента на раннем этапе обучения.

1. *Басалаева Н.В.* Психологическое здоровье как критерий адаптации студентов к обучению в вузе // Концепт: научно-методический электронный журнал. – 2013. – С. 1126–1130.

2. *Виноградова А.А.* Адаптация студентов младших курсов к обучению в вузе // Образование и наука. Известия Уральского отделения Российской академии образования. – 2008. – № 3 (51). – С. 37–48.

3. *Гордина О.В.* Социокультурная деятельность школы малого города как фактор развития жизненных ориентаций учащихся: дис. ... канд. пед. наук. – СПб., 2001.

3. *Жаренкова А.А.* К проблеме адаптации студентов к учебной деятельности в условиях вуза // Научные проблемы развития образования в XXI веке: методология, теория, эксперимент, практика: материалы VII междисциплинарной научно-практической конференции аспирантов и соискателей (1–2 апреля 2004 г.): в 2 ч. – М.: АПК и ПРО, 2004. – Ч. 1. – С. 134–137.

4. *Ияд Хамад, Засядько К.И., Гулин А.В.* Психофизиологические аспекты динамики адаптации студентов к учебному процессу // Актуальные вопросы психиатрии, наркологии и медицинской психологии: сб. науч. тр. межрегион. науч.-практ. конф., посвященной 100-летию юбилею ГУЗ «Воронежская областная клиническая психиатрическая больница». – Воронеж, 2004. – Вып. 7. – С. 267–272.

5. *Калуженина Т.А.* Субъективные критерии адаптации студентов первого курса к условиям обучения в вузе // Психология в экономике и управлении. – 2009. – № 2.

6. *Лебедева Е.А.* Педагогические условия социальной адаптации студентов технического вуза: автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Калуга, 2001. – 21 с.

7. *Толстых Ю.И.* Критерии оценки успешности адаптации студентов-первокурсников в вузе // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2011. – Вып. 4.

ФОРМИРОВАНИЕ ДЕЛИНКВЕНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ У ПОДРОСТКОВ: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

Я.С. Маркова

Иркутский государственный университет

В статье рассматриваются особенности формирования делинквентного поведения в подростковом возрасте через призму гендерного подхода. В статье приведены психологические особенности поведения подростков-делинквентов и представлены рекомендации профилактической работы с ними. Данная статья будет интересна специалистам в различных отраслях психологии и социальной педагогики.

Ключевые слова: подросток, гендер, делинквентное поведение.

FORMATION OF DELINKVENTNY BEHAVIOUR AT TEENAGERS: GENDER ASPECT

Ya.S. Markova

Irkutsk state University

In article features of formation of delinkventny behavior at teenage age in a prism of gender aspect are considered; psychological features of behavior of teenage tortfeasors are given and recommendations of scheduled maintenance with them are submitted. This article can be interesting for specialists in various branches of psychology.

Key words: teenage, gender, delinkventny behavior.

Противоправное поведение у несовершеннолетних связано как с социальными проблемами, так и с проблемами формирования личности подростка. В связи с тем, что именно в этот период ближайшее окружение и среда оказывают огромное влияние, большинство подростков с делинквентным поведением становятся потенциальным «резервом» взрослой преступности. Стоит заметить, что исследователи чаще всего уделяют внимание противоправному поведению в молодежной среде лицам мужского пола или вообще не делят делинквентов по гендерному признаку. Тем не менее, в современном обществе, девочки-подростки всё чаще демонстрируют делинквентное поведение. Данный факт говорит о необходимости проведения необходимой профилактической работы с учётом гендерного аспекта, так как способы эффективного воздействия и взаимодействия, существенно различаются. И как раз знание психологических особенностей и различий в поведении у девушек и юношей, позволит найти более эффективные пути и приёмы позитивного воздействия на подростка-делинквента.

Гендерный аспект – это учёт социального пола, обозначающего те культурные и социальные значения, которые приписываются биологическим различиям между мужчинами и женщинами, которые характеризуются маскулинностью и фемининностью.

Понятие «трудный» подросток – очень широкое. К этой категории обычно относят детей и подростков, с которыми трудно заниматься педагогам, для которых оказываются бесполезными мудрые наставления по воспитанию, с которыми трудно найти общий язык, в том числе и родителям. Они трудные потому, что им самим приходится очень не легко в силу разных причин (медико-биологических, педагогических и психологических) им трудно учиться по общей программе, идти общим темпом, выполнять общие требования. В силу разных при-

чин они стали не такие как их сверстники. Однако существует и мнимая трудность – нестандартность, оригинальность ребенка. Каждый ребенок труден по-своему [6].

Стоит заметить, что проблема делинквентного поведения в среде подростков обострилась в период кризиса общественного развития в нашей стране. К значительным проблемам подросткового периода, обусловленным кризисностью фазы перехода от детства к взрослости, сегодня добавляется расплывчатость запроса общества к исполняемым гендерным ролям. В этой ситуации делинквентное поведение подростков, является прежде всего защитным механизмом в ответ на напряжение, связанное со сложностью гендерной идентификации в настоящее время. Учитывая сложившееся положение в нашей стране, необходимо обратить внимание на гендерный аспект противоправного поведения подростков.

К многочисленным трудностям подросткового периода, обусловленным кризисностью фазы перехода от детства к взрослости, сегодня добавляется нечеткость требований к исполняемым гендерным ролям. Учет гендерного фактора при анализе делинквентного поведения представляется важнейшим принципом для дальнейшего совершенствования профилактической и коррекционной работы с подростками.

Делинквент – это «трудный» подросток, совершивший уголовное преступление, или, другими словами, несовершеннолетний преступник [4].

Делинквент (правонарушитель) – субъект, чье поведение характеризуется нарушением правовой нормы, в результате чего возникают правоотношения ответственности [4]. Их делинквентное поведение начинается с таких показателей, как: пропуски уроков без уважительной причины, нецензурность выражений, грубость и небрежность [4].

И. Клецина утверждает, что разделение людей на мужчин и женщин является центральной установкой восприятия нами себя и окружающих. На обыденном уровне рассуждений, многие убеждены в том, что психологические различия между мужчинами и женщинами связаны с генетическими, анатомическими и физиологическими особенностями мужского и женского организма. Однако факт телесного несходства мужчин и женщин еще не говорит о том, что именно отсюда происходят и все наблюдаемые различия между ними, включая психологические. Ведь биологические различия имеют и социокультурный контекст, определяющий, какие личностные и поведенческие характеристики в данное время и в данном обществе ожидаются от мужчины, а какие – от женщины, какие характеристики считаются людьми важными для мужчины, а какие – для женщины. Да и то, как мы воспринимаем биологические различия между полами, тоже определяется культурными факторами [5, с. 27].

Идея о выделении двух измерений пола – биологического и социального – возникла у Р. Столлера при исследовании феномена транссексуальности: субъективной убежденности человека в своей принадлежности к противоположному полу. С. Кесслер и У. Маккенна предложили обозначать термином «гендер» не только социокультурные представления и индивидуальные когнитивные схемы восприятия биологического пола, но также и те аспекты бытия женщины или мужчины, которые традиционно считались биологическими. Они предложили оставить за термином «пол» только репродуктивную активность.

В наиболее развернутом виде социально-психологическая теория гендерной схемы была разработана С. Бем. Гендер как система представлений («гендерная линза», по определению С. Бем) является неотъемлемой частью культурного дискурса (реальной практики использования языка, в который заложены гендерные различия в виде грамматических родов и правил их употребления) и социальных практик общения, взаимодействия и деятельности людей [5].

Подростки и юноши особенно чувствительны к особенностям своего тела и внешности, сопоставляя свое развитие с развитием товарищей. Поскольку наружность – важный элемент юношеского самосознания, учителям и родителям нужно знать, какие аспекты ее чаще всего вызывают у ребят беспокойство [2, с. 85].

Мальчики и девочки растут в мире, где очень важны категории «мужское» и «женское». Из всей окружающей информации мальчики выбирают то, что относится к «мужскому», а девочки – к «женскому», т. е. пользуются гендерными схемами. В итоге они усваивают стереотипные формы поведения для мужчин и женщин [1, с. 45]. Гендерная схема – это когнитивная структура, сеть ассоциаций, которая организует восприятие индивида и руководит им. Дети кодируют и организуют информацию, в том числе и информацию о себе, по дихотомической схеме «маскулинность-феминность». Сюда включаются данные об анатомии мужчин и женщин, их участии в рождении детей, их профессиях и разделении занятий, их личностных характеристик и поведении. После чего ребенок делает обобщение: какие атрибуты составляют «женское», а какие – «мужское». Таким образом, формируется гендерный стереотип поведения мальчиков и девочек в обществе. Тот, кто ведет себя согласно стереотипу, обладает гендерной типичностью – типичный мальчик или типичная девочка.

По мнению голландского ученого Г. Гейманса превосходство девочек (по отношению к мальчикам) состоит в том, что они внимательны во время уроков и при занятии каким-либо делом; при получении задания сразу приступают к делу; любят порядок и опрятность; правдивы; пунктуальны (не опаздывают, во время сдают задания); веселы; сердечны; мягки. Превосходство мальчиков (по сравнению с девочками): на занятиях отвечают медленно; отличаются более ровным настроением [1, с. 23].

С делинквентными подростками, как показывает практика, целесообразнее всего выделять несколько этапов работы:

- 1) Наблюдение за поведением делинквентов в учебное время (проводится как социальным педагогом, так и педагого-психологом перед началом профилактической работы);
- 2) Индивидуальная работа социального педагога с делинквентами;
- 3) Групповая работа с делинквентами педагогом-психологом;
- 4) Наблюдение за делинквентами по завершению профилактической работы (для построения дополнительной индивидуальной работы с отдельными делинквентными личностями) [4].

Одним из важнейших принципов работы с делинквентами является опора на положительные качества подростка. Умение видеть положительное в поведении «трудного», умение опираться и развивать это хорошее – важнейшее условие успешной социально-педагогической реабилитации. Не менее важным является формирование будущих жизненных устремлений подростка, связанных, прежде всего с профессиональной ориентацией, с выбором будущей профессии. Трудновоспитуемые, социально и педагогически запущенные учащиеся, имея хроническую неуспеваемость по школьным предметам, часто отчаиваются, перестают верить в свои силы, не видят своего будущего, живут одним днем, сиюминутными развлечениями и удовольствиями, часто создают весьма серьезные предпосылки для криминализации и десоциализации личности подростка. Поэтому нужно, чтобы ребята, которые по разным причинам не могут успевать хорошо, не теряли веру в то, что они вырастут полезными гражданами общества, необходимо помочь им в выборе профессии в соответствии с их возможностями, склонностями, уровнем имеющихся знаний [3].

Как известно в этом возрасте у детей вообще не существует каких-либо стойких психических привязанностей (привычек), а напротив, происходит тотальная ломка временных (данных родителями и прочими) норм поведения, установок, стереотипов. Стойкие психические привязанности, привычки появляются гораздо позже, в «зрелом» возрасте. Также, в особых случаях деструктивного поведения у подростков истинное представление о делинквентности может помочь специалисту в проведении корректирующих мероприятий, поможет достигнуть положительных результатов в работе с подростком.

Все вышеизложенное напрямую указывает на то, что гендерное самосознание и гендерные стереотипы у делинквентных мальчиков и девочек существенно отличаются от их свер-

стников с нормативным поведением и вполне могут способствовать становлению различного рода отклонений в поведении. При этом для мальчиков главными задачами должны быть разработка и расширение содержания гендерных стереотипов. Для девочек важной задачей может стать работа с образом мужчины, а также с осознанием себя как женщины, что может помочь становлению согласованного и непротиворечивого самосознания и существенно повысить репертуар их поведения.

1. Бендас Т.В. Гендерная психология: учебное пособие. – СПб.: Питер, 2005. – 431 с.

2. Боброва В.Г., Вахрушев М. Общая характеристика развития личности подростка. – Ростов н/Д, 1966.

3. Бубнова И.С. Гендерный дисплей подростка-сироты // Казанский педагогический журнал. – 2016. – Т. 1. – № 2 (117). – С. 389–392.

4. Бубнова И.С., Терещенко А.Г. Проблема виктимного поведения подростков и его социально-педагогическая профилактика // Психология в экономике и управлении. – 2014. – № 1. – С. 89–93.

5. Клецина И.С. Гендерная социализация. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 1998. – 92 с.

6. Терещенко А.Г., Бубнова И.С. Значение структуры бессознательных процессов правонарушителей для процесса их социально-психологической адаптации // Криминалистические чтения на Байкале-2015: материалы Междунар. науч.-практ. конф. ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия» Восточно-Сибирский филиал. – 2015. – С. 361–366.

ХАРАКТЕРИСТИКА УСЛОВИЙ РАЗВИТИЯ ТВОРЧЕСКИХ СПОСОБНОСТЕЙ У ЛЮДЕЙ ТРЕТЬЕГО ВОЗРАСТА В ПРОЦЕССЕ НЕФОРМАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

С.Г. Рычкова

Педагогический институт Иркутского государственного университета

В статье рассматриваются особенности развития творческих способностей лиц пожилого возраста в рамках организации творческой мастерской. Выделяются эффективные условия, которые обеспечивают развитие творческих способностей лиц третьего возраста.

Ключевые слова: пожилой возраст, третий возраст, творчество, творческие способности, неформальное образование, творческая мастерская, народная школа.

THE CHARACTERISTIC OF CONDITIONS OF DEVELOPMENT OF CREATIVE ABILITIES IN PEOPLE OF THE THIRD AGE IN THE COURSE OF INFORMAL EDUCATION

S.G. Rychkova

Pedagogical institute of the Irkutsk State University

The article considers the peculiarities of development of creative abilities of the elderly in the framework of the creative workshop. Allocated effective environment that ensures the development of creative abilities of persons of the third age.

Key words: old age, third age, creative, creativity, non-formal education, creative workshop, folk school.

Неуклонный рост количества лиц третьего возраста (пожилых граждан) в России становится все более значимым фактором в развитии современного общества. Одним из закономерных последствий данного процесса становится рост потребности граждан пожилого возраста в реализации своих социальных, профессиональных и творческих возможностей.

Но как показывает практика, на современном этапе для работы с лицами пенсионного возраста используются в большинстве своем государственные технологии социальной защиты пожилых людей: пенсионное обеспечение, социальная помощь. По мнению Н.В. Герасимовой, С.Г. Максимова, Е.В. Малыхина, Л.И. Савинова и др. использование только этих технологий формирует у граждан пассивную позицию, дискомфортное состояние зависимости от государства и близких родственников. Поэтому должны быть разработаны технологии организации жизненной среды, осуществляемые таким образом, чтобы у пожилых граждан всегда была возможность оставаться социально-активной личностью. Тогда свобода выбора, реализация собственных возможностей будут способствовать обеспечению ощущения защищенности, уверенности в завтрашнем дне.

Исследования А.Л. Гаврикова, О.В. Гординой, Н.П. Литвиновой, А.В. Мухлаевой и др. показывают, что интересным, эффективным, актуальным направлением в работе с людьми пожилого возраста является развитие их творческих способностей, так как творческая деятельность помогает пожилым освобождаться от стереотипов и шаблонов, создавать положительный эмоциональный фон общения со сверстниками и представителями других поколений, способствует их взаимному обогащению.

В этой связи А.В. Мухлаева считает, что огромным потенциалом, обладающим арсеналом форм и методов развития творческих способностей является неформальное образование, которое характеризуется систематизированностью обучения и целенаправленной деятельностью обучающихся, направленностью на удовлетворение образовательных потребностей граждан, отдельных социальных, профессиональных групп, общества.

В теоретическом аспекте развитие творческих способностей у пожилых людей в условиях неформального образования мы рассматриваем как специально организованный процесс, направленный на повышение их творческого потенциала.

Анализ литературы, практического опыта в различных регионах России (г. Москва, Саратов, Тюмень, Иркутская область и др.) убедительно доказывает существование и востребованность практики развития творчества у пожилых людей в рамках неформального образования.

Лица третьего возраста – это пожилые пенсионеры, достигшие пенсионного возраста (т. е. женщин старше 55 лет, мужчин старше 60 лет). По данным Т.З. Козловой, Н.А. Коротчик и др. лица третьего возраста имеют все предпосылки для развития творческих способностей. И хотя психические процессы в пожилом возрасте немного ригидны и замедленны, по сравнению со зрелым возрастом, однако обеспечивают необходимый уровень жизненной активности.

Анализ подходов к проблеме творческих способностей, а так же анализ понятия «творчество» и «способности» позволил нам дать определение понятию «творческие способности», под которыми мы понимаем готовность индивида к принятию и созданию принципиально новых идей, отклоняющихся от традиционных или принятых схем мышления, и входящие в структуру одарённости в качестве независимого фактора, а также способность решать проблемы, возникающие внутри статичных систем.

Ряд специалистов отмечают, что для лиц третьего возраста характерны вспышки проявления творческих способностей. Это связано с тем, что у пожилых людей появилось свободное время, которого раньше не было, и благодаря его наличию, появилась возможность себя реализовать. Существуют разные виды творчества, которыми могут овладеть лица третьего возраста и которые соответствуют видам практической и духовной деятельности: научные, организаторские, философские, художественные, мифологические, религиозные, изобразительные, музыкальные и т. п.

На наш взгляд, развитие творческих способностей лиц третьего возраста эффективнее всего осуществляется в процессе неформального образования, которое рассматривается на современном этапе как процесс самостоятельного образования, который непосредственным образом связан с конкретными условиями жизни человека и его опытом и протекает вне рамок формальной системы образования.

Сравнив формальное и неформальное образование мы пришли к выводу, что неформальное образование является предпочтительнее для лиц пожилого возраста, так как:

- неформальное образование часто располагается вне учебных заведений, выделяясь среди обыденной жизни и профессиональной практики;

- неформальному образованию нет необходимости следовать четкой программе учебного курса или профессиональной организации, но происходит случайно, непредумышленно, спорадически в связи с изменением требований практики.

- неформальное образование не планируется в строгом соответствии с педагогическими целями курса, ориентированным на квалификацию, однако оно направлено на приспособление обучающихся к конкретной жизни. Что отвечает особенностям возраста пожилых людей.

Анализ литературы привел нас к мысли о том, что наиболее эффективной формой организации развития творческих способностей людей третьего возраста является модель неформального образования в высшей народной школе по типу «творческая мастерская».

По мнению А.И. Канатова высшая народная школа – это форма, которая позволяет усилить социокультурную направленность образования взрослых, его демократический характер, вовлечь в его орбиту широкие круги общественности, способствовать развитию социального и нравственного самосознания личности, а так же развитию творчества.

Творческая мастерская – это нестандартная форма организации образовательного процесса, которая создает творческую атмосферу, психологический комфорт, способствует личностному росту мастера и обучающегося, создает условия для восхождения каждого участника к новому знанию и новому опыту путем самостоятельного или коллективного открытия.

Мы полагаем, что развитие творческих способностей лиц третьего возраста в процессе неформального образования в рамках работы творческой мастерской будет успешен при следующих условиях:

- конструирования и отбора содержания творческой мастерской с учетом возрастных психологических и физиологических особенностей лиц третьего возраста;

- осуществления педагогического сопровождения целенаправленного развития творческих способностей лиц третьего возраста.

- обеспечения ценностно-смыслового равенства всех участников, реализации индивидуального и коллективного творчества в рамках работы творческой мастерской;

Кратко остановимся на каждом условии.

1. Учет возрастных особенностей пожилых людей предполагает медленное, четкое, громкое проговаривание заданий или вопросов мастером, проговаривание заданий несколько раз на каждом этапе, чтобы пожилые люди помнили цель своей деятельности, активизацию деятельности словесными указаниями или напоминаниями, избегание спешки (вся деятельность мастерской должна быть максимально комфортной, равномерной чтобы пожилые люди не чувствовали себя ущербными), распределение времени таким образом, чтобы люди успевали выполнить все задания без ущерба качеству деятельности и общения, продумывание смены видов деятельности, чтобы снять утомление.

2. Педагогическое сопровождение развития творческих способностей у лиц третьего возраста включает:

- стимулирование активности каждого участника, возможности внести посильный вклад в результат обучения – в виде опыта, идей, творческих находок;

- использование диалогических форм работы, обсуждения вопросов в открытой форме, допускающие различные точки зрения, суждения, формируют самостоятельность и критичность мышления;

- обучение самостоятельности в формулировании проблем и поиске решений, при этом выбор обсуждаемых вопросов строится на основе реальных проблем, вызовов и дефицитов, которые пожилые участники испытывают на себе в реальной жизни.

- наличие процедуры голосования. В процессе групповой работы рождаются идеи и предложения, которые необходимо структурировать, выбирать наиболее значимые и приоритетные. Обучающиеся принимают участие в различных игровых заданиях, позволяющих отобрать те аспекты или идеи, которые, по мнению большинства, заслуживают дальнейшей проработки в рамках мастерской;

- сочетание свободы и ответственности, присущее образовательному процессу. Пожилые люди могут проявлять свои способности в творчестве, открыто говорить о проблемах тогда, когда чувствуют себя внутренне свободными.

3. Обеспечение ценностно-смыслового равенства всех участников, реализации индивидуального и коллективного творчества в рамках работы творческой мастерской раскрывается нами следующим образом:

– мастерская должна позволить проявить богатство и неповторимость каждой личности, ее способности. Это возможно, если формат мастерской даст большую степень свободы самовыражения, наличие творческих задач, допускающих различные формы выражения, соотносимые с возможностями участников;

– внимание к каждому суждению, мнению. Работа в мастерской должна строиться таким образом, что все суждения и предложения письменно фиксируются, и даже если не получают одобрения большинства, все же есть возможность обратиться к ним позднее, проанализировать, не забыть.

Безусловно, огромную роль при создании условий отдается мастеру, работающему в данной мастерской. При этом педагог является консультантом, помощником, который организует занятия, что способствует развитию творческих способностей лиц третьего возраста.

Таким образом, руководитель мастерской (мастер) обязательно должен помнить, что главное действующее лицо на занятии – пожилой человек с его индивидуальными особенностями, где важны его идеи, чувства, ощущения, эмоции. Иначе, у участников мастерской не произойдет «инсайт» – озарение, не возникнет переживание радости открытия нового, познания неизвестного, свободного, не скованного авторитетными мнениями, творчества. Результатом работы в мастерской становится не только реальное знание или умение, важен сам процесс постижения истины и создание творческого продукта. При этом важнейшим качеством процесса оказываются самоценные явления, как сотрудничество и сотворчество.

1. *Гордина О.В.* Жизнетворчество как феномен, реализующийся в не-формальном образовании взрослых // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2013. – № 6 (26). – С. 58–63.

2. *Гордина О.В., Гордин А.И.* Непрерывное образование как фактор социализации людей третьего возраста // Казанский педагогический журнал. – 2015. – № 6, Ч. 2. – С. 265–268.

3. *Максимова С.Г.* Социально-психологическая адаптация: особенности формирования и развития у лиц пожилого и старческого возраста. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 1999. – 145 с.

4. *Малыхина Е.В.* Организация социального обслуживания пожилых людей на примере г. Москвы; социологический анализ: дис. ... канд. социол. наук. – М., 2000. – 143 с.

5. *Мухлаева Т.В.* Международный опыт неформального образования взрослых Академический вестник Института образования взрослых Российской академии образования Национальный доклад «Пожилые люди в Российской Федерации: положение, проблемы, перспективы». – М., 2002. – 56 с.

6. *Савинов Л.И., Герасимова Н.В.* Социальная адаптация пожилых людей к современной ситуации. – Саранск: Изд-во Морд. ун-та, 2002. – 101 с.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ ВОСПИТАННИКОВ ДОВУЗОВСКОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ РФ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ БУДУЩЕГО ОФИЦЕРА

О.В. Смирнова

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

В статье рассматривается влияние социально-психологической адаптации воспитанников кадетского корпуса на формирование у них ответственности.

Ключевые слова: социально-психологическая адаптация, ответственность, эмоциональное самочувствие, социально-групповая сплоченность, мотивация к учебной деятельности.

SOCIO-PSYCHOLOGICAL ADAPTATION OF PRE-UNIVERSITY EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF DEFENCE RUSSIAN FEDERATION AS THE FACTOR OF RESPONSIBILITY DEVELOPMENT OF A FUTURE MILITARY OFFICER

O.V. Smirnova

Dostoevsky Omsk State University

The article presents the research on influence of social and psychological adaptation of the cadet corps' students on development of their responsibility.

Key words: social and psychological adaptation, responsibility, emotional health, social-group unity, motivation to educational activity.

Проблема адаптации воспитанников к особым условиям кадетский, суворовских, нахимовский училищ и корпусов была установлена еще в начале XX в. Предоставляя возможность российским семьям отдавать своих детей в кадетские корпуса, Российское государство решало две задачи: оказывало помощь в воспитании детей семьям воинов или гражданских лиц, погибших, потерявших здоровье или отличившихся при защите Отечества или на службе ему; а также, что немало важно, давало детям, предназначенным к военной службе в офицерском звании, «общее образование и соответствующее предназначению воспитание» [4, с. 11].

С вступлением ребят в жизнь кадетского корпуса, они сталкиваются с определенными трудностями, начиная от навыков самообслуживания, сменой социального статуса и межличностных контактов, заканчивая сильной физической нагрузкой, которая сильно отличается со школьной программой. Все и не только это приводит к проблемам социально-психологической адаптации, эмоциональному напряжению и стрессу.

Отечественные ученые такие как Л.С. Выготский, К.А. Абульханова-Славская, А.В. Петровский, Е.В. Шорохова, А.А. Налчаджян и др., в своих концепциях отмечали, что смысл процесса адаптации как выражения единства взаимодействующих сторон, а именно человека и социальной среды, где основой единства выступает активность самой личности, которая ориентирована на познание окружающего мира и выработку четких принципов и определенных

способов взаимодействия, дающих возможность и приспособиться к изменившимся социальным условиям, и преобразовать их по мере необходимости. Компоненты (они же критерии адаптированности), выделяемые в структуре социальной адаптации личности выходные параметры деятельности личности, степени интеграции личности с макро- и микросредой, степень реализации внутриличностного потенциала, эмоциональное самочувствие [2, с. 26].

Понятие «адаптация» происходит от лат. *adaptatio* – приспособление, прилаживание. А именно приспособление организма и его функций, органов и клеток к условиям среды. Адаптация направлена на сохранение сбалансированной деятельности систем, органов и психической организации индивида при изменившихся условиях жизни [5, с. 81]. В связи со спецификой довузовских образовательных учреждений Министерства обороны РФ (суворовские и кадетские училища) выделяют: социально-бытовую, учебную, профессионально-служебную, социально-психологическую адаптацию учащихся [6].

К тому же, условия кадетского корпуса должны способствовать воспитанию и формированию в воспитаннике ответственности, ведь как известно – это навык, который можно развивать и воспитывать как в себе, так и в других людях. Изучением проблемы ответственности занимались такие ученые как К.А. Климова (1968), В.С. Агеев (1982), К. Муздыбаев (1983), Л.И. Дементий (1988, 1990), в военной психологии Н.Н.Семененко (1998). «В «Словаре современного русского литературного языка» дается следующее толкование понятия ответственности: «Ответственность – это возлагаемое на кого-либо или взятое кем-либо обязательство отчитываться в каких-нибудь своих действиях и принять на себя вину за возможные их последствия». Ответственность имеет непосредственное отношение к выполнению обязательств, под которыми понимают «обещание или договор, требующие от принявшего их безусловного выполнения»» (цит. по: [1]). Стоит взять во внимание утверждение Л.И. Дементий о том, что «ответственность как ресурсная личностная характеристика обеспечивает личности конструктивное отношение к жизни, предоставляет возможность разрешать противоречия и жизненные трудности, достигать успеха» [3].

В условиях кадетского корпуса у воспитанников должны сформироваться такие качества, присущие будущему офицеру: дисциплинированность, исполнительность, готовность точно и своевременно выполнять приказы командира, решительность, выдержка и самообладание, ответственность и так далее. [7]

В статье рассматривается формирование ответственности у первокурсников и второкурсников кадетского корпуса через адаптацию.

В исследовании приняли участие 40 воспитанников довузовского учреждения Министерства обороны РФ (ДОУ МО РФ) 13–14 лет: 20 человек – 1 год обучения, 20 – второй год обучения.

Предполагается, что оказывать влияние на формирование ответственности у воспитанников будут: педагоги, командование, Устав, в котором прописано за что кадет обязан быть ответственным, личное отношение воспитанников к учебному процессу.

В исследовании применялись: тест школьной тревожности Филлипса (адаптированный вариант) для изучения эмоционального самочувствия воспитанников. Методика изучения школьной мотивации (W. Henning) для определения уровня мотивации к учебной деятельности в корпусе; метод социометрии для выявления уровня социально-групповой сплоченности.

На первом этапе исследовался уровень эмоционального самочувствия воспитанников ДОУ МО РФ. Эмоциональная сфера играет огромную роль в жизни человека. Она способствует внутренней регуляции поведения: через переживание положительной или отрицательной эмоции – выражается оценка события, явления. С поступлением в ДОУ МО РФ к воспитаннику предъявляется повышенное число требований, ожиданий, акцент делается на то, что воспитанник «должен», а не на то, что он «хочет». С другой стороны, воспитаннику приятно

быть и чувствовать себя взрослее, ответственнее, видеть, что окружающие воспринимают его как будущего офицера. Безусловно, такое положение вызывает противоположные переживания: с одной стороны, стремление оправдать ожидания, а с другой – страх оказаться плохим учеником. На этом фоне возникает тревожность, как один из критериев эмоционального самочувствия учащегося кадетского корпуса.

Представляя данные, обратим внимание на те, где был большой разрыв в результатах. Фактор «фрустрация потребности в достижении успеха» у 8 класса выше (41 %), чем у 7 класса (26 %), вероятно это связано с большей загруженностью распорядка дня, что препятствует успешному достижению определенных целей. «Страх не соответствовать ожиданиям окружающих» у 8 класса выше (44 %) и приближается к уровню повышенной тревожности, чем у 7 класса (30 %). Ребята 8 класса сильнее ориентируются на то, как другие оценивают их поступки и мысли, в связи с этим возникает тревога за даваемые окружающими оценки, возрастает ожидание негативных баллов. Фактор «низкая физиологическая сопротивляемость стрессу» – 7 класс (29 %), 8 класс (16 %). Данные показывают, что воспитанники второго года обучения лучше приспосабливаются к стрессогенным ситуациям, что понижает уровень неадекватного реагирования на тревожный фактор окружающей среды, чем воспитанники первого года обучения. Рассматривая факторы «страх ситуации проверки знаний» и «проблемы и страхи в отношениях с учителями» можно проследить некую взаимосвязь: по 1 фактору у седьмого класса – 41 %, у восьмого – 45 % тревожности, а по 2 – 65 и 100 % соответственно, что уже говорит о повышенной и высокой тревожности классов. Об их тревоге во встречах и взаимодействии с преподавательским составом. Негативный эмоциональный фон в отношениях со взрослыми существенно снижает успеваемость воспитанников по учебным предметам, вследствие чего возникают трудности в выполнении домашнего задания и его проверке на занятии. Вероятно, такая ситуация возникает из-за того, что учащиеся плохо готовятся к выполнению домашнего задания, что говорит об отсутствии у них сформированного чувства ответственности за свои дела.

Менее выраженные различия по факторам: «переживание социального стресса» у воспитанников 7 и 8 классов по 20 % – низкого уровня. «Страх самовыражения» у 7 класса выше (43 %), чем у 8 (37 %). «Общая тревожность в школе» – у семиклассников полученные результаты немного выше (39 %), по сравнению с 8 (31 %).

Результаты по социально-групповой сплоченности в классах были получены при помощи диагностики, целью которой являлось определить индекс групповой сплоченности коллектива. Для этого определялись: групповое единство; групповая разобщенность; групповая сплоченность.

Рассматривая индекс группового единства, который по баллам выходит на средний уровень, можно сделать вывод, что и в 7 и 8 классе существует сближение оценок в нравственной и деловой сфере, в подходе к целям и задачам совместной деятельности. Индекс групповой разобщенности в обоих классах на низком уровне, что свидетельствует об оптимальном климате внутри каждого из классов, но для улучшения показателя групповой сплоченности следуют проводить профилактические работы, устранять возникновение каких-либо конфликтов между воспитанниками каждого года обучения. Индекс групповой сплоченности на среднем уровне в обоих классах, но в 7 он ниже – ближе к порогу низкого уровня, что говорит о слабой сплоченности класса. У 8 класса полученный балл так же не велик.

Мотивы, побуждающие воспитанников учиться в ДООУ МО РФ, были изучены при помощи методики W. Henning «Изучение школьной мотивации». По социальному заказу при подсчете данных не учитывался балл, которым воспитанники должны были оценить каждое из утверждений, таким образом, подсчитывалось общее количество баллов, полученных под каждым мотивом.

На основе данных можно сделать вывод, что на данном этапе у ребят 7 и 8 класса преобладает прагматический мотив (105 баллов у первого года обучения и 127 у второго года обучения), что говорит, о стремлении ребят приобрести новый социальный статус, реализовать свой потенциал, обеспечить себе в дальнейшем комфорт и безопасность, достойный уровень жизни, обеспечить семью. Познавательная мотивация для ребят обоих классов так же является немаловажным мотивом в учебной деятельности – 87 и 94 соответственно. Учеба – это основной и главный вид деятельности в данном возрасте. Они учатся, перенимают опыт более опытных и старших ребят, командиров, узнают о своей будущей профессии офицера много нового и стремятся достичь желаемого. В силу особенности учебного заведения у воспитанников первого и второго года обучения присутствует мотив долга – 86 баллов у первого года обучения, 103 – второй год обучения. У ребят постепенно формируется понимание того, что от них требуется, что они будущие защитники Отечества, должны быть ответственными за свои поступки и за ними стоит ряд обязательств.

Необходимо отметить важный момент, что как сегодня, так и прежде, перед кадетскими, суворовскими корпусами стоит главная задача – подготовка элиты офицерского корпуса Вооруженных Сил РФ, достойных граждан государственно-мыслящих, патриотично настроенных на деятельность, связанную с развитием и процветанием России.

1. Военная психология и ее прикладные аспекты: учебное пособие. – М.: Военный университет, 2008. – 93 с. (Автор неизвестен).

2. *Грушко Н.В., Чернобровкина С.В.* Творческий потенциал как фактор социально-психологической адаптации молодежи в меняющихся экономических условиях Омской области: монография. – Омск: Омск. гос. ун.-т, 2013. – 120 с.

3. *Дементий Л.И., Лейфрид Н.В.* Ответственность как детерминанта социальных представлений об успехе в условиях его достижения // Вестник Ом. ун-та. Серия: Психология. – 2012. – № 3 (65). – С. 289–295.

4. *Луговой А.А.* Кадетское движение в России: История и современность. Вопросы создания и перспективы развития кадетского движения в МЧС России: материалы международного конгресса: в 2 т. (Санкт-Петербург, 29–30 марта 2013 г.) / сост. О.М. Латышев, С.В. Шарапов, Ю.А. Волкова, Е.В. Терентьева, Н.В. Бирюлева. – СПб.: СПб ун-т ГПС МЧС России, 2013. – Т. 1. – 200 с.

5. *Мардахаев Л.В.* Социальная педагогика: учебник. – М.: Гардарики, 2005. – 269 с.

6. *Милованова Н.Ю.* Трудности социальной адаптации воспитанников к особенностям жизнедеятельности кадетского корпуса // Социально-экономические явления и процессы. – 2011. – № 10 (032). – С. 314–317.

7. *Монастырский В.А., Милованова Н.Ю.* Адаптация учащихся к жизнедеятельности кадетского корпуса // Психолого-педагогический журнал «Гаудеамус». – 2006. – № 9 (1). – С. 122–127.

ЭМПАТИЯ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ СУПРУЖЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

В.В. Сухова

Костромской государственной университете

В статье рассматриваются результаты исследования эмпатии на разных этапах развития семьи. Его участниками выступили 50 человек (25 семейных пар). Уровень проявления эмпатии измерялся с помощью методики В.В. Бойко. Было выявлено, что на разных этапах семейной жизни эмпатия у супругов характеризуется разными показателями.

Ключевые слова: эмпатия, семья.

EMPATHY AS THE FACTOR OF DEVELOPMENT OF THE MARITAL RELATIONSHIP

V.V. Sukhova

Kostroma State University

The aim of this work is the study of the specific characteristics of empathy at different stages of family development. 25 couples participated in the research. The level of empathy was measured with «Diagnostics of the level of empathic abilities» by V.V. Boyko. At different stages of family life the empathy of the couple is characterized by different indicators.

Key words: empathy, family.

В последние десятилетия растет интерес к проблемам семейного функционирования со стороны различных областей знания – психологии, социологии, этнографии, педагогики. Это объясняется тем, что традиционный институт семьи переживает определенный кризис, связанный с изменением содержания брачно-семейных отношений. С одной стороны, идет поиск каких-то новых форм семьи, которые лучше соответствовали бы современному этапу развития общества, с другой – непрерывно растет число разводов и в нашей стране, и за рубежом: сейчас на каждые три брака приходится в среднем один развод. На наш взгляд, одной из причин распада семей может быть недостаточное развитие эмпатии одного, или обоих супругов.

Мы предполагаем, что существуют различия в проявлении эмпатии супругов на разных этапах развития семьи.

В нашем исследовании приняли участие пары, находящиеся в браке и добрачных отношениях (планирующих брак в ближайшем времени). В выборку вошли 50 человек (25 семейных пар) из разных слоёв, различной образованности, обоих полов. Из них:

Добрачные отношения – 5 пар, 10 человек, в отношениях от 1 года до 3 лет, планируют вступить в брак в 2016 г., молодое супружество (без детей) – 5 пар, 10 человек, стаж в браке от нескольких месяцев до 5 лет, супружество среднего возраста (с детьми до 18 лет, проживающими в семье) – 5 пар, 10 человек, стаж в браке от 6 до 23 лет, супружество зрелого возраста (дети после 18 лет, не проживают в семье) – 5 пар, 10 человек, стаж в браке от 19 до 35 лет, супружество пожилого возраста (есть внуки) – 5 пар, 10 человек, стаж в браке от 25 до 45 лет.

Для реализации цели исследования использовали следующие методики: диагностика уровня эмпатии, автор опросника: В.В. Бойко; диагностика межличностных отношений, автор опросника: Т. Лири; опросник «Шкала семейной адаптации и сплоченности» (РЛСБ8-3), авторы опросника: Д.Х. Олсон, Дж. Портнер, И. Лави.

В результате исследования по методике диагностики уровня эмпатии В.В Бойко, мы определили, что на этапе добрых отношений и на этапе супружества среднего возраста (с детьми, проживающими в семье) уровень эмпатии занижен, в молодой семье (без детей), супружестве зрелого возраста (дети не проживают в семье) и в пожилом супружестве (есть внуки) – уровень эмпатии средний (нормальный).

На тех этапах, где у супруги уже состоят в браке, но у них еще нет детей (молодая семья) или дети уже не проживают в семье с родителями и даже есть внуки, эмпатия супругов повышается.

Также был обнаружен постепенный рост уровня эмпатии от одного этапа супружеских отношений к следующему. На этапе пожилого супружества уровень эмпатии самый высокий.

На этапе добрых отношений чаще всего проявляется интуитивная эмпатия (3,9 балла), на этапе молодой семьи примерно одинаково задействованы все каналы эмпатии: рациональный (3,4 балла), эмоциональный (3,8 балла) и интуитивный (3,9 балла), на этапе супружества среднего возраста, когда в семьях появляются дети, чаще всего проявляется рациональная эмпатия (3,9 балла), проявление рационального канала возрастает и достигает своего максимума на этапе пожилого супружества (4,9 балла).

На двух последних этапах развития супружеских отношений также возрастает проявление эмоциональной эмпатии (4,5 и 4,1 балла).

Установки, способствующие эмпатии, больше всего проявляются на этапе пожилого супружества (4,4 балла), супружестве среднего возраста (с детьми, проживающими в семье) (4,2 балла) и этапе добрых отношений (3,9 балла).

Проникающая способность в эмпатии расценивается как важное коммуникативное свойство человека, позволяющее создавать атмосферу открытости, доверительности, задушевности. Наиболее сильно она проявляется на этапе добрых отношений (3,8 балла), молодой семьи (3,9 балла) и пожилого супружества (3,9 балла).

Идентификация как умение понять другого на основе сопереживания, постановки себя на место партнера наиболее часто проявляется на этапе супружества зрелого возраста, также идентификация значима и на этапе молодой семьи (3,9 балла), когда супруги только пробуют себя в новой роли.

На наш взгляд, проявление эмпатии в супружеских отношениях является значимым условием успешного функционирования семей. В ходе исследования выявлено, что на разных этапах развития семьи ее внутренние взаимоотношения постоянно меняются: супруги могут отдаляться или сближаться в своих эмоциональных отношениях, лучше или хуже понимать друг друга в те или иные периоды жизненного цикла семьи, использовать разные каналы проявления эмпатии в зависимости от периода отношений и семейных событий. Все это говорит о том, что эмпатия, являясь личностной характеристикой человека, не постоянна в своем проявлении, а динамична и изменяется под воздействием тех или иных событий. Так на проявление эмпатии в супружеских отношениях может влиять этап этих отношений, события, связанные с рождением детей или их уходом из родительской семьи и создание своей семьи. Можно сделать вывод, что эмпатия развивается и формируется в течение жизни человека. Таким образом, есть основания полагать, что существуют различия в проявлении эмпатии супругов на разных этапах развития семьи.

СООТНОШЕНИЕ «ИНДИВИДУАЛЬНОГО» И «КОЛЛЕКТИВНОГО» В СТРУКТУРЕ ЦЕННОСТЕЙ И КОПИНГ-ПОВЕДЕНИЯ У СТАРШЕГО ПОКОЛЕНИЯ

Т.А. Чередниченко

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

В статье приводятся результаты исследования направленности личности представителей старшего поколения с целью определения степени согласованности коллективистского и индивидуалистического в системе ценностей и стратегий копинга.

Ключевые слова: коллективистская и индивидуалистическая направленность, иерархия ценностей, копинг-поведение, типы копинга.

RATIO "INDIVIDUAL" AND "COLLECTIVE" IN STRUCTURE OF VALUES AND COPING-BEHAVIOR AT THE SENIOR GENERATION

T.A. Cherednichenko

Dostoyevsky Omsk State University

In article results of a research of an orientation of the identity of representatives of the senior generation for the purpose of determination of degree of coordination collectivist and individualistic are given in a value system and the strategy of a coping.

Key words: collectivist and individualistic orientation, hierarchy of values, coping-behavior, coping types.

Изменения, происходящие в современном мире, играют большую роль в развитии сознания человека, одновременно вскрывая противоречия в новой картине мира. Одной из зон когнитивного конфликта в современном обществе, с которой, на наш взгляд, сталкиваются люди, выступает явное противопоставление индивидуального и коллективного в системе общественных ориентиров. Современная модель успешного человека действительно требует активности, ответственности, самостоятельности и независимости, с одной стороны, с другой – сохранения связи с группой, «корнями», обществом в целом. Особый интерес в связи с этим представляют представители старшего поколения – люди с уже сформировавшимися и устоявшимися идеалами. Они росли и воспитывались в обществе, направленном скорее на коллективное, чем индивидуальное. Для них было важно сохранять безопасность своей страны и общества, отдавая все для его развития и процветания. Однако, социальная ситуация изменилась, и, следовательно, требуется «обновление» на уровне личности и поведения, так как иначе неизбежны трудности адаптации, а консерватизм будет явным мешающим фактором при этом.

Таким образом, объектом нашего исследования выступает личность, предметом – ценности и копинг-стратегии, целью – изучение соотношения «индивидуального» и «коллективного» в структуре ценностей и копинг-поведения у старшего поколения.

Мы поставили перед собой следующие задачи: 1) изучение иерархии ценностей старшего поколения и определение соотношения коллективного и индивидуального в их структуре; 2) выявление предпочитаемых и отвергаемых копинг-стратегий у старшего поколения с учетом их индивидуальной или коллективистской ориентации; 3) установление связи ценностей и копинг-стратегий у представителей старшего поколения.

Основная гипотеза: у представителей старшего поколения существует связь копинга с ценностями, при этом коллективные ценности доминируют над индивидуальными, тогда как копинг включенности и коллективный копинг конкурируют между собой.

Для достижения поставленной цели и проверки гипотезы было обследовано 41 мужчина и женщина в возрасте от 38 до 50 лет. В качестве методов сбора данных выступили анкетирование и тестирование. Диагностический комплекс включал шкалу ценностей Шварца [1], модифицированную для изучения коллективных и индивидуальных ценностей, и кросс-культурную копинг-шкалу Куо [2]. Для обработки использовались первичная описательная статистика, частотный анализ, критерий углового преобразования Фишера, метод ранговой корреляции Спирмена.

Прежде всего, интерес представляет иерархия ценностей в сознании старшего поколения. Начнем с того, что из предложенного для оценки списка из 13 ценностей, ни одна из них не набрала меньше 4 баллов из 7 возможных, что свидетельствует о том, что все конструкты наделяются положительным жизненным смыслом. При этом, в пятерке лидеров у старшего поколения по средним значениям оказываются следующие из них: национальная безопасность, независимость, уважение к родителям и старшим, свобода и стабильность в обществе. При этом очевидно, что старшее поколение более всего волнует проблема национальной безопасности. Следующая по показателям группа ценностей, включает хорошие манеры, выполнение обязательств, самодисциплину и удовольствия. И замыкают иерархию насыщенная жизнь, творчество, изменчивая жизнь и храбрость. Если опираться на данные, охватывающие диапазон верхних значений в 6–7 баллов, свидетельствующих о высоком статусе той или иной ценности, то картина почти полностью повторяет иерархию по средним значениям.

Анализ полученной иерархии ценностей с точки зрения их коллективности или индивидуальности показал, что в сознании взрослых людей эти ценности переплетаются, однако все же коллективное доминирует над индивидуальным. На наш взгляд, такой результат может означать следующее: старшее поколение ставит интересы социума выше собственных. Взрослые члены общества ориентированы на уважительное отношение к окружающим, особенно родителям, готовы защищать социальные интересы государства, заинтересованы в его безопасности и развитии, для них более важна безопасность государства, чем личная свобода, они хорошо знают свои обязанности и считают важным их исполнять даже в ущерб наполненности своей жизни и удовольствия. В тоже время, заботясь об интересах общества, они все же стремятся сохранить собственную независимость, возможность самостоятельно принимать решения. Также полагаем, что если придется выбирать между собственными интересами и интересами социума (группы) приоритет чаще будет отдаваться последним. Однако, высокие показатели ценностей как коллективных, так и личных (индивидуальных), также могут свидетельствовать о возможности конфликтов, в частности, при необходимости выбора одной из них как более приоритетной.

При изучении копинг-поведения результаты диагностики показали, что явный приоритет отдается копингу включенности или собственной активности, то есть опрошенные предпочитают свои личные проблемы решать самостоятельно, собственными силами. Вторую позицию занимает коллективный копинг – значит, при решении важных вопросов, люди все же учитывают мнение окружающих себя людей, прежде всего, близких. На последнем месте, с явным «отрывом» от лидирующих позиций, оказалась стратегия избегания, т. е. уход от проблемных ситуация представляется явно нежелательным и даже отвергаемым вариантом. Частотный анализ эту последовательность делает еще более явной: большее количество людей отдают предпочтение собственной активности (65 % опрошенных), отвергающие же ее, полностью отсутствуют. Четверть опрошенных (25 % опрошенных) отдают свой выбор коллективной стратегии, чуть больше половины используют ее в средней степени и отвергают со-

всем небольшое количество. Избегание же, выступая однозначным аутсайдером, является авторитетом лишь для 10 % взрослых, тогда как явные его противники составляют пятую часть респондентов.

Итак, при столкновении с трудными жизненными ситуациями взрослые люди внутренне готовы к принятию вызова, склонны проявлять твердость и упорство для разрешения трудностей, предварительно планируя и тщательно обдумывая свои действия на фоне доверия к самому себе, собственным возможностям решить проблему самостоятельно, жизненного опыта, большего запаса знаний. Одновременно с этим, при принятии решения могут учитываться мнения близких, друзей, родителей. Тогда как смирение, игнорирование, отказ от активных попыток решения проблемы, менее вероятны. Однако, все же 10 % выбрали избегание как способ решения трудных ситуаций, это можно объяснить тем, что старшее поколение, в силу своего возраста может не прибегать к решению определенных проблем, зная, что все может решиться само собой, или же эта проблема просто не имеет такую значимость, чтобы тратить силы на ее преодоление и проще ее просто не заметить.

Так же интерес представляет то, что при оценке ценностей у исследуемой нами группы преобладает коллективное, т. е. они готовы многое сделать для улучшения государства и общества в целом, однако, когда дело касается их собственных проблем, в большей степени они рассчитывают только на себя и свои личные возможности в процессе преодоления жизненных трудностей.

Несмотря на то, что связей между ценностями и копингом было обнаружено не так уж и много, все же каждая из стратегий поведения указала на возможную детерминацию со стороны аксиологической сферы личности. А именно, прямая связь обнаружена между индивидуальным копингом и ценностью «самодисциплина» ($r_s = 0,345$ при $p \leq 0,05$), коллективным копингом и уважением к родителям ($r_s = 0,381$ при $p \leq 0,01$), а также храбростью ($r_s = 0,410$ при $p \leq 0,01$), избеганием и ценностью «насыщенная жизнь» ($r_s = 0,415$ при $p \leq 0,01$).

Таким образом, представители старшего поколения в большей степени ориентированы на общество, стараясь сделать все ради его развития, а так же на окружающих их людей, на поддержание с ними хороших отношений. Одновременно с этим, даже отдавая приоритет коллективным ценностям, старшее поколение все же не готово полностью пожертвовать своими идеалами. Это еще раз подчеркивает особую «смесь» в сознании и поведении «коллективного» и «индивидуального» у взрослых, требования к организации жизнедеятельности которых значительно трансформировались в последние десятилетия. В связи с полученными данными, полагаем, необходимы дальнейшие исследования, направленные на выявление динамических тенденций в аксиологической и конативной сферах личности наших современников, в том числе с учетом их возраста.

1. Карандашев В.Н. Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство. – СПб.: Речь, 2004. – 70 с.

2. Крюкова Т.Л., Гущина Т.В. Культура, стресс и копинг: социокультурная контекстуализация совладающего поведения. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2015. – 236 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аликина Елена Львовна – кандидат психологических наук, педагог-психолог, Муниципальная автономная образовательная организация «Усть-Качкинская средняя школа», Пермский край, alikinart@yandex.ru

Антилогова Лариса Николаевна – доктор психологических наук, профессор, зав. кафедрой общей и педагогической психологии, Омский государственный педагогический университет, г. Омск, antilogova@yandex.ru

Анфарович Екатерина Викторовна – студентка факультета психологии, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, anfarovich_ev@inbox.ru

Артемьева Ольга Валентиновна – магистрант, ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», Педагогический институт, г. Иркутск, olartemeva@mail.ru

Банщикова Кристина Владимировна – зам. директора по воспитательной работе, МОУ ИРМО «СОШ поселка Молодежный», г. Иркутск, cristina.orlova2011@yandex.ru

Бибнева Евгения Анатольевна – магистрант, Костромской государственный университет, г. Кострома, bebneva.e@yandex.ru

Бубнова Ирина Сергеевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной педагогики и психологии, ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», г. Иркутск, irinaz-bubnova@yandex.ru

Варлашкина Евгения Анатольевна – соискатель факультета психологии, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Москва, varlabkina@mail.ru

Гаркина Анастасия Александровна – студентка факультета психологии, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, nastyagn@inbox.ru

Гордина Ольга Васильевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры социальной педагогики и психологии, ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», Педагогический институт, г. Иркутск, g.o.v@rambler.ru

Грицкевич Кристина Сергеевна – студентка, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, г. Красноярск, griczkevichk@mail.ru

Гроголева Ольга Юрьевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, ogror@mail.ru

Гусарова Валерия Владимировна – студентка факультета психологии, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, gusarova_valerya@mail.ru

Дементий Людмила Ивановна – доктор психологических наук, профессор, декан факультета психологии, заведующая кафедрой социальной психологии, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, dementiy@univer.omsk.su

Деревцова Елена Николаевна – старший преподаватель, ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», г. Иркутск, ele-derevcova@yandex.ru

Дианова Екатерина Анатольевна – студентка факультета психологии, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, dianova-1996@mail.ru

Дронова Алена Андреевна – студентка факультета психологии, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, moonraven@inbox.ru

Ермоленко Анна Евгеньевна – студентка факультета психологии, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, anutik0495@mail.ru

Задорожная Мария Васильевна – социальный педагог, Государственное бюджетное профессиональное образовательное учреждение Иркутской области «Ангарский политехнический техникум», г. Ангарск, msh.yuferova@mail.ru

Захарова Ирина Григорьевна – студентка факультета психологии, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, zah-irina-anabel@mail.ru

Камнева Виктория Викторовна – студентка факультета психологии, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, kamneva-vik@mail.ru

Ковалева Юлия Викторовна – ассистент кафедры социальной работы, Смоленский государственный университет, г. Смоленск, Kovaleva_YV@mail.ru

Козловский Петр Валерьевич – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного процесса, Омская академия МВД России, г. Омск, kozlovskypv@yandex.ru

Колодина Анастасия Викторовна – кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, avkolodina@rambler.ru

Королева Ксения Владиславовна – студентка факультета психологии, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, koroleva_k3@mail.ru

Коршиков Борис Николаевич – магистрант, Костромской государственный университет, г. Кострома, boris.korshikov@bk.ru

Крико Татьяна Дмитриевна – педагог, МБОУ «Горячеключевская СОШ», г. Омск, tatyana_kriko@mail.ru

Кролевец Ольга Петровна – преподаватель кафедры социальной психологии, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, necheporenko_olga@mail.ru

Кружкова Ольга Владимировна – кандидат психологических наук, доцент, заведующая кафедрой философии и акмеологии, Уральский государственный педагогический университет, институт менеджмента и права, г. Екатеринбург, galiat1@yandex.ru

Крюкова Татьяна Леонидовна – доктор психологических наук, профессор, Костромской государственный университет, г. Кострома, tat.krukova44@gmail.com

Купченко Виктория Евгеньевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, kupchenko07@mail.ru

Левит Леонид Зигфридович – доктор психологических наук, директор Центра психологического здоровья и образования, г. Минск, leolev44@tut.by

Лейфрид Наталья Валерьевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, natvl78@mail.ru

Маленов Александр Александрович – заведующий учебно-научной лабораторией, заместитель декана, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, malyonov@univer.omsk.su

Маленова Арина Юрьевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, malyonova@mail.ru

Малюга Кристина Вадимовна – студентка факультета психологии, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, kristina.malyuga@mail.ru

Мантахаева Анастасия Анатольевна – магистрант, ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», Педагогический институт, г. Иркутск, Zlatovlaska231@gmail.com

Маркова Яна Сергеевна – магистрант, ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», г. Иркутск, yana.markova.1991@bk.ru

Москвитина Ольга Александровна – кандидат психологических наук, доцент, старший научный сотрудник, ФГБНУ «Психологический институт РАО», г. Москва, mskvn-lg@yandex.ru

Мужичкова Юлия Евгеньевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры «Управление персоналом и психология», Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, muzhichkova@yandex.ru

Нечитайло Янина Сергеевна – студентка факультета психологии, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, hana_95@list.ru

Орлова Ольга Игоревна – студентка факультета психологии, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, olya.olya.orlova5@gmail.com

Осадчук Ольга Леонидовна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики и психологии, ГБОУ ВПО «Омский государственный медицинский университет» Минздрава России, г. Омск, ool58@mail.ru

Потапова Юлия Викторовна – старший преподаватель, ФГБОУ ВО Омский государственный медицинский университет Министерства здравоохранения РФ, г. Омск, kardova.jv@gmail.com

Рожков Евгений Михайлович – педагог-психолог, Центр образования «Технологии обучения», г. Москва, eugenrozhkov@gmail.com

Росийчук Татьяна Анатольевна – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, Институт психологии им. Г.С. Костюка НАПНУ, Украина, г. Киев, t.rosiychuk@mail.ru

Рычкова Софья Геннадьевна – магистрант, ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», Педагогический институт, г. Иркутск, sayonarasmile@mail.ru

Симонова Ирина Александровна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и акмеологии, Уральский государственный педагогический университет, институт менеджмента и права, г. Екатеринбург, Luboe05@mail.ru

Скворцова Лариса Леонидовна – аспирантка кафедры психологии, Белорусский государственный университет, г. Минск, starling2009@gmai.com

Смирнова Ольга Владимировна – студентка факультета психологии, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, lelya.smirnova00@list.ru

Сухова Виктория Валерьевна – магистрант, Костромской государственный университет, г. Кострома, Sukhova1991@inbox.ru

Ушева Татьяна Фёдоровна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры социальной педагогики и психологии, Иркутский государственный университет, Педагогический институт, г. Иркутск, itf76@mail.ru

Фанталова Елена Борисовна – кандидат психологических наук, профессор, Московский государственный психолого-педагогический университет, г. Москва, elenafantal@yandex.ru

Хазова Светлана Абдурахмановна – доктор психологических наук, профессор, Костромской государственный университет, г. Кострома, hazova_svetlana@mail.ru

Чередниченко Татьяна Александровна – студентка факультета психологии, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, tanya_cherednichenko2302@mail.ru

Чернобровкина Светлана Владимировна – кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, chernobrovkina_s@list.ru

Шадрин Николай Семенович – доктор психологических наук, профессор, Павлодарский государственный педагогический институт, г. Павлодар, nn_shadrin@mail.ru

Шаргородская Ольга Владимировна – психолог, ООО «Мир здоровья», г. Кострома, bespalova75@mail.ru